

XIII ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

Иваново 2014

Департамент культуры и культурного наследия
Ивановской области

Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Ивановское областное краеведческое общество

XIII ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
научно-практической конференции**

Плес, 21–22 декабря 2012 г.

Иваново 2014

ББК 85.143(2Рос)1-8
П-382

XIII Плесские чтения: материалы науч.-практ. конф.,
Плес, 21–22 декабря 2012 г. – Иваново, 2014. – 236 с.
ISBN 978-5-89729-215-8

Сборник содержит материалы конференции «XIII Плесские чтения», которая состоялась 21–22 декабря 2012 года в Плесском музее-заповеднике. Тематика докладов включает в себя широкий круг вопросов, связанных с проблемами сохранения историко-культурного и природного наследия на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны, материалы краеведческих исследований на территории Ивановской области. Тексты статей сборника поступили в редколлегию 22.12.2012 г.

Издание адресовано работникам музеев, искусствоведам, краеведам, всем, кто интересуется историей, культурой и природой Ивановского края.

Редакционная коллегия

А. И. Сорокин, М. А. Голубева, Г. В. Паиченко

ISBN 978-5-89729-215-8

© Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2014

И. Н. Заиканова

**ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ДОЛИНЫ Р. ВОЛГА
В РАЙОНЕ Г. ПЛЕСА В ЧЕТВЕРТИЧНОМ ПЕРИОДЕ**

Формирование речной сети – это история со многими неизвестными, поскольку река, особенно такая большая как Волга имеет, как правило, очень богатое прошлое и в нем участвуют самые разные геологические, климатические процессы и даже астрономические явления. Но нашей задачей является выяснить, почему в период, который в археологии называют палеолит, а в геологии его относят к раннему-среднему плейстоцену на территории города Плеса в условиях, наверное, самых благоприятных для поселения там человека, отсутствуют палеолитические стоянки. Поэтому и обратимся к этому времени и попытаемся понять, что там происходило.

Новейший этап в геологической хронологии Земли носит название четвертичного периода или плейстоцена. По продолжительности он самый короткий (менее 2 млн лет). Так как история последнего этапа плейстоцена ознаменовалась появлением современного разумного человека (*Homo sapiens*), многие исследователи присвоили ему другое название – антропоген.

Ученые считают, что четвертичный период в истории Земли выделяется особой динамичностью всех природных процессов (К. К. Марков, А. А. Борисов, В. М. Синицын и др.). В этот период продолжались движения земной коры, начавшиеся в олигоцене и неогене¹. Для того, чтобы представить их размеры обратимся

© Заиканова И. Н., 2014

¹ Олигоцен – последняя эпоха палеогенового периода, начавшаяся 33,9 миллионов лет назад и закончившаяся 23,03 миллионов лет назад. Эпохе олигоцена предшествует эпоха эоцена, а последовательницей является эпоха миоцена, открывшая неогеновый период.

к цифрам. Исходная поверхность вершин Большого Кавказа к началу неогена составляла не более 500–1000 м, а современные вершины достигают высоты около 5000 м. Если еще учесть, что поверхность вершин за это же время снизилась за счет денудации¹ на 2000–3000 м, то, следовательно, новейшие поднятия исчисляются в среднем в 7000 м. Если же говорить о равнинах, к которым относится Восточно-Европейская, то по данным К. К. Маркова высота суши в целом увеличилась от 300 до 800 м. Д. В. Наливкин также писал, что «Русская платформа до настоящих дней продолжает жить интенсивной тектонической жизнью». По данным Д. Б. Малаховского, характерной особенностью большинства врезов² Русской равнины является значительная глубина залегания тальвегов³ рек, расположенных часто на сотни метров ниже уровня моря. Столь низкие отметки тальвегов известны не только для побережий, но и для местностей, удаленных от них до 1000 км, например, отметка минус 112 м у г. Костромы. При этом глубина вреза в дочетвертичные породы достигает местами 100–250 м. Ширина палеодолин обычно не превышает нескольких километров.

Применив комплекс методов (сравнение мощности отложений, изучение состава отложений, геоморфологический анализ и т. д.) Г. Ф. Мирчинк доказал наличие молодых движений почти во всех районах Восточно-Европейской равнины, установив, что эти движения связаны с древней тектоникой, следуют общей направленности тектонического развития территорий до плейстоцена. Все события плейстоцена на Русской равнине протекали на фоне интенсивных тектонических процессов орогенеза⁴ в зоне

¹ Денудация – совокупность процессов сноса и переноса (водой, ветром, льдом, непосредственным действием силы тяжести) продуктов разрушения горных пород в пониженные участки земной поверхности, где происходит их накопление.

² Имеются в виду эрозионные врезы, образовавшиеся в условиях углубления долины реки.

³ Тальвег – линия, соединяющая наиболее пониженные участки дна реки, долины, балки, оврага и др. отрицательных форм рельефа.

⁴ Орогенез – горообразование. Процесс формирования горных сооружений под влиянием интенсивных восходящих тектонических дви-

альпийской складчатости¹ и испытывали его воздействие. Новейшие движения существенно повлияли на перестройку речной сети рек Урала, Енисея и Лены, коснулись они и реки Волги.

Наконец, резкие колебания температуры и влажности в четвертичном периоде привели к ритмичному чередованию ледниковых и межледниковых эпох. Если говорить в целом, то река Волга в течение плейстоцена испытала наступления с северо-запада ледников и затопления с юга морями. Таким образом, менялись во времени не только направления русла Волги, но и ее протяженность.

Рисунок древней речной сети р. Волги разными авторами восстанавливается неодинаково. Но большинство, в том числе С. Л. Бреслав, В. А. Исаченков, С. М. Шик и другие, вслед за Г. Ф. Мирчинком, считают, что в доледниковое время долинная сеть бассейна Верхней Волги существенно отличалась от современной и что она претерпела изменения под воздействием оледенений.

Таким образом, мы наметили три основных фактора, определяющих устройство и изменение речной сети р. Волги: структура территории в доплейстоценовое время, тектонические движения в период плейстоцена и материковые оледенения.

Согласно Г. В. Обедиентовой (1977), а также многих авторов, в дочетвертичное время (по их мнению в среднеплиоценовое²), долина р. Волги на меридиональном отрезке проходила на 75–80 км восточнее, а широтная часть (то есть Верхневолжская) на 10–15 км севернее современного русла. По мнению Вострякова (1967) Палео-Волга в низовьях испытала в это время врезание до 800 м.

Остановимся на новейших тектонических явлениях, происходивших на Русской равнине. В результате проведенных иссле-

жений, скорость которых превышает скорость процессов, ведущих к выравниванию поверхности Земли.

¹ Альпийская складчатость – последняя крупнейшая эпоха тектогенеза, охватывает последние 50 млн. лет геологической истории Земли (палеоцен – кайнозой).

² Плиоцен – эпоха неогенового периода, начавшаяся 5,332 миллиона лет назад и закончившаяся 2,588 миллионов лет назад. Эпохе плиоцена предшествует эпоха миоцена, за ним следует плейстоцен.

дований были выделены 3 основных этапа: *раннечетвертичный этап* общего поднятия Русской равнины, проявившийся в речных долинах как общий этап врезания прарек значительно глубже дна современных русел (в р-не Городца – 32 м, в р-не Астрахани – 110 м относительно уровня моря); *ранне-среднечетвертичный этап* общего тектонического опускания, характеризовавшийся не только выполнением переуглубленных долин материалом сноса с прилегающих территорий, но и накоплением аллювия¹ самых высоких террас в современных долинах; *позднечетвертичный этап* нового общего поднятия, вызвавшего врезание современных речных долин (А. А. Асеев, 1978).

Наиболее изучена и геологически документирована та часть р. Волги, которая имеет направление с севера на юг. Здесь работали многие известные геологи и географы, а территория Верхней Волги, к которой относится г. Плес изучена гораздо слабее. Обратимся к истории Волги в районе, прилегающем к верхневолжскому с востока – в Среднем Поволжье и представим, как интерпретируют ученые события в той части пра-Волги к началу четвертичного периода.

Импульсы альпийского (кавказского) орогенеза к началу плейстоцена докатились до района Среднего Поволжья. Поднятия, вызванные этим циклом орогенеза, вновь оживили речную эрозионно-аккумулятивную (разрушительную и накапливающую) деятельность рек. Но реки, сообразуясь с возникшей структурой, выбрали себе иные пути стока. Интенсивно отодвигая свой крутой правый берег в направлении к югу, иной путь нашла себе и пра-Волга.

Начало четвертичного периода характеризуется целой серией широкоамплитудных интенсивных эпейрогенических² движений, происходящих на фоне постоянно преобладающих поднятий земной коры. Это привело к возникновению целой серии углублений, заполненных аллювиальными накоплениями раннечетвертичного возраста. Субтропические экзоты, которые росли по

¹ Аллювий – отложения реки, других постоянных водотоков.

² Эпейрогенические движения – медленные вековые поднятия и (или) опускания обширных площадей, не вызывающие изменения их структуры, в отличие от орогенических (см. орогенез).

берегам реки в плиоцене (тсуга, кетелеэрия, ларикс, подокарпус, секвойя, магнолия, рус, нисса, югланс и другие) уже почти не встречаются по берегам этих рек, наоборот, временами преобладает холодолюбивая растительность.

В том отрезке Волги, где заложился перегиб долины с широтного направления на меридиональное, формируется сложное раннечетвертичное переуглубление, которое проходит в 10–15 км севернее ее современного русла. Кстати, с этим переуглублением связаны основные надежды по обеспечению высококачественными питьевыми подземными водами таких городов как Дзержинск, Горький, Кстов.

К концу раннечетвертичного времени приурочивается расчленение основной водной артерии на отдельные рукава. Возникают пра-Ока, пра-Клязьма, Пучеж-Городецкий отрезок пра-Волги.

600 тысяч лет назад преобладающие поднятия сменяются опусканиями. В переуглублениях долин возникших пра-рек, сформированных в раннечетвертичное время, над поверхностью отложений сормовской свиты или непосредственно на коренных отложениях накапливаются среднечетвертичные аллювиальные, преимущественно песчаные образования. Эти отложения вновь переполняют переуглубление и образуют высокую аллювиальную террасу, на которой располагается г. Дзержинск. Дальнейшие геологические события в долинах Оки и Волги снова смещают русла на юг.

По мнению И. В. Пролеткина, воды, дренировавшие территорию Среднего Поволжья, собирались в одну крупную артерию, имевшую западное направление стока и располагавшуюся на широте современной долины р. Волги чуть севернее участка от Казани до Нижнего Новгорода. Затем эти воды текли через Окский речной бассейн на юго-запад, в долину р. палео-Дон. Общую структуру и направление стока данной артерии и ее водосборного бассейна в то время можно выразить следующим образом: палео-Кама – палео-Волга – палео-Ока – палео-Дон.

Но сказанное выше относится к той части р. Волги, которую называют Средней Волгой. Что в это время происходило на отрезке современной Верхней Волги?

По мнению А. А. Асеева на первом этапе новейших тектонических явлений – поднятии, Верхневолжская низменность осталась в бассейне стока северных рек (А. А. Асеев, 1974). В районе Костромской низменности врезы рек составляли 40–50 м.

На следующем этапе тектонической деятельности в ранее созданных глубоких врезках происходила разработка широких долин и выполнение их осадками, если реки не меняли своего направления. В это время в Каспийском море произошли несколько трансгрессий¹, в результате чего устье Волги поднималось вверх по течению почти на 950 км. В это же время происходили среднеплейстоценовые материковые оледенения.

Следующая тектоническая фаза развития территории Верхней Волги характеризовалась глубоким врезанием долин и общим поднятием суши. После небольшого опускания, поднятие возобновилось во время валдайского оледенения. В целом, с конца среднего плейстоцена до современности река испытала очень значительное врезание.

На описанном выше общем фоне тектонической деятельности свое влияние на формирование долины р. Волги в четвертичное время имели материковые оледенения.

Большой фактический материал по территории Верхней Волги был опубликован Е. Н. Шукиной (1933), кроме того здесь работали такие известные ученые, как Г. В. Обедиентова и К. К. Марков, Г. И. Горецкий, Соколов и др. Они указывали на наличие в районе г. Плеса двух морен (отложений периодов оледенений), причем верхняя, московская морена выклинивается сразу к востоку от Плеса. Согласно Карте поясов краевых образований Европейской части СССР и прилегающих зарубежных стран (составители И. И. Краснов и Е. П. Зарина, 1964), через г. Плес проходит граница московского оледенения, которая фиксируется по холмисто-моренным образованиям Галичско-Чухломской возвышенности. С запада эта возвышенность граничит с Костромской низиной, которую Г. И. Горецкий (1966) называет ложбиной ледникового выпахивания. Выполнение экзарационных¹ ложбин такого типа происходило в относительно суровых условиях, когда в приледниковых водоемах еще плавали небольшие айсберги, поэтому в составе отложений ложбины встречаются линзы айсберговой морены.

¹ Трансгрессия – процесс наступания моря на сушу, происходящий в большинстве случаев в результате опускания суши.

ционных¹ ложбин такого типа происходило в относительно суровых условиях, когда в приледниковых водоемах еще плавали небольшие айсберги, поэтому в составе отложений ложбины встречаются линзы айсберговой морены.

По данным Г. И. Горецкого, в Чкаловском и Городецком районах, где проходила погребенная долина Пра-Волги, прарека имела вид крупной равнинной реки, с шириной долины 4–5 км и мощностью аллювия 30–40 м. При таких показателях, как предполагает автор, протяженность Верхней Пра-Волги вверх по течению должна была быть большой, по крайней мере – несколько сот километров. Однако следов погребенного аллювия столь мощной реки в долине современной Волги выше устья р. Унжи обнаружены не были. Поэтому остается предполагать, что аллювий Пра-Волги погребен в долине современной р. Унжи. Именно в долине этой реки искал Г. И. Мирчинк следы древней Пра-Волги, имевшей, по его мнению, сток в р. Дон. Веские доводы для своих палеогеографических реконструкций он видел в двух важных фактах: 1) в отсутствии в долине Верхней Волги выше Кинешмы следов погребенной продолины и 2) в наличии по долине р. Унжи и по прилегающим водоразделам широкой полосы понижений доледникового рельефа, выполненных предледниковыми песками. Эти пески, образующие нередко «сплошное песчаное поле», были хорошо прослежены Е. Н. Шукиной (1933) и И. И. Кроном (1934 а, б).

Бурением, производившемся при изысканиях под строительство Горьковского водохранилища установлено, что в районе Чкаловска и Городца погребенная долина Пра-Волги подходит к самому руслу современной Волги, а Городецкий приток Пра-Волги пересекает Волгу у Городца, далеко заходя на ее правый берег.

Но опять, мы только приближаемся к той части Волги, где находится г. Плес, причем приближаемся с востока. В работах этих исследователей этот район остается «темным пятном».

¹ Экзарация (от лат. exaratio – выпахивание) – процесс разрушения ледником слагающих его ложе горных пород с последующим выносом обломков.

Есть мнение, что формирование речной долины от истоков Волги и до бассейна Оки связано с несколькими позднеледниковыми стадиями спуска исчезнувших ныне крупнейших приледниковых озер, которые заполняли современные низины: Волго-Шошинскую, Молого-Шекснинскую, и Ярославско-Костромскую. Формирование современного верхнего русла реки относится, как и у Верхнего Днепра, ко времени после велсовской стадии (примерно – 15,5–14,5 тыс. л. н.). Этому мнению, в частности, придерживалась Г. В. Обедиентова. В этот период Верхневолжская система озер получила сток в северном направлении через Белозерское приледниковое озеро, а в лужскую¹ стадию – и через Онегу. В беллинге (фаза позднеледникового потепления, приблизительно от 12 800 до 12 300 лет назад) возник прорыв Волги у г. Плеса [Квасов, 1975, с. 81–84].

Попытаемся обратиться к данным геоморфологических исследований. Какие же выводы об истории формирования долины современной Волги можно делать на их основе?

Г. В. Обедиентова (1977) отмечала, что долина Волги между Рыбинском и Юрьевцем, за исключением участка, проходящего через Костромскую низину, узкая и симметричная. Высокие берега пересечены множеством мелких рек и коротких балок. Наибольшей высоты берега достигают при пересечении возвышенности в районе г. Плеса.

Детально структуру долины Верхней Волги описали Геренчук (1960) и Спиридонов (1954), которые считали, что общий рисунок гидрографической сети бассейна Верхней Волги имеет радиальный характер. То есть впадающие в нее реки образуют как бы радиусы, которые сходятся в долину современной Волги. Это связано с тем, что Волга течет по центральной оси московской синеклизы – крупной геоструктуре, характеризующейся направленными отрицательными тектоническими подвижками. При этом, по их мнению, очертания бассейна р. Волги в районе верхнего течения соответствует очертаниям (границам) палеозойской

¹ В собственно валдайском оледенении выделяются 7 стадий: бологовскую, едровскую, велсовскую, крестецкую, лужскую, невскую и финскую (сальпауселья).

московской синеклизы. Выше мы упоминали мнение Г. И. Мирчинка, доказавшего, что современная тектоника наследует основные тенденции дочетвертичной.

Следовательно, можно предполагать, что заложение широтного отрезка р. Волги, который принято называть Верхневолжьем, могло произойти тогда, когда на Русской равнине имели место общие тенденции опускания, которые обосновал в своих работах Асеев, то есть в среднечетвертичное время. В этот период эти тенденции наложились на общее опускание, характерное для московской синеклизы, либо спровоцировали его. Отметим, что опускание было максимальным в осевой части, то есть оно следовало некоторой оси (линии), которую унаследовала долина Верхней Волги.

Геоморфолог Е. Н. Щукина, детально исследовавшая долину р. Волги в районе Ивановской и Горьковской областей, отмечает, что «современные формы рельефа бассейна верхней Волги вырабатываются после ухода вюрмского¹ ледника» (1933). На самом деле, как теперь окончательно установлено, вюрмского (валдайского) ледника здесь не было, он до территории г. Плеса не доходил, а Е. Н. Щукина принимала за валдайскую морену (как она пишет, «верхнюю»), морену более раннего московского оледенения. То есть вывод о том, что образование долины Верхней Волги произошло в этап опускания, совпадавший с московским оледенением ею подтверждается, если сделать поправку на то, что «верхняя» морена – московская.

Еще одним доказательством того, что на отрезке современной р. Волги в районе г. Плеса река появилась относительно поздно, является отсутствие здесь аллювиальных террас. Детальные исследования, проведенные в этом районе Институтом геоэкологии РАН в 2003–2006 гг., включавшие составление детальной геоморфологической карты, подтвердили отсутствие здесь террас р. Волги и позволили установить довольно активное поднятие Галичско-Чухломской возвышенности, которую пересекает р. Волга в районе Плеса. Принадлежность этой возвышенности к

¹ Вюрм – последняя ледниковая эпоха, выявленная впервые в Альпах, в России соответствует валдайскому оледенению

системе, образующей цепь конечноморенных гряд¹ московского ледника, позволяет предположить, что это поднятие является изостатическим², компенсирующим давление ледника.

Интересно отметить, что р. Шохонка, впадающая в пределах г. Плеса в р. Волгу, стекает с Галичско-Чухломской возвышенности, расположенной вкрест течению р. Волги. Можно предположить, что в период таяния московского ледника, в его краевой зоне, которая, как отмечалось выше находилась в районе г. Плеса, образовался аналогично р. Шохонке поток, послуживший основой для вреза современного русла р. Волги, который собирал воды и потоки, стекавшие с этой конечноморенной гряды. Исследователи отмечают молодой характер долин рек, впадающих в Волгу на ее широтном отрезке. Верховья Волги геологически — очень молодое образование. Наиболее характерной чертой бассейна Верхней Волги является очень слабая эрозионная освоенность территории. Выраженная расчлененность рельефа связана не с водно-эрозионными процессами, а с первичными неровностями ледниково-аккумулятивного рельефа. Протекающие здесь речки и ручьи не имеют разработанных долин и пассивно следуют древним понижениям, многие из которых заняты озерами или заболочены [Лопатников, Шик, 1963, с. 115].

Н. С. Чеботарева (1946, с. 146) также предполагала, что отрезок Волги от д. Сторожевой до Юрьевца был, вероятно, притоком Пра-Унжи.

Е. Н. Щукина на основе своих многолетних исследований писала: «В вюрмское (читай, московское. — И. З.) время Волга, в пределах широкого участка от Сунгунова (выше Плеса) до Юрьевца-Повольского, еще не существовала, только на месте современной долины Волги от впадения Сунжи протекал приток, впа-

¹ Конечноморенная гряда — положительная форма рельефа вытянутой формы в виде одной или нескольких дугообразных гряд у границы ледника при его длительном стационарном положении, место отложения фронтальной морены.

² Изостатическое поднятие — явление компенсационного, уравнивающего поднятия, наступающего после таяния льда, вызвавшего опускание территории. Максимальный подъем зафиксирован на архипелаге Кварген (Швеция) — 294 м.

давший в долину Волги у Юрьевца-Повольского». Далее она пишет: «После ухода вюрмского (московского. — И. З.) ледника, с увеличением влажности произошло перепиливание Плес-Галичской гряды, бассейн Ярославско-Костромского понижения был перехвачен одним из притоков Унжи и этим самым образовалась современная долина Волги на ее широтном участке от Сунгунова до Кинешмы и далее до Юрьевца-Повольского». Можно только добавить, что не столько с увеличением влажности, сколько с обилием воды, освобождавшейся при таянии ледника, могли образоваться потоки, которые, стекая с западного и восточного склонов гряды, и перепилили ее, образовав долину современной Волги¹.

Суммируя сказанное выше, нужно отметить, что, если следовать литературным источникам, геологически история Верхневолжья в районе г. Плеса изучена очень слабо. Гораздо лучше и основательнее она известна для Средней и Нижней Волги, которым посвящено несколько монографий, в том числе Г. И. Горещкого, Г. Н. Обедиентовой и др. Однако, очевидно, что возраст формирования широтной и меридиональной частей р. Волги — различный, и данные этих исследований никак не могут быть экстраполированы на отрезок Волги в районе г. Плеса. Геологические и геоморфологические исследования подтверждают, что в р-не г. Юрьевца пра-Волга проходила по долине современной р. Унжи. Основой для суждения о формировании современного русла р. Волги в районе г. Плеса могут служить исследования палеогеографов и геоморфологов, которые изучали эту территорию, описали ее рельеф и отложения. Эти исследования показывают, что формирование современного русла Волги в этом районе произошло скорее всего в конце среднего-начале верхнего плейстоцена. Прорыв Галичско-Чухломской возвышенности в районе г. Плеса позволил «собрать» воедино все существовавшие на пространстве от Валдайской возвышенности до Плеса малые водотоки и осушить системы исчезнувших ныне крупнейших приледниковых озер. Территория г. Плеса и в настоящее время

¹ Подобного рода долины относятся к типу сквозных долин.

испытывает активное поднятие, которое обуславливает современное врезание Волги в возвышенность.

В настоящее время Волга самая крупная река Европы, ее широтный отрезок с запада на восток составляет 1800 км (при том, что длина меридионального отрезка – 1900 км). Общее количество впадающих в Волгу водотоков – более 150 тысяч, причем большая их часть приходится на северную половину бассейна (Верхневолжье).

Несколько слов о заселении данной территории людьми в каменном веке.

Как известно, начало каменного века отмечено появлением на земле древнейших обезьяноподобных людей (архантропов), которые изготавливали примитивные орудия труда из дерева, кости, а главным образом из камня. В недрах каменного века сформировался человек современного физического типа *Homo sapiens* (человек разумный). Активно происходил процесс расселения первобытных людей из их первоначальной родины Африки и Южной Азии по просторам Европы и Северной Азии. В каменном веке человек научился добывать огонь, шить одежду, строить жилища. Были изобретены лук со стрелами, а также средства передвижения: лодка, лыжи, сани. Появилось искусство (наскальная живопись, каменные и костяные скульптурки, ритуальные танцы и песни). В конце эпохи камня люди перешли от охоты, рыболовства, собирательства к земледелию и скотоводству. Переход от присваивающего хозяйства к производящему повлек за собой новые качественные изменения.

Историю каменного века ученые подразделяют на три основных периода: *палеолит* (древний каменный век), *мезолит* (средний каменный век) и *неолит* (новый каменный век).

Древний каменный век. Первые люди на территории, например, современного Татарстана появились в эпоху *палеолита*, т. е. около 100–40 тысяч лет тому назад. Тогда на приволжских просторах происходило несколько смен климатов, связанных с материковыми оледенениями и разделяющими их межстадиалами, при этом холодный и сухой климат с относительно малым количеством осадков, присущий приледниковым, тундровым зонам, замещался на более теплый, влажный. В холодные периоды

наиболее распространенными крупными животными были северные олени, лоси, лошади, медведи, шерстистые носороги и мамонты. На них и охотился первобытный человек. Древнейшая стоянка первобытных охотников на берегах Волги располагалась, в урочище «*Красная Глинка*» недалеко от села Бессоново Тетюшского района. При археологических раскопках здесь найдены каменные рубила, скребки, остроконечники и ножи-резцы. Обитатели урочища, так называемые неандертальцы, еще не умели строить себе дома из бревен. Они жили в пещерах и шалашах, вели кочевой образ жизни, передвигаясь с места на место вслед за стадами животных. В период *позднего палеолита* (40–12 тыс. лет назад) происходило заметное потепление климата. Ледник постепенно отступал. С юга в Приволжье стали мигрировать теплолюбивые животные, а за ними и люди. Стоянки того времени обнаружены по берегам Волги и Камы у сел *Долгая Поляна*, *Сюкеево*, *Красновидово*, *Измери* и некоторых других. Люди также пользовались каменными ножами, скребками, копьями, дротиками, но уже выделанными более тщательно, чем у предшественников. На стоянках иногда встречаются остатки костров, на которых готовили пищу. В период позднего палеолита окончательно сложился современный тип людей. Возникло первобытное родовое общество, основу которого составляли материнские роды. Это были коллективы кровных родственников, связанных между собой общим происхождением. Люди уже жили в долговременных, искусственно сооруженных домах, вели оседлый образ жизни. В хозяйстве по-прежнему господствовала коллективная охота на крупных животных. Охотились, как правило, мужчины, а женщины занимались сбором дикорастущих трав и ягод, воспитывали детей, поддерживали огонь в жилищах, заготавливали топливо. Роль женщины в обществе была исключительно велика, и счет родства велся по материнской линии. За время палеолита люди ушли далеко вперед в своем развитии. Однако они все еще полностью находились во власти природных сил: их преследовали дикие животные, в случае неудачной охоты грозил голод, мучили болезни. Редко кто доживал до старости. Средняя продолжительность жизни была небольшой и не превышала 23–25 лет. Возникает первобытное *искусство*, во многом связанное также с

религиозным сознанием людей эпохи позднего палеолита. Появляются изображения зверей, вылепленные из глины фигурки. На скальные рисунки мамонтов, носорогов и лошадей оставил после себя человек в пещере *Шульганташ* (Капова пещера на территории Башкортостана). Эти рисунки, сделанные минеральной краской, представляют собой настоящие шедевры древнейшего искусства.

Средний каменный век. На смену древнему каменному веку пришел *мезолит* (VIII–V тыс. до н. э.). С ним связаны дальнейшие прогрессивные изменения в жизни человеческого общества. Эти изменения происходят на фоне общего потепления климата. Тает и все дальше отступает на север ледник. Вымирают мамонты и шерстистые носороги. Берега рек и озер приобретают современные очертания. Бывшие приледниковые зоны покрываются смешанными и хвойными лесами. В них живут лоси, олени, бурые медведи, кабаны, волки, лисы, зайцы. Природно-географические условия края приближаются к современным. В эпоху мезолита заметно меняется образ жизни человека. Загонная, коллективная охота на крупных животных окончательно теряет свое значение. Лоси, медведи, кабаны становятся добычей небольших групп охотников, вооруженных луком и стрелами. На мелкого зверя и птицу охотились поодиночке. Резко возрастает роль рыболовства. Люди изобрели гарпун, рыболовные сети и крючки, а также лодки-долбенки с веслами. Собирачество по-прежнему остается дополнительным источником питания. Человек постоянно совершенствовал технику обработки камня, изобретал новые виды орудий. Распространение получают каменные ножевидные пластины и изготовленные из них скребки, проколки, наконечники стрел. В широком ходу были кремневые лезвия геометрических форм, которые вставляли в костяную основу ножей. На территории Среднего Поволжья обнаружено несколько десятков поселений среднекаменного века. Во время раскопок этих поселений археологами было сделано немало находок. Судя по ним, их обитатели в эпоху мезолита наряду с кремневыми лезвиями пользовались крупными деревообрабатывающими орудиями. С помощью топоров, долот, тесел они валили лес, строили жилища, мастерили лодки. Поселения состоят обычно из двух-

трех легких наземных жилищ. Похоже, люди вели еще *полукочевой* образ жизни и часто передвигались с места на место вслед за стадами животных, на которых охотились. Но отдельные группы людей перешли уже к оседлой жизни. Появляются дома-полуземлянки. Один из таких домов археологи обнаружили при раскопках древней стоянки у деревни *Кабы-Копры* Апастовского района республики Татарстан. Похожий на шалаш, он был построен из больших бревен. Здесь жил целый род.

Новый каменный век. Настоящий перелом в хозяйственный жизни общества произошел во времена *неолита* (IV первая половина III тыс. до н. э.). Раньше первобытный человек довольствовался только тем, что давала ему природа в готовом виде, то есть занимался охотой, рыболовством, собирательством. Теперь же, в неолите на первый план выступают земледелие, и скотоводство как основные источники добывания пищи. Этот переход от присваивающего к *производящему хозяйству* был настолько существенным явлением, что ученые нередко называют его «неолитической революцией». Однако такой переход от охоты к скотоводству и от собирательства к земледелию совершился только на юге: в некоторых областях Средней Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке, где люди жили в больших укрепленных поселках, напоминавших настоящие города. Поволжье находится далеко на севере, и неолитическое население по-прежнему продолжало развивать традиционные, старые формы хозяйства. Поселки охотников и рыболовов располагались, как правило, по берегам рек и озер. Состояли они из домов-полуземлянок. Такие стоянки изучены археологами, например, у сел Обсерватория, Займище, Боровое Матюшино на Волге, Лебедино, Дубовая Грива, Игим на Каме. Материалы раскопок позволяют говорить о том, что их обитатели пользовались разнообразными каменными орудиями от топоров и дровишек до рыболовных крючков. Тесла, долота, топоры с острыми лезвиями подвергались тщательной шлифовке. Люди могли также уже сверлить изделия. Человек сделал еще одно открытие: научился лепить глиняную посуду. С тех пор появилась возможность готовить еду в горшках (раньше мясо и рыбу ели полусырыми, обжарив на костре) и хранить в них продукты. В эпоху неолита *матриархат* – первобытное родовое общество с привиле-

гированным положением женщины – достигает своего наивысшего развития. Отдельные родовые группы объединяются в племена. Каждое племя занимало определенную, достаточно компактную территорию. Составляющие его роды имели общее происхождение и говорили на близком языке. О том, что племена и племенные союзы действительно существовали, говорят оставленные ими следы. Это – группы археологических памятников (поселений и могильников), расположенных на одной территории, близких между собой по времени существования, по находкам и погребальному обряду умерших. Такую группу памятников ученые называют *археологической культурой*. В период неолита в Поволжье развивалась волго-камская археологическая культура (все ее памятники расположены по берегам Волги и Камы). От других соседних археологических культур ее отличают своеобразные формы и украшения глиняной посуды, а также некоторые типы каменного инвентаря. Население волго-камской культуры сформировалось на основе предшествующего ему мезолитического населения.

Сказанное выше касается Среднего Поволжья, территория Верхней Волги в районе г. Плеса лишена памятников древнего каменного века. Стоянок древнего человека, времени палеолита, то есть возраста с 2 млн. до 12–10 тыс. лет назад (до окончания ледниковых эпох), не обнаружено. Этому может быть две причины. Первая – это отсутствие в данном месте в среднем плейстоцене, в частности, во время, предшествовавшее московскому оледенению, то есть 125–170 тыс. лет назад, русла р. Волги. «Прорыв» в Плеско-Галичском поднятии произошел скорее всего после валдайского оледенения, в атлантическое время – около 10 тыс. лет назад, то есть уже в мезолите.

Второй причиной может быть то, что имевшие место стоянки позднего палеолита (если предположить, что люди появились здесь после московского оледенения), которые возникли по берегам малой реки (см. выше) притока пра-Унжи, были размыты и уничтожены сформировавшимся здесь после таяния ледника достаточно мощным потоком, сформировавшим русло современной Волги в районе Плеса. Этот поток по своей ширине, видимо, значительно превосходил размеры и ширину бывшего притока

пра-Унжи, стекавшего с Плеско-Галичского поднятия. Эта точка зрения (о существовании притока Унжи) согласуется с данными геологических и географических исследований, однако, есть одно «но» с точки зрения археологии. Возникает вопрос, могла ли на столь малой и относительно быстрой реке, какой был приток пра-Унжи (скорее всего аналоге современной реки Шохонки), появиться сколько-нибудь значительная стоянка?

Литература

1. *Асеев А. А.* Древние материковые оледенения Европы. М.: Наука, 1974.
2. *Асеев А. А.* Общие особенности строения речных долин СССР как показатель ритма колебательных движений земной коры // Геоморфология. 1978. № 2. С. 3–18.
3. *Бреслав С. Л., Валуева М. Н., Величко А. А. и др.* Стратиграфическая схема четвертичных отложений центральных районов Восточной Европы. М., 1992. С. 8–36.
4. *Брылев В. А.* Древние и современные речные долины на европейском юго-востоке России // Эрозионные и русловые процессы / под ред. проф. Р. С. Чалова. М., 2000. Вып. 3.
5. Геология СССР. Т. 4. С. 389–636.
6. *Гербова В. Г.* Четвертичная геология в трудах Г. Ф. Мирчинка // Труды геол. Ин-та АН СССР. Вып. 239. М.: Наука, 1973.
7. *Горецкий Г. И.* Аллювий великих антропогенных прарек Русской равнины. М., 1964. 460 с.
8. *Горецкий Г. И.* Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене. М., 1966. 412 с.
9. *Горецкий Г. И.* О происхождении и возрасте глубоких долинообразных понижений в рельефе постели антропогенных отложений ледниковых областей // Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины. М.: Наука, 1967. С. 17–33.
10. *Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись Великого пра-Днепра. М.: Наука, 1970. 492 с.
11. *Гричук В. П.* Ископаемая флора как палеонтологическая основа стратиграфии четвертичных отложений // Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений северо-запада Русской равнины. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
12. *Гричук В. П., Гричук М. П.* Древнеозерные отложения в районе г. Плеса // Ледниковый период на территории европейской части СССР. М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 39–63.

13. *Капитанов С. Г.* К истории формирования долин р. Волги и р. Камы в дочетвертичное время // Уч. зап. Казан. гос. ун-та, т. 112, кн. 2, 1952.
14. *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л. : Наука, 1975, с. 32–33.
15. *Квасов Д. Д., Малаховский Д. Б., Ауслендер В. Г. и др.* О доледниковых речных системах северо-запада Восточно-Европейской равнины // Проблемы перестройки и перехвата речных долин. М., 1975. С. 82–87 (Изв. Моск. фил. геогр. о-ва СССР).
16. *Кожневников А. В.* К истории формирования долины р. Волги // Опыт и методика изучения гидрогеологических и инженерно-геологических условий крупных водохранилищ. Ч. 1. Изд-во МГУ, 1959.
17. Краевые образования материковых оледенений. М. : Наука, 1972.
18. Краевые образования материковых оледенений. VII Всесоюз. совещ. Комиссия по изучению четвер. периода. М. : Наука, 1985.
19. *Лаврушин Ю. А.* Аллювий равнинных рек субарктического пояса и перигляциальных областей материковых оледенений // Тр. Геолог. ин-та АН СССР. 1963. Вып. 87. С. 1–256.
20. *Личков Б. Л.* О происхождении древних глубоких размывов четвертичного и предчетвертичного времени в ледниковом районе Европейской части СССР. Проблемы физич. геогр. Вып. 11. 1942.
21. *Лопатников М. И., Шик С. М.* Краевые образования валдайского и московского оледенений центральной части Русской равнины // Краевые формы рельефа материкового оледенения на Русской равнине. Труды комиссии по изучению четвертичного периода: М., 1963. С. 113–117.
22. *Марков К. К.* Геоморфологические методы изучения движений земной коры // Тр. Совещ. по методам изучения движений и деформаций земной коры. М., 1967. С. 47–68.
23. *Марков К. К.* Палеогеография и новейшие отложения. М. : Наука, 1986, 279 с.
24. *Милановский Е. Е.* Геология России и ближнего зарубежья. Изд-во МГУ, 1996. 448 с.
25. *Мирчинк Г. Ф.* Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. IV, вып. 2, М., 1935.
26. Московский ледниковый покров Восточной Европы. М., 1982.
27. Нижний плейстоцен ледниковых районов. М. : Наука, 1967.
28. *Обедиев Г. В.* Эрозионные циклы и формирование долины Волги. М. : Наука, 1977. 238 с.
29. *Обедиев Г. В.* Века и реки. М. : Недра, 1983. 120 с.
30. *Обедиев Г. В.* Подводные гряды Волги: о происхождении подводных каменных гряд в районе г. Плеса // Природа. 1990. № 1. С. 80–84.
31. Последний европейский ледниковый покров. М. : Наука, 1965. 220 с.
32. *Пролеткин И. В.* История развития рельефа и перестройки речной сети Приволжской возвышенности и сопредельных с ней территорий // Рельеф и экзогенные процессы гор : материалы Всерос. науч. конф. Т. 2. Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2011.
33. Структура и динамика ледникового покрова Европы. М. : Наука, 1977. 144 с.
34. *Флинт Р. Ф.* Ледники и палеогеография плейстоцена : пер. с англ. М. : Иностран. лит., 1963. 575 с.
35. *Шанцер Е. В.* Аллювий равнинных рек умеренного пояса и его значение для познания закономерностей строения и формирования аллювиальных свит // Тр. ин-та геолог. наук. 1951. Вып. 135. 274 с.
36. *Щукина Е. Н.* Террасы Верхней Волги и их соотношение с ледниковыми отложениями Горьковско-Ивановского края. Бюлл. МОИП. Отд. геологич. Т. XI (3), 1933.

Г. В. Панченко

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ НА ул. УРИЦКОГО В г. ПЛЕСЕ

В 2008 и 2011 годах Археологической экспедицией Плеского музея-заповедника было проведено исследование погребений, вскрытых траншеей газопровода на ул. Урицкого в г. Плесе¹. Погребения находятся на территории археологического памятника селище Плес 1 (средневековый посад г. Плеса).

В ходе исследования с целью уточнения ранее полученной даты (случайная находка фрагмента гроба в отвале траншее газопровода)² были взяты пробы на радиоуглеродный анализ: фрагменты гробов из погребений 4, 5 и 7, исследованных при вскрытии шурфа 9. Анализ проводился в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) (исполнитель – Н. Д. Бурова, руководитель 14С группы – Г. И. Зайцева).

Восточный конец гроба погребения 4 оказался в северной половине шурфа 9, имевшего размеры 1 x 2 м, на глубине 88 см. На глубине 110 см антропоморфный гроб погребения 4 с узким оголовьем, расширяющимся к плечам, слегка суживающийся к ногам, стал виден полностью. Колода имела ориентировку запад-восток с небольшим отклонением западного конца к югу. Длина видимой части гроба (промеры даны по открытому гробу) составляла 206 см, ширина оголовья и ножной части – 34 см, шири-

© Панченко Г. В., 2014

¹ Панченко Г. В. Археологическое обследование Плеса в 2008 году // Краеведческие записки. Вып. XI. Иваново, 2009; Панченко Г. В. Археологическое обследование Плеса в 2011 году (исследование погребений и археологический надзор на трассе газопровода в Заречье) // Краеведческие записки. Вып. XIV (в публикации).

² Панченко Г. В. Археологическое обследование Плеса в 2009 году. Вып. XII. Иваново, 2011. С. 23–28.

на в плечевой части – 53 см. Кисть правой руки погребенного лежала на левой стороне груди в районе сердца, левая рука, согнутая в локте, лежала поперек груди над правой рукой. Кости – не очень хорошей сохранности. Инвентаря не было. Лишь под костями ног прослежены подошвы обуви в форме подошвы утюга из тонкой (0,1 см) кожи с проколами шва по краю через 0,6 см (рис. 1).

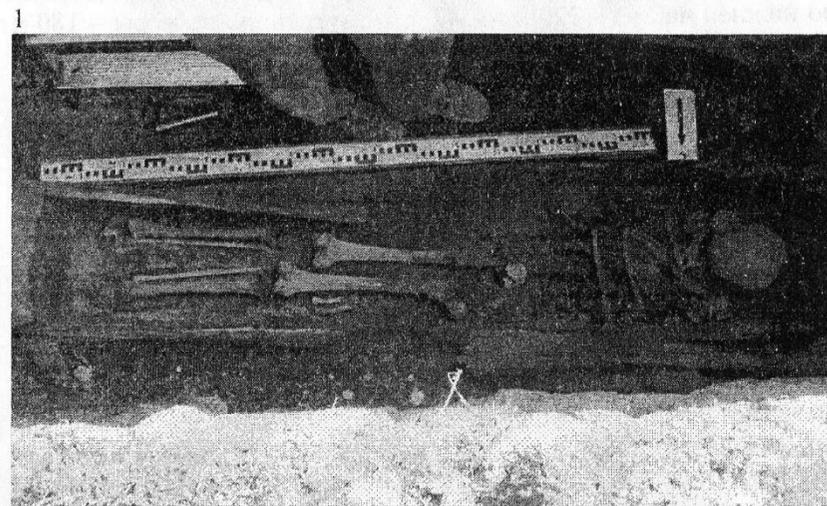

Рис. 1. Селище Плес 1, шурф 9. Погребение 4, вид с севера

В результате радиоуглеродного анализа фрагмента гроба погребения 4 оно было датировано 1510–1600 годами (69,1 % из 95,4 % возможных).

Гроб погребения 5 стал замечен с глубины 73 см у восточной стенки шурфа в южной половине кв. 2. Его крышка под наклоном уходила вниз, к западу. В засыпке над крышкой гроба были прослежены угольки, фрагменты керамики, кости животных, в засыпке вдоль северной и южной кромок гроба и над ним шли рваные от огня камни. В кв. 1 чуть ниже 80 см стал виден западный конец гроба. Ориентация гроба – запад-восток с небольшим отклонением западного конца к югу.

Гроб погребения 5 была выдолблен из одного куска дерева. Типологически является сочетанием разных форм гробов-колод.

Крышка в плане имеет прямоугольную форму со скругленными продольными гранями, в ножной части, видимо, была слегка двухскатной (она сломалась по «коньку» и провалилась внутрь), плавно становилась плоской к головной части. Нижняя часть гроба, как хорошо видно из стратиграфии стенок, в головном конце имела в сечении трапецевидную форму с расширением кверху, в ножном конце – то же, но с антропоморфными выемками в нижней части. Внешние размеры гроба (промеры сделаны по нижней части) – 220 x 41–47 см. Внутренние размеры – 180 x 27–30 см. Так как колода была сломана, точную ширину ее определить было невозможно, тем более что южная стенка гроба уходила в стенку шурфа и, чтобы не нарушать стратиграфию, была в ней оставлена. После вскрытия гроба был расчищен костяк, кости черепа и ног которого оказались сдвинуты к центру колоды. Кости кисти правой руки оказались под, а, фаланги левой руки – над тазовыми костями. Позвонки прослеживались справа и слева от черепа. Сам череп был ниже 25-сантиметровой ступеньки-изголовья, лежал в развале, челюсть под ним, лицевой частью на восток. Очевидно, кости сдвинулись, когда гроб провалился. Причем провалилась не только крышка, но и нижняя часть, что указывает на то, что под гробом было свободное пространство. В дальнейшем стало видно, что гроб погребения 5 северным краем опирается на южный край гроба погребения 4 и, судя по стратиграфии, лежит наклонно. Кроме остатков кожаной обуви, ничего обнаружено не было (рис. 2).

Погребение 5, находившееся южнее и выше погребения 4, было датировано 1730–1810 гг. (54,1 % из 95,4 возможных). Полученная датировка подтвердила наше предположение о том, что погребение 5 было совершено позднее погребения 4. В профиле шурфа было хорошо видно, что гроб погребения 5 северным боком лежит вплотную к гробу погребения 4 и наклонен к северу в восточном конце и к югу – в западном. Т. е. при копке могильной ямы в ее северной части наткнулись на более раннее захоронение. Яму расширять не стали, что, возможно, указывает на зимний период совершения захоронения, Гроб погребения 5 был поставлен северной стороной впритык и чуть выше гроба погребения 4. Вероятно, под его южную сторону подсыпали рыхлую землю, что

привело к тому, что позднее, под давлением дороги, прошедшей по старому кладбищу в XIX в., гроб накренился и проломился в центре, а кости оказались сдвинуты.

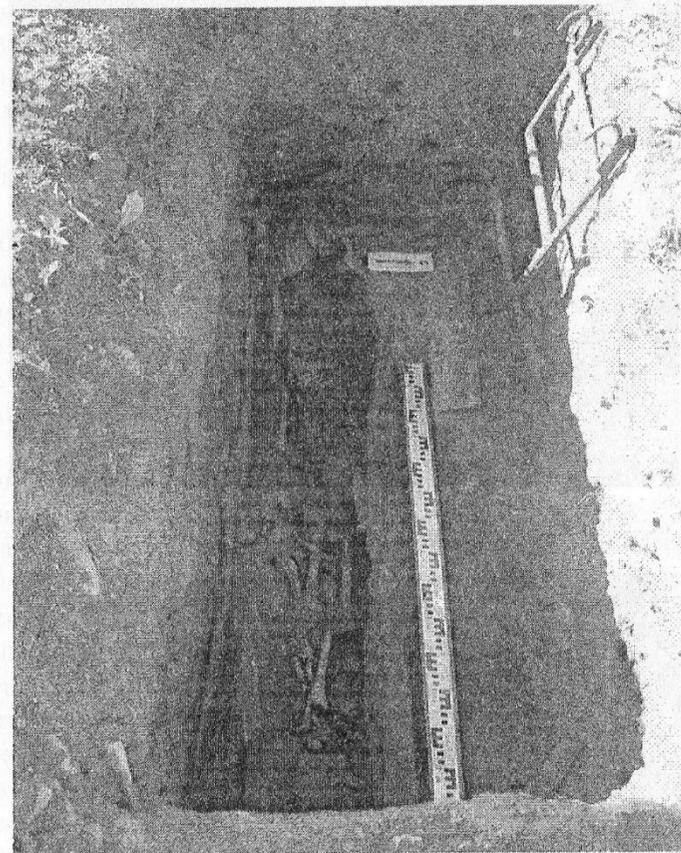

Рис. 2. Селище Плес 1, шурф 9. Погребение 5, вид с востока

Гроб погребения 7 начал прослеживаться с глубины 125 см в виде уходящих в восточную стенку кв. 2 досок, лежащих в разных направлениях. При попытке приподнять одну из досок она сломалась, и под ней стали видны кости предплечья. Гроб имел форму ящика с разломанной плоской крышкой, ориентированно-

го по линии юго-запад-северо-восток (рис. 3). Основной своей частью погребение 7 уходило в восточную стенку шурфа.

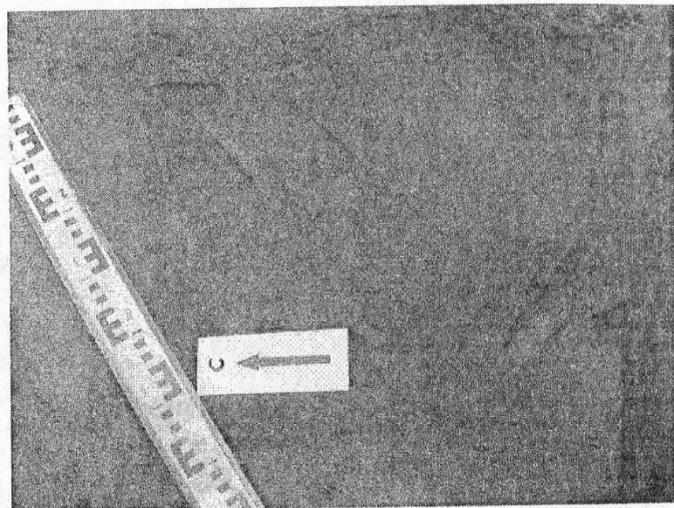

Рис. 3. Селище Плес 1, шурф 9. Погребение 7, вид с запада

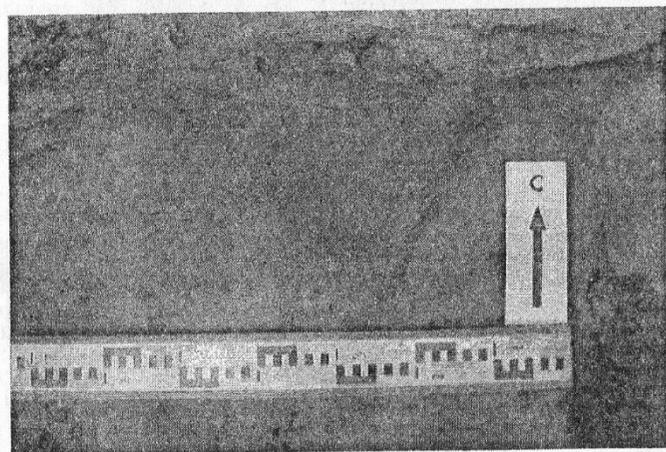

Рис. 4. Селище Плес 2, шурф 9. Погребение 8, вид с юга

Фрагмент гроба погребения 7 получил наиболее раннюю датировку – 1380–1440 гг. (58,9 % из 95,4 % возможных). Вместе с подобным по типу гроба погребением 8, оно представляло собой самый нижний пласт захоронений из обнаруженных в шурфе. Своей основной частью оба погребения (7 и 8) уходили соответственно в восточную и северную стенки шурфа и были в связи с этим законсервированы.

Результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что обнаруженное на стыке улиц Кропоткина (Никольской) и Урицкого (Варваринской) кладбище могло существовать в 1380–1810 годы. Вероятно, здесь располагалась церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, отмеченная в выписях из книг письма и меры Максима Кругликова в числе трех существующих в 1681 году церквей на посаде города Плеса¹. На плане 1778 года в этой части города цифрой 4 помечены два церковных участка с деревянными приходскими храмами: один – на прежнем месте предполагаемого нами расположения церкви Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, другой – на месте существующей ныне церкви Св. Варвары (рис. 5)². На плане 1775 года церковь на пересечении Никольской и Варваринской улиц не обозначена. А на месте современной церкви Св. Варвары указаны два храма: «Великомученицы Варвары и Чудотворца Николая с кладбищем» (рис. 6)³. Возникает очевидное хронологическое несоответствие: более поздний по дате план показывает более раннюю ситуацию. На ошибочность датировки «раннего» плана указывает и упоминание в тексте, сопровождающем его, «уездного города Плеса» (Плесский уезд был создан в 1778 г.) и наличие на плане герба Плеса, утвержденного в 1779 г. Т. е. план, датируемый 1775 годом, не мог быть выполнен ранее 1779 года. Возможно, дата, указанная на плане – 1775 г. – относится не к нему самому, а ко времени межевания городской земли, что подтверждается словами

¹ Доклад председателя от 10 сент. 1896 г., о рассмотренных им архивных актах и делах. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. Л. 11.

² План г. Плеса 1778 г. РГАДА.

³ План г. Плеса 1775 г. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1888.

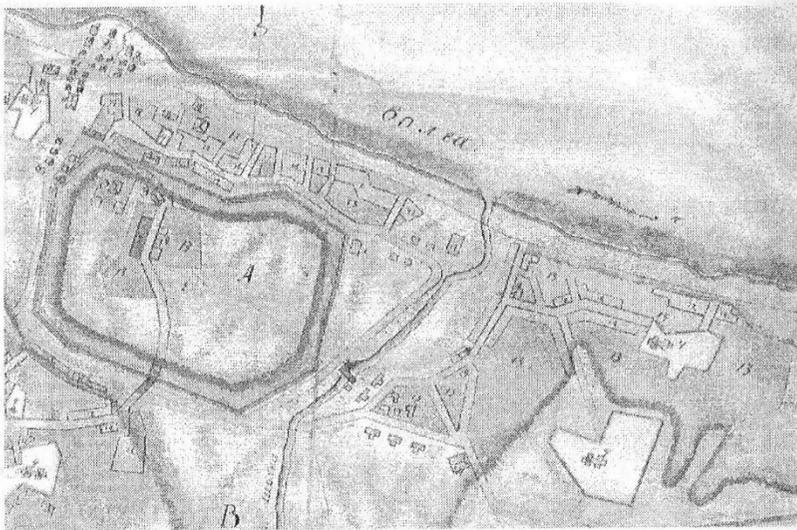

Рис. 5. Фрагмент плана Плеса 1778 г.

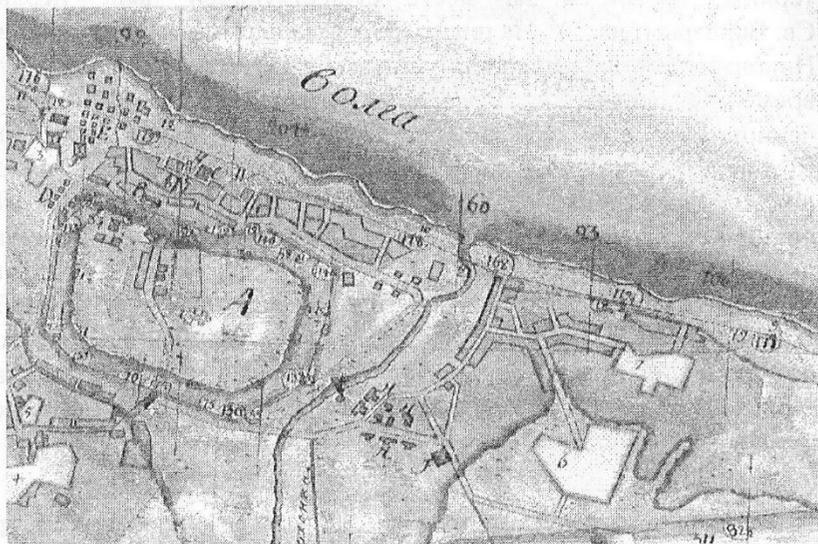

Рис. 6. Фрагмент плана Плеса 1775 г.

«геометрической специальной план костромского Наместничества уездного города Плеса...межевания, учиненного в 1775 году...». На межевом плане церковного участка, датированном 1782 годом, там, где сейчас стоит каменная церковь Святой Великомученицы Варвары, отмечены два храма – Великомученицы Варвары и Николая (рис. 7)¹. Таким образом, церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины на пересечении Никольской и Варваринской улиц, очевидно, ко времени составления межевого плана 1782 г. была утрачена, сгорела, как свидетельствуют результаты исследований². Вероятно, в соответствии с генеральным планом Плеса, утвержденным Екатериной Великой в 1781 году, новая деревянная церковь Николая Чудотворца была построена на другом месте, рядом с церковью Св. Великомученицы Варвары. Позже, в начале XIX века, в соответствии с планом 1797 года, по старому Никольскому кладбищу прошла спрямленная Варваринская улица³. А еще позднее обе деревянные церкви сменил каменный храм Святой Великомученицы Варвары, построенный в 1821 году, и престол Николая Чудотворца был перенесен в него⁴.

Нахождение на плесском посаде церкви Николая Чудотворца как нельзя более отвечало сущности торгово-ремесленного посада. В Заречье, очевидно, располагался торг, здесь, в гавани, за косой, образованной песчаным выносом р. Шохонки, могли зимовать суда. А Николай Чудотворец, как известно, считается покровителем путешествующих и торгующих.

¹ РГАДА. Ф. 1356. Ед. 6911. Л. 5.

² Панченко Г. В. Археологическое обследование Плеса в 2011 году (исследование погребений и археологический надзор на трассе газопровода в Заречье) // Краеведческие записки. Вып. XIV (в публикации).

³ План г. Плеса 1795 г. ЦГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Ед. 50.

⁴ Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 146.

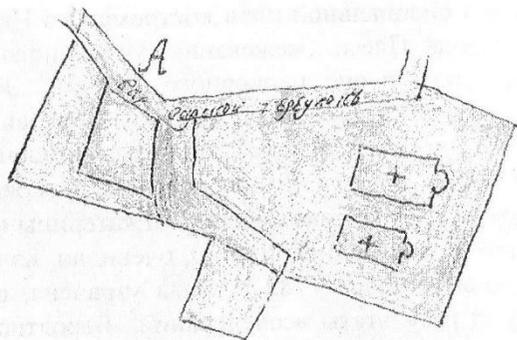

Рис. 7. Церкви Великомученицы Варвары и Николая Чудотворца (межевой план 1782 г.)

Поражает длительность существования на исследованном месте церкви и приходского кладбища. Вероятно, здание деревянной церкви при его утрате возобновлялось. Даты, полученные в результате радиоуглеродного анализа, указывают на основание здесь храма в годы, предшествующие или одновременные постройке крепости 1410 года. О Никольском кладбище можно, таким образом, говорить, как об одном из наиболее древних христианских кладбищ города Плеса.

В. А. Аверин, А. В. Аверина

РАБОТЫ ИВАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ПЛЕСЕ В 2008–2012 гг.

В 2012 г. исполнилось 5 лет с начала исследований Ивановской археологической экспедиции (ИВАЭ) на территории г. Плёс Приволжского района Ивановской области. За это время здесь были проведены и разведочные работы, и полномасштабные раскопки – в общей сложности исследовано более десятка разновременных объектов археологического наследия с эпохи каменного века до новейшего времени включительно. В данной статье мы остановились на описании наиболее значимых из них и попытались обобщить основные результаты работы, проделанной сотрудниками ИВАЭ за указанный период. Понятно, что в рамках одной статьи невозможно рассказать обо всём подробно, поэтому изложение материала приведено в тезисной форме.

Общие сведения об экспедиции и исследователях

Ивановская археологическая экспедиция создана в 2002 г. Она сформировалась на базе Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН и, по сути, стала её преемницей в деле выявления и изучения объектов археологического наследия в Ивановской области. Общее руководство экспедицией с момента её создания осуществляется кандидатом исторических наук В. А. Авериным. В составе экспедиции работает несколько отрядов, каждый из которых возглавляется специалистом-археологом, держателем Открытого листа.

С 2008 г. одним из основных направлений деятельности ИВАЭ становится археологическое изучение г. Плёса. В рассматриваемый период самостоятельные полевые изыскания на терри-

тории города осуществляли следующие сотрудники ИВАЭ – к. и. н., доцент В. А. Аверин (2008, 2009 и 2011 гг. – разведки и раскопки), к. т. н. К. Г. Березин (2009 г. – раскопки), П. Н. Чечулин (2010 г. – разведки), Е. В. Пискунова (2011 г. – разведки), к. и. н., доцент Д. В. Самотовинский (2012 г. – разведки), к. и. н., доцент В. Ю. Барышников (2012 г. – раскопки).

* * *

Раскопки поселенческих комплексов

Ул. Советская, 25А. Культурный слой XVIII – начала XX в.

В ходе археологической экспертизы участка, отводимого под строительство гостиницы, в шурфах был выявлен фрагментарно сохранившийся культурный слой, мощность которого местами достигала 80 см. Участки с сохранившимися культурными напластованиями были локализованы и на объекте начались охранные раскопки. Вскрытая площадь составила 110 кв. м.

Раскопки показали, что территория изучаемого участка начала активно использоваться лишь в первой половине XVIII в. Ранее эти места, безусловно, посещались местными жителями, однако следов хозяйственной деятельности более ранних эпох мы здесь не наблюдаем. Наивысшая активность (строительство и др.) происходит здесь в XIX столетии. К этому времени относятся многочисленные перекопы, нарушившие целостность культурных напластований предшествующих периодов. Вероятно, тогда же была повреждена и булыжная вымостка, фрагмент которой обнаружен в одном из раскопов у подножия склона. В конце XIX столетия здесь возникают первые строения (по крайней мере, сведений о более ранних постройках мы не имеем) – на фотографии начала XX в. виден большой сарай (вероятно, амбар), расположенный на участке. На наш взгляд, именно с его постройкой (или разрушением) связано наличие значительного числа гвоздей, скоб и т. д. В 1930-е гг. на площадке был устроен общественный туалет. Позднее, в 1960-е гг., после строительства дамбы вдоль русла Волги (современная набережная), площадка была выровнена (с этим временем и связан мощный слой насыпного балласта). Позднее здесь устроили сквер, функционировавший до момента

начала археологических исследований. Материалы раскопок подробно опубликованы [1, 2].

Ул. Соборная гора, 1. Культурный слой г. Плёс XI–XX вв., Плёсское городище XII–XIV вв.

Охранные раскопки участка, отводимого под установку противопожарных емкостей, производились в 2011 г. Площадь раскопа составила 144 кв. м. Культурные напластования, мощностью до 80 см, оказались сильно повреждены в результате активной хозяйственной деятельности на данной территории в XX в. В толще слоя в переотложенном состоянии встречены артефакты XIII–XX столетий. Наибольший интерес представляли объекты (всего 18), проявившиеся на уровне материка. Среди них – хозяйственные постройки и ямы-хранилища, земляная гончарная печь, несколько объектов неясного назначения, а также три захоронения древнерусского времени. Остатки костяков сохранились лишь в двух погребениях (№ 1 и 3). В погребении № 1 обнаружены два медных височных кольца, кованый гвоздь, а также валун, лежавший поверх костяка в области тазовых костей [3]. В засыпке погребений и в двух неглубоких ямах в материке найдены кремневые отщепы и нуклеидные куски. Полное отсутствие неолитической керамики позволяет предположить, что данные артефакты оставлены мезолитическим населением [4].

Раскопки 2011 г. затронули участок городища, ранее считавшийся бесперспективным для раскопок – предполагалось, что находившиеся здесь сооружения и огороды сельскохозяйственного техникума полностью разрушили культурные слои и объекты предшествующих эпох. Подробнее о раскопках см. статьи в данном сборнике [5, 6].

Ул. Гора Левитана, 5. «Историко-культурный слой г. Плёс: селище 2»

Проведенные охранные археологические раскопки позволили изучить участок, отводимый под застройку. Площадь вскрытия составила 188 кв. м.

В толще частично рунированного культурного слоя (мощностью до 60 см) были обнаружены артефакты, указывающие на функционирование данного поселения в XII–XX столетиях. Наи-

более сильные повреждения памятник получил в советский период, когда его территория была застроена жилыми домами и хозяйственными постройками. Незастроенные участки памятника использовались в сельскохозяйственных целях (здесь располагались огороды), что также не способствовало сохранности культурных напластований. Наиболее информативными оказались объекты, выявленные в материковом суглинке, те, которые в меньшей степени пострадали от позднейших перекопов.

Тем не менее, проведенные изыскания позволили частично реконструировать историю бытования поселения. Так, самые ранние из найденных артефактов – кремнёвые орудия и отходы их производства – относятся к эпохе каменного века (вероятно, мезолита – судя по полному отсутствию неолитической керамики). По всей видимости, именно мезолитическое население впервые осваивает данную территорию.

Никаких признаков наличия здесь поселения эпох неолита, бронзы и раннего железного века не выявлено. Вероятно, в эти периоды рассматриваемый участок не был заселён.

О существовании здесь раннесредневекового посёлка свидетельствует находки пряслиц из глины и шифера. Последние импортировались в Северо-Восточную Русь с территории современной Украины исключительно в домонгольский период (после разорения монголами южнорусских земель производство подобных пряслиц прекращается). В позднем средневековье пряслица изготавливались исключительно из глины или камня.

О функционировании поселения в новое время свидетельствует большое количество черепков глиняной посуды XVII–XIX вв., бытовых изделий того же времени, а также наличие монет 1700–1800-х гг. Важно отметить, что поселение существовало не непрерывно – в определенные моменты времени оно находилось в запустении. Так, в один из таких периодов здесь образовалось кладбище, о чем свидетельствует захоронение, выявленное в северо-западной части раскопа. Радиоуглеродный анализ останков пока не произведен, однако найденный в могиле нательный крест позволяет предварительно датировать его XVIII–XIX веками. По заключению судебно-

медицинской антропологической экспертизы останки принадлежали девочке-подростку, возраст которой на момент смерти составлял 9–11 лет. Прижизненных повреждений костей скелета не зафиксировано [7, 8].

И, наконец, наиболее активно данное поселение функционировало в XX в. – его территория была полностью занята под хозяйственные нужды [9].

Подведем итоги. Охранные раскопки на территории вышеуказанных объектов показали, что, к сожалению, культурные слои эпохи первобытности и средневековья разрушены в результате активной антропогенной деятельности XVIII, XIX и особенно XX в. Представляется, что на сегодняшний день участки культурного слоя, залегающего «in situ», в центре исторической части Плёса единичны. Их обнаружение и последующее изучение может быть сопряжено с определёнными трудностями, как антропогенного (коттеджная застройка без проведения предварительных археологических изысканий, перевод в частную собственность и ограждение прилегающей территории и т. д.), так и природного (аллювиальные и делювиальные процессы, аэрация и др.) характера. Перспективными для исследования, на наш взгляд, являются окраины «нижней» части города, в меньшей степени затронутые хозяйственной деятельностью. При этом участки с руинированным слоем также требуют археологического изучения, поскольку могут дать важные находки для проведения определённых аналогий, установления хронологических реперов и создания периодизационных схем. Большое значение могут иметь и различного рода археологические объекты, сохранившиеся в материковых отложениях. Иными словами, несмотря ни на что, изучение исторической части Плёса должно продолжаться. Большую помощь в этом вопросе может оказать тесное взаимодействие специалистов-археологов и государственных органов охраны объектов культурного наследия.

Исследования некрополей

Ул. Гора Левитана. Некрополь при Воскресенской (деревянной) церкви

При постановке шурфов под хозяйственные нужды (установка приборов освещения, громоотводов и др.) были обнаружены кости из разрушенных погребений, а также изучено одно целое захоронение, повреждённое корнями деревьев и, вероятно, позднейшим перекопом. Не все кости залежали в анатомическом порядке, однако их расположение было достаточно компактным. Артефактов в захоронении не обнаружено. Останки поступили на идентификационную экспертизу [7], которая установила, что кости принадлежат индивиду женского пола преклонного возраста – в пределах 51–60 лет, а возможно и несколько старше. При исследовании костных останков обнаружены характерные признаки «старческих» заболеваний – остеоартроза и остеохондроза. Повреждений, не связанных с пребыванием останков в месте захоронения, на костях скелета не обнаружено. Датировка погребения пока не ясна, образцы костей отправлены на радиоуглеродное датирование.

Ул. Варваринская, 19а. Некрополь при церкви Св. Варвары

На участке, отведенном под строительство дома, заложен шурф (5 кв. м) исследовано 4 захоронения, одно из которых было повреждено в результате работы бульдозера. В двух могилах находились останки взрослых людей, в двух других – детские. Степень сохранности останков была неудовлетворительной, что не дало возможность провести их судебно-медицинскую экспертизу. В трёх могилах найдены нательные кресты, позволившие ориентировочно датировать захоронения XIX столетием. Кроме этого, в шурфе на разных уровнях в разбросанном состоянии найдены костные останки, происходящие как минимум от трёх разрушенных ранее погребений (в результате выкапывания могил под новые захоронения, рытье траншеи под строительство церковной ограды в XIX в. и т. д.). Расположение костяков и концентрация костных останков в шурфе позволяет сделать вывод о том, что территория старого кладбища простирается намного дальше гра-

ниц выделенного участка, что стало основанием для отмены решения о выделении данного участка под строительство (как минимум до проведения здесь стационарных раскопок) [10]. Важно отметить, что в засыпке могильных ям (а также в межмогильном пространстве) обнаружены фрагменты керамики, имеющие очень широкий хронологический диапазон (предположительно с XIV – до XIX в. включительно), что не исключает возможности наличия здесь участков с непо потревоженным культурным слоем указанных периодов. И, наконец, весьма интересным является факт обнаружения здесь кремневого нуклеуса от микропластин. Подобные изделия имели широкое распространение в мезолитическую эпоху. Не исключено, что в древности здесь могла располагаться кратковременная стоянка первобытного населения, впоследствии разрушенная более поздними культурными напластованиями или непосредственно некрополем. Материалы исследований подробно опубликованы [11].

Ул. Ленина, 2. Некрополь при Воскресенской (каменной) церкви

В 2011 г. началась реставрация здания церкви. При производстве земельных работ, направленных на укрепление фундамента, рабочими было обнаружено огромное количество человеческих костей, залегающих в переотложенном состоянии. Этот факт стал основанием для проведения на объекте археологических изысканий. Сотрудниками ИВАЭ была осуществлена зачистка бортов и дна строительной траншеи, прокопанной на глубину 1–1,5 м от дневной поверхности. На дне траншеи были зафиксированы контуры могильных ям, которые и были впоследствии вскрыты. В общей сложности было изучено семь погребений различной степени сохранности, не считая большого количества разрозненных костей, в т. ч. двух черепов. В четырех могилах были обнаружены руинированные останки младенцев. В остальных могилах найдены скелеты взрослых людей. Два наиболее полно сохранившихся костяка оказались пригодными для антропологической идентификации [8]. На экспертизу были также переданы оба черепа, обнаруженные в засыпке могильных

ям. Было установлено, что останки принадлежат молодым мужчинам (29–30 и 33–35 лет) и женщине (около 30 лет), а также девочке-подростку 11–12 лет. У мужчин зафиксированы прижизненные повреждения костей, которые, однако, не явились причинами смерти. У женщин подобных травм не обнаружено [7]. Образцы костей и древесного тлена из целых погребений были отправлены на радиоуглеродное датирование. Предварительно же, судя по найденным в захоронениях нателным крестам, данный некрополь следует датировать XIX столетием.

Ул. Соборная гора. Некрополь при Успенской церкви

Весной 2012 г. были начаты работы по подведению природного газа к зданию Успенской церкви методом глубинного прокола. Там, где прокладка трубы требовала проведения земельных работ и/или затрагивала надматериковые напластования, сотрудниками ИВАЭ были заложены шурфы, общей площадью 10 кв. м (6 и 4 кв. м соответственно) [9]. Первый шурф заложен в 1,5 м к северу от колокольни, а второй – в 10 м к западу от первоначального шурфа. В ходе археологических изысканий обнаружены многочисленные человеческие кости (преимущественно разрозненные) различной степени сохранности, а также семь целых захоронений и два черепа из засыпки могил. Погребения залегали в несколько ярусов, частично «перекрывая» друг друга. Для проведения антропологических исследований пригодными оказались останки семи взрослых индивидов [7, 8]. Экспертиза установила, что из представленных скелетов шесть женских и один мужской. В двух случаях возраст умерших составлял 20–25 лет, в двух других – 40–45 лет. Оставшиеся три индивида были старше 56 лет. Практически у всех обнаружены признаки заболеваний – остеоартроз, остеохондроз и др. Следов травматизма не выявлено. В могильных ямах встречены линзы древесного тлена и большое количество кованых гвоздей различных размеров. Следует отметить, что ни в одной могиле не обнаружены нателные кресты. Можно предположить, что они были деревянными и не сохранились. Относительно возраста найденных погребений можно сказать следующее. Останки, най-

денные в первом шурфе залегают строго параллельно северной стене храма, с некоторым отклонением от компасной линии «З-В» (это прослеживается во всех ярусах захоронений). Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что они совершались уже после постройки храма (1699 г.). Погребения во втором шурфе, судя по всему, более древние и связаны, скорее всего, с располагавшейся здесь ранее деревянной церковью. Они ориентированы строго по линии «З-В», их сохранность значительно хуже. Оценивая, в совокупности все обстоятельства и факты, мы приходим к выводу, что погребения из первого шурфа могут быть датированы XVIII в. (в XIX в., судя по письменным источникам, при Успенской церкви отсутствовали даже признаки наличия кладбища [12]). Что же касается костяков из второго шурфа, то их следует датировать XVII в., а возможно и более ранним временем. Надеемся, что в решении этого вопроса поможет радиоуглеродный анализ – образцы костей и древесного тлена из обоих шурфов отправлены на радиоуглеродное датирование.

Таким образом, очевидно, что исследованные некрополи являются ценными источниками по изучению особенностей погребальных традиций Российской провинции XVII–XIX вв. Первые результаты анализа материалов показывают, что каждый некрополь имеет свою специфику. Нам представляется, что работа в этом направлении (в тесном сотрудничестве со специалистами-антропологами) может быть очень перспективной и она, безусловно, будет продолжена.

* * *

Завершая обзор, можно сказать следующее. Работы сотрудников Ивановской археологической экспедиции являются логическим продолжением изысканий, проводимых на территории Плёса в XX столетии. Наряду с изучением участков «земельных отводов» проводится мониторинг состояния различных объектов археологического наследия, как в самом Плесе (например, курганный могильник на Холодной горе), так и в окрестностях – у д. Горки, Левашиха, Кочергино, Утёс и т. д. Проводятся разведки с целью выявления и последующей постановки на государствен-

ную охрану объектов археологического наследия (например, поселение эпохи поздней бронзы у д. Кочергино). Также в ходе разведок выявлен сохранившийся культурный слой XIX в. в «верхней» части города. Необходимо отметить комплексный подход к исследованиям, широкое применение методов естественных наук, а также наличие необходимой материально-технической базы и современного оборудования, позволяющего работать в любых условиях (в том числе на обводненном грунте, в зимний период и т. д.). Для повышения качества проводимых изысканий и расширения исследовательских возможностей Ивановская археологическая экспедиция тесно сотрудничает с ведущими научными учреждениями страны – Институтом археологии РАН (Москва), Институтом истории материальной культуры РАН (СПб), Изотопным центром Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (СПб), Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области (Иваново) и т. д.

Несомненно, первые пять лет работ на территории Плёса следует рассматривать лишь как успешное начало длительного исследовательского пути.

Литература

1. *Аверин В. А., Аверина А. В., Барышников В. Ю., Березин К. Г.* Работы Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2009 г. М., [в печати].
2. *Аверин В. А., Березин К. Г.* Некоторые итоги изучения Плёского посада XVIII–XIX вв. (по материалам работ Ивановской археологической экспедиции в 2009 г.) // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Вып. 4. Иваново, 2009.
3. *Аверин В. А.* Погребения древнерусского времени на Соборной горе в Плесе // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 3 (4). Иваново, 2012.
4. *Аверин В. А., Пискунова Е. В., Цветков А. А.* Работы Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2011 г. М., [в печати].
5. *Аверин В. А.* К вопросу о хронологической позиции древнерусского некрополя на Соборной горе в Плесе (статья в данном сборнике).
6. *Аверин В. А., Барышников В. Ю.* Об итогах охранных раскопок на территории Плёского городища в 2011 году (статья в данном сборнике).

7. *Аверин В. А., Возохин А. В.* Погребения из Плёских некрополей XVIII–XIX вв.: опыт археолого-антропологических исследований // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки», [в печати].

8. *Аверин В. А., Ерофеев С. В., Возохин А. В.* Археолого-антропологические исследования погребений из Плёских некрополей XVIII–XIX вв. // Судебная медицина. Материалы конференции. М., [в печати].

9. *Аверин В. А., Барышников В. Ю., Пискунова Е. В., Самотовинский Д. В.* Работы Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2012 г. М., [в печати].

10. *Аверин В. А., Барышников В. Ю., Самотовинский Д. В., Чечулин П. Н.* Работы Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2010 г. М., [в печати].

11. *Аверин В. А.* Некрополь у церкви Святой Варвары в Плесе: результаты археологического обследования // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2 (1). Иваново, 2011.

12. *Закаменная Е. Н.* Плес. Страницы истории. Иваново ; Плес, 2012.

В. А. Аверин

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО НЕКРОПОЛЯ НА СОБОРНОЙ ГОРЕ В ПЛЕСЕ

Некрополь древнерусского времени на Соборной горе в Плесе был выявлен во второй половине 1980-х гг. в результате археологических исследований, проводившихся под руководством П. Н. Травкина, и изучался им в 1988–1991 гг. [1–3]. За это время на северной оконечности горы было раскопано 14 практически безынвентарных труположений с западной и юго-западной ориентировкой, со сложенными на груди или вытянутыми вдоль тела руками. Встречались и отдельные кости из разрушенных погребений. Восемь погребений были детскими, причём одно из них парное, где один костяк был ориентирован на запад, а второй – на юг. В погребениях взрослых найдена керамика курганного типа, обломок железной пилы, а в нарушенном женском погребении – серебряное загнутоконечное височное кольцо [3]. Вероятно, изначально над могилами (или, по крайней мере, некоторыми из них) возвышались курганные насыпи, которые были сnivelированы при последующей антропогенной деятельности на территории городища.

В 2011 г. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции под руководством автора проводились охранные раскопки в западной части Соборной горы, за зданием Присутственных мест (рис. 1) [4, 5]. Культурный слой в раскопе оказался полностью перемешанным – в толще напластований залегали артефакты с эпохи раннего средневековья до середины XX в. включительно. Наибольший интерес представляли выявленные на уровне материка многочисленные объекты, в том числе контуры

трёх могильных ям (рис. 2), одна из которых (№ 2, глубиной 36–40 см) оказалась пустой (рис. 4), если не считать тонких линз древесного тлена и углистых вкраплений. Отсутствие костяка, вероятно, объясняется тем, что данная могила является своего рода «кенотафом», хотя не исключено, что в данном случае мы имеем дело с обрядом кремации тела умершего. В засыпке могилы встречены кремневые предметы – два отщепа и нуклеидный кусок (рис. 6:1-3). Скорее всего, эти артефакты попали сюда случайно. В двух других могилах (№ 1 и № 3) найдены человеческие останки крайне плохой сохранности (рис. 3, 5). Погребения совершены по обряду ингумации. Глубина могильных ям невелика: в первом случае – 15–20 см, во втором – 50 см. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, ориентированы по линии запад-восток (с незначительными отклонениями). Неудовлетворительная сохранность скелетов не позволяет говорить о положении рук. Погребение № 3 оказалось безынвентарным, а в погребении № 1 обнаружены два медных височных кольца с загнутыми концами, кованый гвоздь, торчавший вертикально в изголовье (рис. 6: 4, 5), а также валун, лежавший поверх костяка в области тазовых костей. Мы не будем более подробно останавливаться на описании данных погребений, поскольку их характеристике была посвящена отдельная работа [6].

По всем признакам вышеописанный некрополь подходит под широкое определение «древнерусский», притом, что данный термин охватывает временной диапазон с X (если не ранее) по XIII в. включительно. По вопросу более точной датировки памятника у специалистов есть некоторые расхождения. Так, по мнению П. Н. Травкина, грунтово-курганый могильник Плес-I функционировал на месте будущей Плесской крепости вплоть до начала её возведения [7], т. е. приблизительно до середины XII в. В более поздних работах тот же автор пишет, что данный некрополь функционировал «...судя по стратиграфии, в течение не продолжительного времени сразу после ордынского разорения и сожжения цитадели» [8, с. 192]. Иными словами, теперь исследователь относит время возникновения могильника ко второй трети

XIII столетия (сразу после 1238 г.). К. И. Комаров полагает, что «судя по обряду и инвентарю, здесь находился курганный могильник XII – начала XIII в. ...» [3, с. 144]. Это более широкий диапазон, к тому же «начало XIII в.» указывает на домонгольское происхождение некрополя. В нашем случае о стратиграфических условиях расположения погребений говорить не приходится, поскольку вышележащий культурный слой представлял собой смесь материалов с эпохи каменного века до XX столетия включительно. Большой ценностью было то, что могильные ямы (по крайней мере, их нижняя часть) оказались не затронутыми поздними перекопами. Наиболее сохранившиеся костные остатки были взяты на радиоуглеродный анализ, выполненный Н. Д. Буровой¹ в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. К сожалению, достаточным для датирования оказался лишь образец из погребения № 1. По нему получена радиоуглеродная дата 1040 ± 100 (ЛЕ-9710) лет назад. Вероятность её ошибочности, равно как и достаточно большая «поправка», безусловно, требуют осмысления всей совокупности данных. Ниже мы попробуем проанализировать эту датировку в контексте всей имеющейся в нашем распоряжении информации. Прежде всего, выделим те признаки, которые характеризуют данный некрополь. Начнём с того, что «поправку» в 100 лет следует, скорее всего, трактовать именно в «+», а не в «-». В пользу этого свидетельствует, во-первых, совершение захоронений по обряду ингумации, которая на большинстве восточнославянских территорий пришла на смену кремации умерших в X–XI вв., но дольше всего сохранялась в окраинных землях Руси, в том числе в Костромском Поволжье [9, с. 155]. Во-вторых, ориентировка большинства захоронений по линии запад-восток (периодически с небольшими отклонениями) и залегание костяков в неглубоких могильных ямах под курганной насыпью, что также относится к числу поздних признаков и в большинстве случаев связано с распространением христианства [9, с. 184, 190, 191; 10, с. 28; 11, с. 225]. В-третьих, это крайне ма-

¹ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Н. Д. Буровой за проведённое радиоуглеродное датирование материалов.

лочисленный погребальный инвентарь или полное его отсутствие в большинстве случаев.

С другой стороны, материалы некрополя имеют и ряд сравнительно ранних признаков, среди которых можно назвать следующие. Прежде всего, это периодическая встречаемость архаичной ориентировки погребений (в частности, положение (к югу) одного из детских костяков в парном захоронении из раскопок П. Н. Травкина). По мнению Е. А. Рябикина, ориентировка, отличная от западной, наряду с необычной позой погребённого (скорченно на боку, в сидячем положении и др.), является типичным пережитком дохристианской эпохи [9, с. 184, 185]. То же можно сказать и об отсутствии в захоронениях христианской символики, прежде всего крестов, тогда как, по мнению исследователей, начальный этап христианизации Костромского Поволжья следует относить к XI–XII вв. [9, 190; 10, с. 28].

Таким образом, мы видим, что рассматриваемый нами некрополь содержит, с одной стороны, признаки, характерные для христианской погребальной традиции, а с другой – наблюдается ряд архаичных черт, унаследованных от языческого периода. Очевидно, что христианские нормы уже были знакомы местному населению, однако ещё не стали доминирующими. По мнению Т. О. Галкиной, подобная ситуация в Северо-Восточной Руси характерна для XI столетия [10, с. 28], притом, что в Костромском Поволжье языческие черты сохраняются дольше [10, с. 29]. Если вспомнить мнение П. Н. Травкина о функционировании некрополя вплоть до возведения на Соборной горе крепости [7], а также учесть полученную радиоуглеродную дату, то погребение № 1, на наш взгляд, следует относить к концу XI – первой половине XII столетия. Конечно, нельзя утверждать, что все остальные древнерусские захоронения, исследованные на территории городища синхронны ему. Нам представляется, что рассматриваемый могильник функционировал в течение длительного времени, вероятно, с определёнными перерывами. Не исключено, что часть из раскопанных погребений относится к XI и/или XII столетиям, другие же захоронения возникли в XIII в., после монголо-татарского разорения.

В завершении отметим, что предложенная работа носит характер «размышления над проблемой» и ни в коем случае не претендует на «истину в последней инстанции». В затронутой нами теме остаётся ещё много вопросов, решить которые могут помочь новые археологические изыскания на территории Плесского городища, а также введение в научный оборот всех выявленных материалов путём их подробных публикаций.

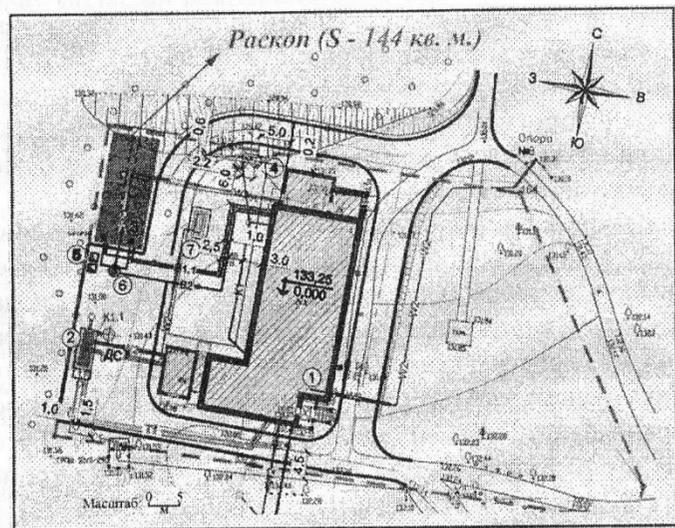

Рис. 1. Ситуационный план участка, на котором проводились работы

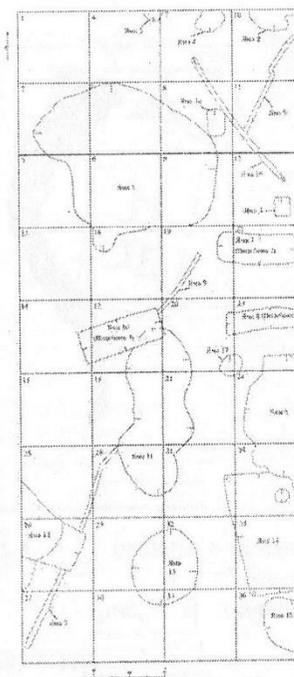

Рис. 2. Плёс, Соборная гора, раскоп 2011 г. Сводный план выявленных ям (рис. В. Ю. Барышникова, А. Д. Копчёнковой)

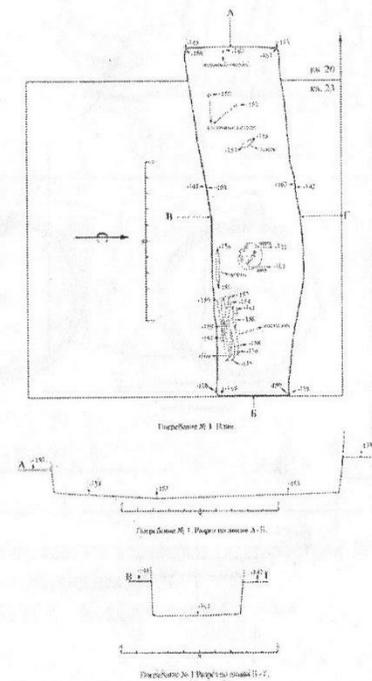

Рис. 3. Погребение № 1 (яма № 8) – план и профили (рис. А. А. Цветкова и автора)

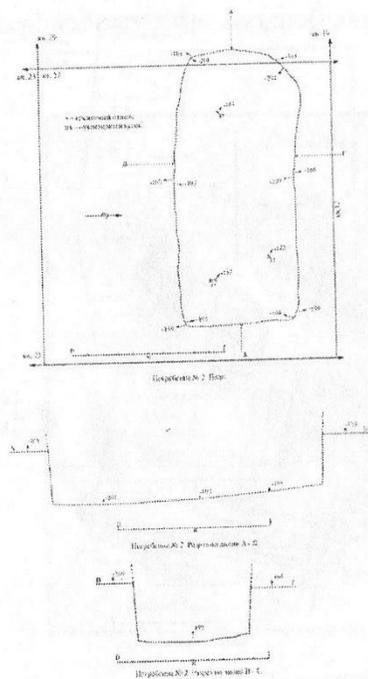

Рис. 4. Погребение № 2
(яма № 7) – план и профили
(рис. автора)

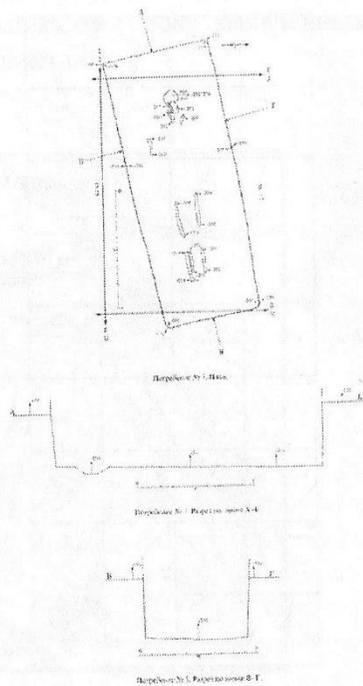

Рис. 5. Погребение № 3
(яма № 10) – план и профили
(рис. А. А. Цветкова
и автора)

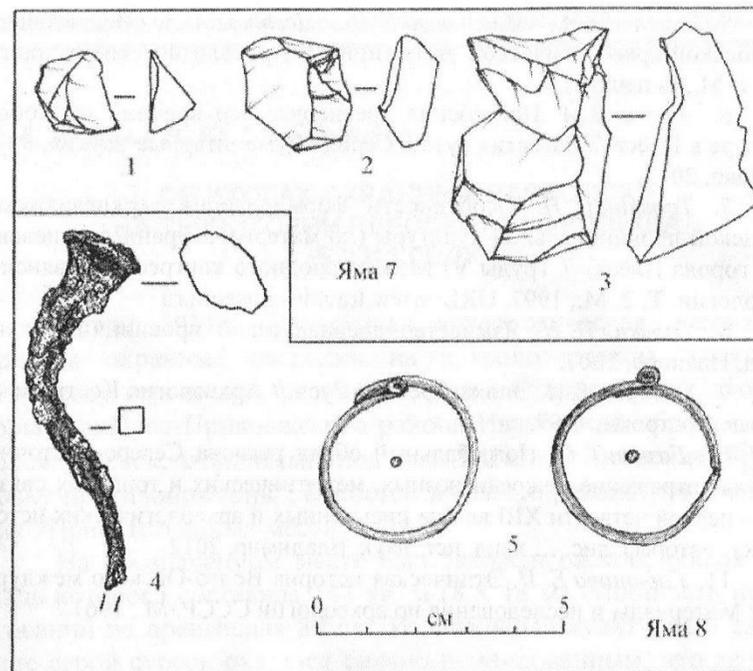

Рис. 6. 1–3 – отщепы и нуклеидный кусок из засыпки погребения № 2;
4, 5 – арте-факты из погребения № 1
(рис. А. В. Авериной (1–3) и А. А. Цветкова (4, 5))

Литература

1. Травкин П. Н. Отчёт Ивановского отряда Верхневолжской экспедиции о раскопках Плещёского раннесредневекового посада и Микшинского селища и разведках на территории Ивановской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 12791.
2. Травкин П. Н. Отчёт об археологических работах на территории Приволжского р-на Ивановской обл. в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 14192.
3. Комаров К. И. Археологическая карта России: Ивановская область. М., 1994.
4. Аверин В. А. Отчёт о проведении охранных раскопок на территории объекта археологического наследия «Плещёское городище XII–XIV вв., расположенного по адресу: ивановская область, Приволжский район, ул. Гора Свободы (Соборная Гора), 1 (у здания Присутственных мест) в 2011 г. // Архив ИА РАН.

5. *Аверин В. А., Пискунова Е. В., Цветков А. А.* Исследования Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2011 г. М., [в печати].

6. *Аверин В. А.* Погребения древнерусского времени на Соборной горе в Плесе // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки», 3 (4). Иваново, 2012.

7. *Травкин П. Н.* Особенности формирования верхневолжской городской провинциальной культуры (по материалам раннесредневекового города Плёса) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. URL: www.travkin-museum.ru

8. *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007.

9. *Рябинин Е. А.* Эпоха Древней Руси // Археология Костромского края. Кострома, 1997.

10. *Галкин Т. О.* Погребальный обряд региона Северо-Восточной Руси как отражение межрелигиозных, межэтнических и торговых связей в IX – первой четверти XIII вв. (на письменных и археологических источниках): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.

11. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961.

В. А. Аверин, В. Ю. Барышников

ОБ ИТОГАХ ОХРАННЫХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЕССКОГО ГОРОДИЩА В 2011 ГОДУ

Летом 2011 г. Ивановская археологическая экспедиция провела охранные раскопки на археологическом памятнике «Плёсское городище», расположенном на территории Соборной горы в г. Плёс Приволжского района Ивановской области. Изучался участок, отводимый под хозяйственное освоение – установку противопожарных ёмкостей в связи с реконструкцией здания «Присутственных мест» [1, 2].

На обозначенном месте был заложен раскоп, общая площадь которого составила 144 кв. м (8 x 18 м). Мощность напластований не превышала 80 см. Изначальный культурный слой в виде серой супеси оказался сильно руинированным, что явилось следствием активной хозяйственной деятельности на территории памятника в XVIII–XX столетиях. Можно констатировать, что изученные в процессе раскопок напластования представляют собой перемешанные слои разных эпох. В пользу этого свидетельствует не только взаиморасположение различных слоёв (прослойки супесей и суглинков различного цвета и плотности, слои угольного шлака, извести, строительного мусора и т. д.), но и характер залегания находок, когда ранние артефакты встречаются в одном слое с советскими изделиями, а зачастую и над ними. Например, в верхнем, балластном слое встречены монеты XVIII–XIX вв., тогда как в нижележащих пластах встречены деньги середины – второй половины XX столетия. Следовательно, информативность культурного слоя, в данном случае крайне низкая.

Наиболее массовой категорией находок из раскопа являются фрагменты керамической посуды, различные по форме, а так-

же составу и цвету теста. Материал представлен фрагментами гончарной русской керамики XVII – начала XX в. Основанием для датировки и создания реконструкций (рис. 1) послужили фрагменты венчиков гончарных сосудов, имеющие выраженный, хорошо читаемый профиль, фрагменты орнаментированных стенок, состав теста черепков. Большинство обломков единообразны по составу формовочной массы, качеству обжига и характеру обработки поверхности. Практически вся керамика средне- и толстостенная (0,5–1,2 см). В общей сложности в раскопе найдено 7092 фрагмента керамики указанного времени. Все они разделяются на несколько типов посуды. Абсолютно преобладают черепки из серой глины без лощения (93,6%). Наряду с ними присутствуют сероглиняные изделия с лощением поверхности (1,7%), красноглиняные без лощения (1,8%) и с лощением (0,09%), черноглиняные без лощения (1,0%) и с лощением (1,3%). Начало XX в. маркируют немногочисленные (0,22%) обломки красноглиняной поливной посуды краснокирпичного, реже зеленоватого цвета.

Индивидуальные находки представлены монетами, а также предметами вооружения и быта из металла, глины и камня. Среди металлических изделий – монеты советского времени (1930–1960-х гг.) и XVIII–XIX вв. (рис. 2:1-4), «броневой» наконечник стрелы (рис. 2:6), набойка на каблук сапога (рис. 2:6), серьга (рис. 2:12), пряжка (рис. 2:13), предмет (медный) неясного назначения (рис. 2:14), фрагмент печной заслонки (рис. 2:17), ножи (рис. 2:18, 21), кованый топор (рис. 2:19). Каменные изделия представлены точильными брусками (рис. 2:7, 10), кремнёвым отщепом (рис. 2:8), сланцевой плиткой с орнаментом (рис. 2:15) и сланцевым шлифованным топором с оббитыми лезвием и обухом (рис. 2:20). Артефакты из глины – рыболовное грузило и обломок подобного (рис. 2:9, 16), а также сломанная курительная трубка (рис. 2:11). Большинство описанных вещей имеет очень широкий хронологический диапазон – с XIV до XX в. К числу «ранних» вещей однозначно можно отнести лишь кремнёвый отщеп и сланцевый топор, созданных в эпоху первобытности, а также «броневой» наконечник стрелы, поскольку такие типы позднее XVII в. уже не встречаются.

Глиняная трубка, вероятнее всего, может быть датирована XVIII в. – временем их массового использования. Остальные предметы, за исключением, конечно, монет, не могут быть уверенно соотнесены с той или иной эпохой.

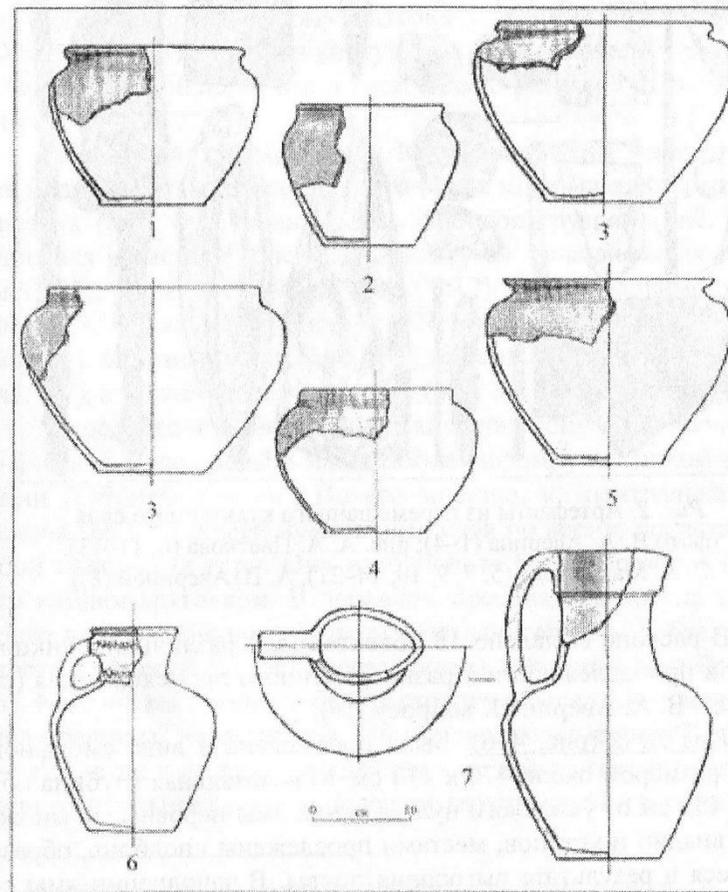

Рис. 1. Реконструкция форм сосудов (рис. Д. В. Кочергина)

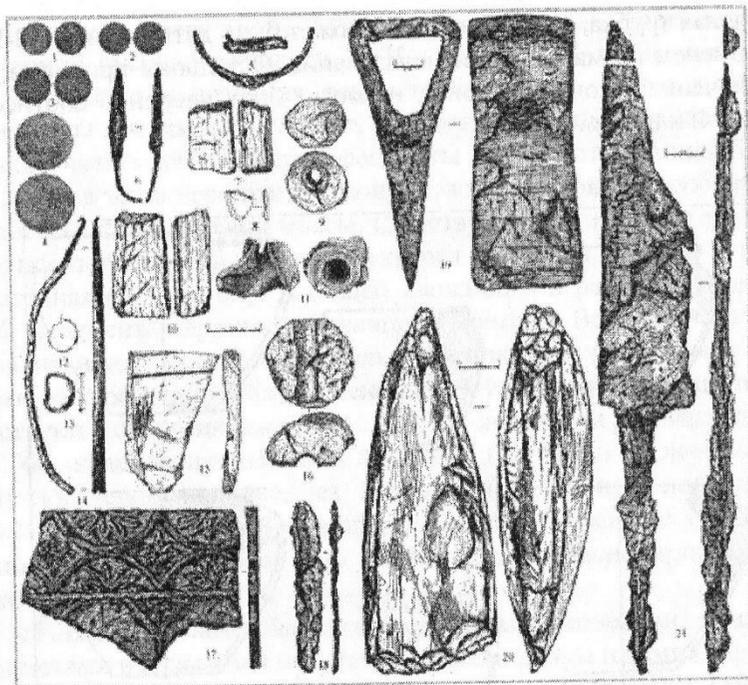

Рис. 2. Артефакты из перемешанного культурного слоя (фото В. А. Аверина (1–4); рис. А. А. Цветкова (6, 11–13), С. А. Максимова (5, 7, 9, 10, 14–21), А. В. Авериной (8))

В раскопе выявлено 18 объектов (ям) различной функциональной принадлежности и одновременного происхождения (см. рис. 2 ст. В. А. Аверин «К вопросу...»).

Яма № 1 (рис. 4–6). Была прослежена в виде аморфного пятна, размером около 470 x 410 см. Максимальная глубина объекта – 452 см от условного нуля. Стенки ямы неровные, с множеством впадин и уступов, местами прослежены «подбои», образовавшиеся в результате выгорания почвы. В заполнении ямы содержалось большое количество обломков сероглиняной, красноглиняной и поливной керамики XVII–XX вв. (рис. 7). Судя по всему, яма представляет собой остатки земляной печи для обжига керамики, которая использовалась неоднократно. Найденная на

самом дне ямы медная монета периода царствования Алексея Михайловича (рис. 8:3) позволяет установить время создания данного объекта – XVII в. Впоследствии печь была заброшена, её края сильно оплыли (о чем свидетельствует прослойка рыжего суглинки, перекрывающая линзы угля и шлака). Керамическое производство здесь было возобновлено в XVIII в., а последний раз, судя по керамическому материалу, печь использовалась в XIX столетии. Каждый раз контуры печи изменялись, в результате чего она и дошла до нас в виде сильно размытого, аморфного пятна.

Наряду с керамикой в яме № 1 обнаружены многочисленные индивидуальные находки. Это кусок меди (рис. 8:1), медный перстень (рис. 8:2), глиняное рыболовное грузило (рис. 8:16), сланцевая развёртка (рис. 8:11), железная «заколка» для пряжи (рис. 8:8), железное кольцо (рис. 8:12), шлифовальные камни (рис. 8:13, 17), железное шило (рис. 8:5), рукоять железного ножа (рис. 8:9), железный клин (рис. 8:6), железный наконечник стрелы (рис. 8:7), а также 4 железных ножа (рис. 8:4, 10, 14, 15).

Определение данной ямы в качестве гончарной печи первоначально было сделано мастером-гончаром, участником экспедиции Д. В. Кочергиным¹. По его мнению, «...центральная яма раскопа (№ 1 по общей нумерации), судя по всему, представляет собой напольный горн. Она изобиловала боем керамики и речным камнем-кругляком. В основном преобладала посуда тёмно-серого и серо-коричневого цвета с незначительным добавлением в тесто примесей (песок, дрсва, помол керамического боя, навоз). Камень, как правило, был расколот на несколько частей или имел трещины, характерные для высокотемпературного воздействия ... в пользу того, что данная яма действительно являлась именно напольным горном большой вместимости, говорит и тот

¹ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность Д. В. Кочергину за сделанные определения, а также за выполнение графических реконструкций глиняной посуды и отрисовку фрагментов керамики. Также благодарим А. В. Аверину, А. Д. Копчёнкову, С. А. Максимова и А. А. Цветкова, оказавших большую помощь в работе над научным отчётом и данной статьёй.

факт, что после разбора каждой садки, гончары пересыпали яму и копали новую, немного смещая её в сторону. Об этом красноречиво свидетельствовали ярко-оранжевые следы прокала материка (соответственно, границ каждой новой ямы) – в вертикальном разрезе это было хорошо видно. Самый древний и самый простой горн – это так называемый «напольный». Он представлял собой яму, в которую укладывались высушенные гончарные изделия. Их укрывали предохранительным слоем, например, отходами изделий после обжига и топливом – соломой, дровами, затем торфом или даже углем. Всё это снизу поджигалось. После того, как топливо сгорит, печь охладится, все разбиралось и садка сортировалась. На мой взгляд, именно с таким типом гончарной печи мы и столкнулись в раскопе».

Яма № 1а (рис. 9). Форма близка к овальной, однако очертания не совсем правильные. Ориентирована по линии север-юг. Размеры ямы около 46 x 75 см. Стенки вертикальные (за исключением северо-западной части, которая слегка «завалена» наружу), дно практически плоское, углы скруглены. Верх ямы был зафиксирован на уровне -178/-181 см (по линии А – Б) от условного нуля, дно получило нивелировочные отметки -206/-209 по скруглённым углам и -213 в центре. Заполнение ямы состояло из серой супеси. Никаких артефактов в заполнении ямы не обнаружено, её предназначение определить затруднительно.

Яма № 2 (рис. 10). Представляет собой аморфное углубление со скруглёнными стенками и уступами, дно неровное. Ширина ямы по линии запад-восток (А – Б) – около 147 см. На поверхности раскопа яма была зафиксирована с отметки – 187 см от репера, глубина её варьируется от -189 до -219 см. Заполнение ямы состояло из серой супеси (в западной части) и тёмно-коричневой супеси (в восточной части) с чёрными вкраплениями, в которых найдены битые кирпичи и известь. Функциональное предназначение ямы определить затруднительно, вероятно, она использовалась в хозяйственных нуждах. Судя по всему, яма достаточно поздняя, выкопана в советское время.

Яма № 3 (рис. 11). Чётко оконтурилась на уровне материка (-165 см от репера). Представляет собой углубление подквадрат-

ной формы (размерами около 45 x 50 см) с вертикальными стенками, дно плоское, его нивелировочная отметка -197 см. Заполнение ямы состояло из тёмно-коричневой супеси, в которой найдены мелкие битые кирпичи и каменноугольный шлак. Функциональное предназначение ямы определить также затруднительно, вероятно, она использовалась в хозяйственных нуждах. Судя по всему, яма достаточно поздняя, выкопана в советское время, а впоследствии перекрыта слоями щебня и др.

Яма № 4 (рис. 12). Прослежена в разрезе северной стенки раскопа и в материке у стенки, на глубине -189/-191 см от репера. Представляет собой аморфное углубление с округлыми стенками и подокруглым дном, глубиной -216 см от репера. Ширина ямы по линии запад-восток (А – Б) 54 см. Заполнение ямы состояло из серой супеси, в которой найдены мелкие фрагменты щебня. Функциональное предназначение ямы определить затруднительно, вероятно, она использовалась в хозяйственных нуждах. Судя по всему, яма достаточно поздняя, выкопана в советское время.

Яма № 5 (рис. 13). Оконтурилась на уровне материка, на глубине -191/-193 см от репера. Представляет собой углубление подокруглой в плане формы с наклонными стенками. Ширина ямы по линии запад-восток (А – Б) 62 см. Дно ямы слегка наклонное, -230/-233 см от репера. Заполнение ямы состояло из серой супеси, в которой найдены мелкие фрагменты щебня. Функциональное предназначение ямы определить затруднительно, вероятно, она также использовалась в хозяйственных нуждах. Судя по всему, яма также достаточно поздняя, выкопана в советское время.

Яма № 6 (рис. 14). Была зафиксирована в виде пятна тёмно-коричневой супеси, «уходящего» в бровку 2 и восточную стенку раскопа. Западный край ямы был зафиксирован на глубине -131 см от условного нуля, тогда как её северо-восточный угол (по стенке раскопа) получил отметку -143 см от репера. Чёткие контуры объекта удалось «прочитать» лишь на фоне материка. Южная часть объекта частично «перекрывалась» ямой № 14, которая, судя по стратиграфии восточной стенки раскопа, выкопана позднее. Яма представляла собой аморфную западину, длиной

(по восточной стенке раскопа) около 380 см (точный размер установить не удалось, поскольку южная часть ямы была нарушена ямой № 14) и шириной (по линии А – Б) – 91 см. Стенки ямы в северной и южной частях почти вертикальные, а в восточной части – скруглённые. Дно неровное, с западинами. В верхней части яма была перекрыта слоем тёмно-коричневой супеси, просевшей в более рыхлое её заполнение, в котором в большом количестве встречены фрагменты сероглиняной керамики и единичные обломки красноглиняной посуды. Среди индивидуальных находок присутствуют железный нож (рис. 8:19), шлифовальный камень (рис. 8:20) и обломок кремнёвого нуклеуса от отщепов (рис. 8:18). Функциональное предназначение ямы и время её создания определить затруднительно, вероятно, она также использовалась в хозяйственных нуждах. После окончания своего функционирования яма была засыпана мешаным культурным слоем, содержащим разновременные артефакты.

Примечание: ямы 7, 8 и 10 описаны в статье В. А. Аверин «К вопросу...»

Яма № 9¹ (рис. 15). Была зафиксирована на глубине -125 см от репера в южной части раскопа. Объект представлял собой своего рода канавку, шириной около 15-20 см, пересекающую раскоп по диагонали, с юго-запада на северо-восток. Глубина её была неодинакова – в южной части раскопа её дно фиксировалось на уровне -125/-135 см от репера, в центральной части -147/-164 см, в северной части -175/188 см, местами линии прерывались, что, вероятно, стало результатом позднейших перекопов слоя. Тем не менее, слабо читающийся её контур на уровне материка указывал на бывшую целостность данного объекта. Стенки ямы (канавки) практически вертикальные, скругляющиеся к низу. Дно подокруглой формы. Заполнения её состояло из тёмно-коричневой супеси, находок внутри не встречено. Функциональное назначение данного объекта, также как и время его создания, определить затруднительно.

¹ Ямам № 7, 8 и 10, представляющим собой погребения древнерусского времени, посвящена отдельная публикация [3], поэтому в данной статье их описание мы опускаем.

Яма № 11 (рис. 16). Была зафиксирована на глубине -127 см от репера, в виде аморфного пятна. Вероятно, на конфигурацию данной ямы повлияли корни росшего рядом дерева, пень от которого был нами выкорчеван. Размер зафиксированного на уровне материка пятна – около 416 см в длину (по линии А – Б) и 189 см в ширину (по линии В – Г). В северной части его контур прерывался. Стенки ямы пологие, скруглённые к основанию, дно неровное. Максимальная глубина (в западине в центральной её части) – 173 см от репера. В заполнении, состоящем из тёмно-коричневой супеси, встречены фрагменты сероглиняной, красноглиняной и поливной керамики, а также кусок медной проволоки. Функциональное предназначение ямы определить затруднительно, вероятно она также использовалась в хозяйственных нуждах. Судя по заполнению, яма была выкопана в XX в.

Яма № 12 (рис. 17). Была зафиксирована на глубине -125 см от репера. Объект представлял собой углубление подпрямоугольной формы, со скруглёнными стенками и уступами, дно ровное, с уклоном к северу. Максимальная глубина ямы -247 см от условного нуля. В верхней части контур объекта слегка «размыт». Яма «перерезала» материковую канавку (яму № 9), что свидетельствует о её более позднем происхождении. Размеры ямы, следующие: длина (по разрезу в западной стенке раскопа) – около 300 см, ширина (по линии А – Б) – 164 см. В заполнении ямы обнаружено большое количество фрагментов сероглиняной керамики. Индивидуальных находок не встречено. Судя по всему, яма использовалась в хозяйственных нуждах в XX столетии, после чего была засыпана.

Яма № 13 (рис. 18). Была зафиксирована на глубине -112/-116 см от репера. Она представляла собой подокруглое пятно, около 2-х метров в диаметре. Яма заглублялась в материк всего на 2 см (по краям) и на 4 см (в центре) – дно ямы в центральной части получило нивелировочную отметку -120 см от репера. Заполнение ямы состояло из светло-серой супеси, в которой встречены мелкие фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики, а также железный нож (рис. 8:21). Функциональное предназначение ямы и время её создания определить затруднительно.

Яма № 14 (рис. 19). Была зафиксирована в виде подпрямоугольного пятна на глубине -107 см от репера. Часть объекта «уходила» в восточную стенку раскопа. Размеры ямы около 252 см (по разрезу в восточной стенке раскопа) на 231 см (по линии А–Б), при этом максимальная длина ямы (на плане раскопа) составляла 340 см. Стенки ямы вертикальные, дно горизонтальное, с западинами в центральной части. Объект частично нарушен ямой № 6, судя по всему, выкопанной позднее. При выборке заполнения и зачистки дна выявлено три столбовых ямки, две из которых в углах, а одна в северной части. Столбовая ямка, выявленная в северной части, имела подокруглую форму, диаметр около 38x33 см. Её заполнение состояло из тёмно-коричневой, почти чёрной гумусированной супеси (вероятно, это древесный тлен). Стенки ямки скруглялись к низу, дно имело округлую форму. Угловые ямки имели округлую форму, диаметр 13 см. Первая из них (в кв. 31) была прослежена с отметки -149 см от репера, а вторая (в кв. 36) – с отметки -139 см. Дно обеих получило нивелировочную отметку -163 см. Стенки ямок вертикальные, дно конусообразное. Заполнение их было таким же, что и у предыдущей ямы – тёмно-коричневая, почти чёрная гумусированная супесь (вероятно, древесный тлен). Судя по всему, эти ямки остались от столбов, поддерживающих общую конструкцию. Что касается заполнения самого объекта, то оно состояло из светло-серой супеси с большим количеством мелких фрагментов сероглиняной и красноглиняной керамики. В яме найдены предметы из глины: лоцило (рис. 8:23), обломок рыболовного грузила (рис. 8:25), обломок подсвечника (рис. 8:24) и целое рыболовное грузило (рис. 8:22). Судя по всему, данная яма имела хозяйственное назначение. Время её функционирования установить достаточно сложно, можно лишь предположить, что это XIX–XX столетия.

Яма № 15 (рис. 20). Впервые контуры объекта были отмечены в виде квадратного пятна уже после снятия балласта. Часть ямы «уходила» в восточную стенку раскопа. По мере выборки культурного слоя, контуры ямы изменились и приобрели неправильные очертания. Позже удалось установить, что изначально

прослеженное квадратное пятно является поздним перекопом неясного происхождения, который «прорезал» заполнение ямы, но не дошёл до её дна. Окончательные очертания ямы 15 зафиксированы на отметке -97 см от репера после зачистки материка. Размеры ямы следующие: длина (по разрезу в восточной стенке раскопа) – 156 см, ширина – 148 см. Стенки ямы были близки к вертикальным, слегка скруглялись к низу. Дно неровное, с западинами (его нивелировочные отметки варьируются от -125 до -134 см от репера). Заполнение ямы состояло из светло-серой супеси, которую по дну ямы подстилала прослойка рыжего суглинка. Находок не обнаружено (за исключением мелкого фрагмента сероглиняной керамики, найденного в перекопе). Время создания данной ямы, также как и её функциональную принадлежность установить затруднительно.

Яма № 16 (рис. 21). Проявилась на глубине -171 см от репера, в виде своего рода канавки шириной 15–20 см, длиной 420 см. Глубина её была неодинакова – местами она достигала 18–20 см (-192/-195 см от репера), а кое-где полностью «выклинивалась». В кв. 11 данный объект пересекал яму № 9. Стенки ямы (канавки) практически вертикальные, скругляющиеся к низу. Дно подокруглой формы. Заполнения её состояло из тёмно-коричневой супеси, находок внутри не встречено. Функциональное назначение данного объекта, время его создания, а также его возможную связь с ямой № 9 определить затруднительно.

Яма № 17 (рис. 22). Проявилась на глубине -136/-140 см от репера в виде подокруглого пятна. Диаметр ямы около 63 см. Стенки вертикальные, скругляющиеся к низу. Дно почти ровное, имеет нивелировочную отметку -152 см. Заполнение ямы состояло из спрессованной тёмно-коричневой супеси, в которой обнаружен кремнёвый отщеп (рис. 8:26). Иных находок не встречено. По нашему мнению, эта яма могла быть выкопана в период первоначального заселения данной территории – в мезолитическую эпоху.

* * *

Подведём итоги. Полученные в ходе раскопок данные, в совокупности позволили воссоздать историю функционирования

отдельно взятого участка памятника в контексте развития всего городища. Удалось не только установить время первоначального заселения территории, но и проследить процесс последовательной смены исторических эпох, того, как те или иные периоды в истории Российского государства отражались на жизни конкретного поселения в провинциальном городке. Удалось установить как периоды активной жизнедеятельности на Соборной горе, так периоды её спада, когда происходило некое запустение.

В результате длительной и весьма активной хозяйственной деятельности на территории изучаемого объекта разновременные напластования оказались не только повреждёнными, но и перемешанными между собой. В толще грунта были встречены артефакты от эпохи каменного века до XX столетия включительно. При этом типологический анализ коллекции позволяет чётко выделять несколько разновременных комплексов, среди которых:

1) Эпоха мезолита – представлена находками кремнёвых отщепов и нуклеидных кусков. В пользу такой датировки говорит полное отсутствие керамики эпохи неолита, бронзы и даже раннего железного века, т. е. тех последующих эпох, когда изделия из камня были ещё широко распространены. Вероятно, в мезолитическую эпоху здесь возникла небольшая охотничья стоянка, которая стала самым первым этапом в истории заселения территории Соборной горы.

2) Эпоха развитого средневековья (XI – начало XIII в.) – представлена находками из захоронений древнерусского времени. Полученные данные свидетельствуют, что в указанное время здесь существовал могильник [3].

3) Эпоха позднего средневековья (XV–XVII вв.) – представлена находками периода становления «града Плесо» с созданием новой системы укреплений на Соборной горе и временем дальнейшего функционирования поселения. Среди них можно выделить не только предметы быта – ножи, проколки и др., но и предметы вооружения, в частности, «броневой» наконечник стрелы. К этому же комплексу можно отнести медную монету времён царя Алексея Михайловича, обнаруженную в нижних пластах засыпки земляной гончарной печи. Судя по всему, в это

время рассматриваемая территория не только использовалась как оборонительный объект, но здесь велась и хозяйственная деятельность.

4) Эпоха нового времени представлена находками последней четверти XVIII (судя по монетам) и первой половины XIX столетий. По всей видимости, после некоторого запустения, активная деятельность на городище возобновляется в связи с постройкой здания Присутственных мест. Прилегающая к зданию территория использовалась в хозяйственных нуждах – продолжают функционировать гончарные печи, встречены предметы быта этого времени, а также многочисленные фрагменты синхронной им керамики. Найденные монеты позволяют установить время особой активности на данной территории. Общий хронологический диапазон – с 1760-х гг. до 1856 г. Большая же часть монет относится к 1830-м – 1840-м гг., т. е. периоду правления императора Николая I.

5) Эпоха новейшего времени представлена многочисленными монетами и предметами быта. Судя по всему, во второй половине XIX и в самом начале XX столетия происходит очередной спад хозяйственной деятельности на данной территории, что подтверждается резким уменьшением числа находок, которые можно было бы отнести к этому периоду. Однако, начиная с 1930-х гг. площадка вновь осваивается. Здесь создается сельскохозяйственное училище, с деятельностью которого, на наш взгляд, связаны многочисленные перекопы на площадке. Впоследствии к зданию Присутственных мест пристраивают котельную, работавшую на каменном угле – отсюда и мощные слои угольного шлака на территории памятника.

Безусловно, территория Соборной горы представляет собой уникальный археологический памятник, который, к сожалению, на сегодняшний день исследован менее чем на 10 %. Новые раскопки на данной территории необходимы.

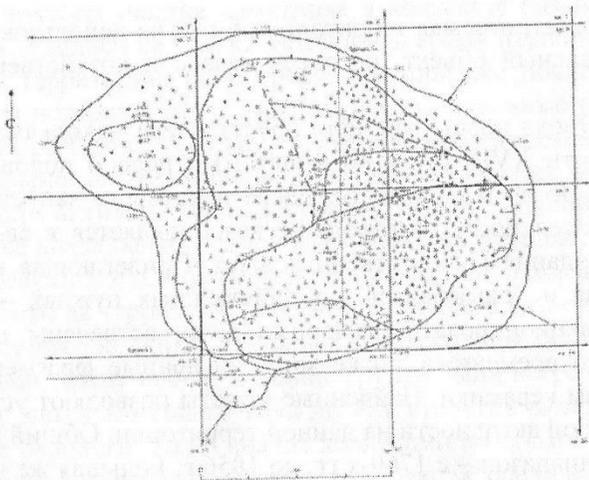

Рис. 4. Яма 1. План и характер за­полнения
(рис. В. Ю. Барыш­никова, А. Д. Коп­чёнковой)

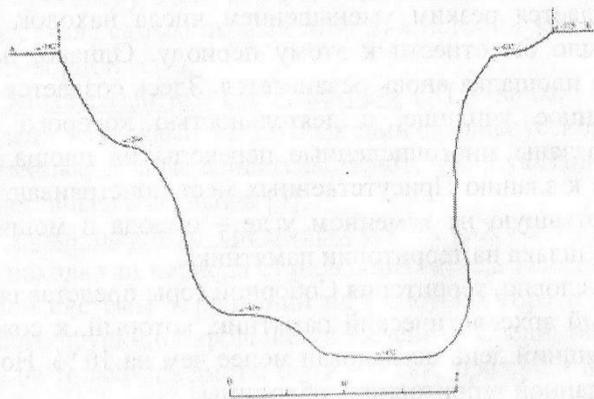

Рис. 5. Яма 1. Разрез по линии А – Б
(рис. А. Д. Коп­чёнковой)

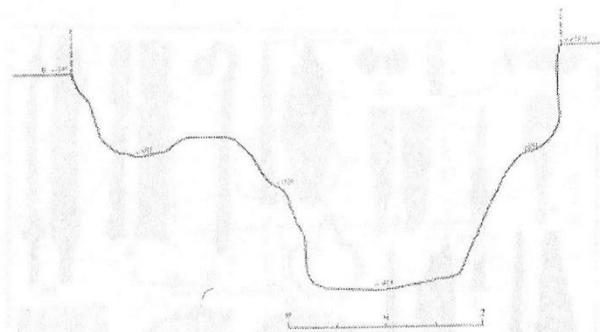

Рис. 6. Яма 1. Разрез по линии В – Г
(рис. А. Д. Коп­чёнковой)

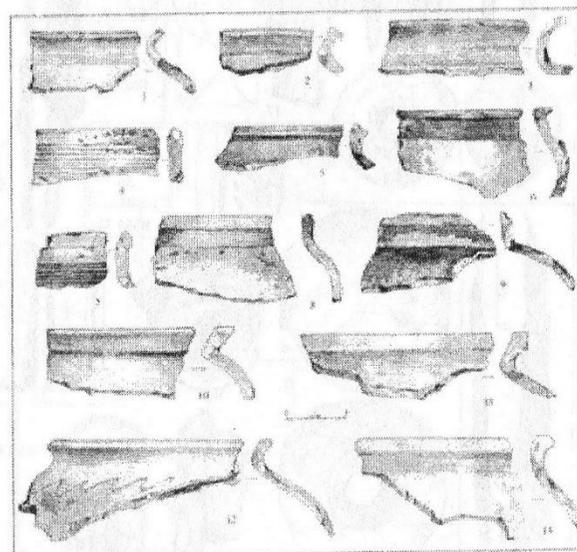

Рис. 7. Образцы венчиков сосудов из ямы 1
(рис. Д. В. Кочергина)

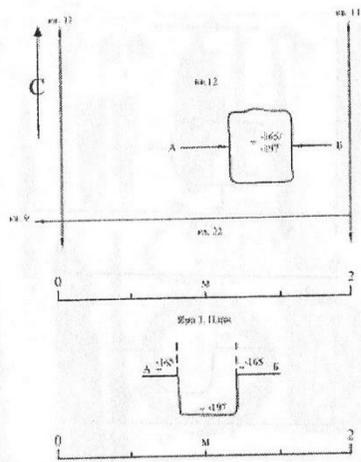

Рис. 11. Яма 3, план и профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

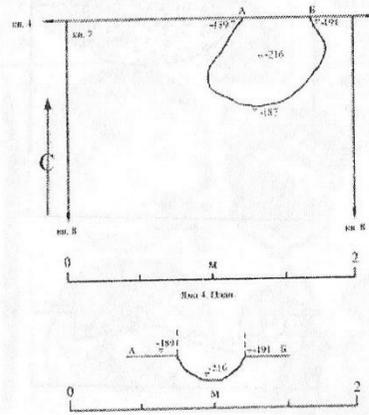

Рис. 12. Яма 4, план и профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

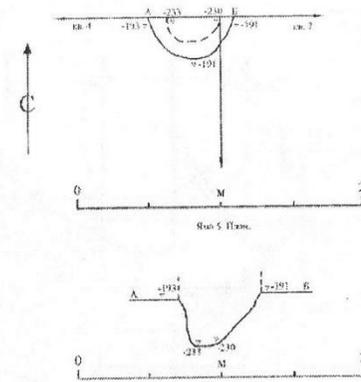

Рис. 13. Яма 5, план и профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

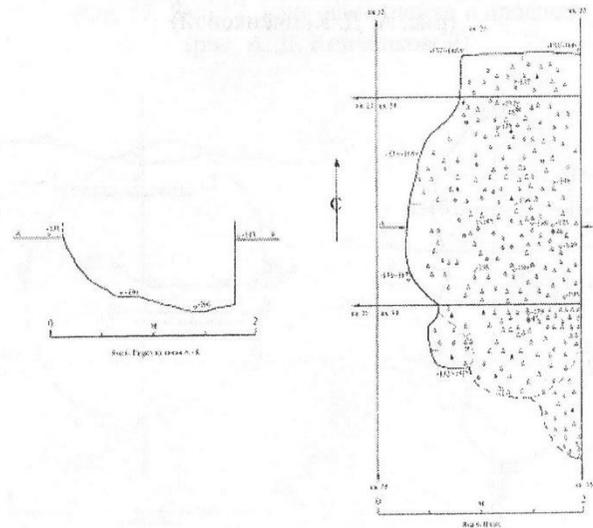

Рис. 14. Яма 6, план, заполнение, профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

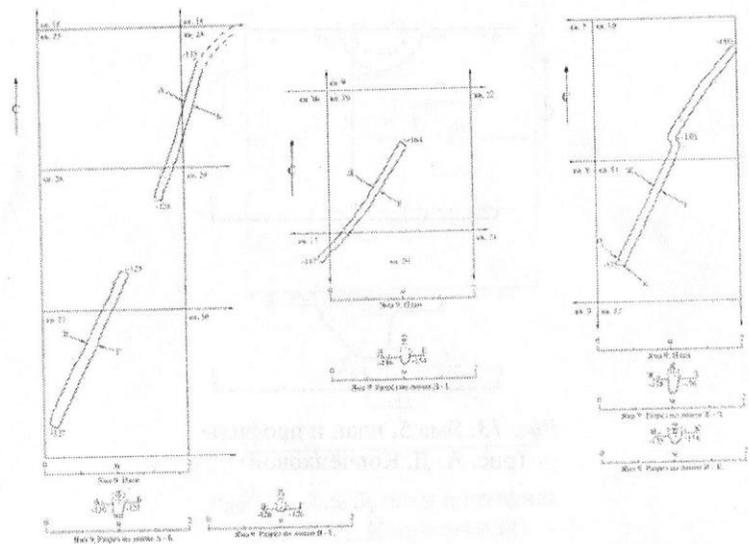

Рис. 15. Яма 9, планы и профили
(рис. А. Д. Копчѣнковой)

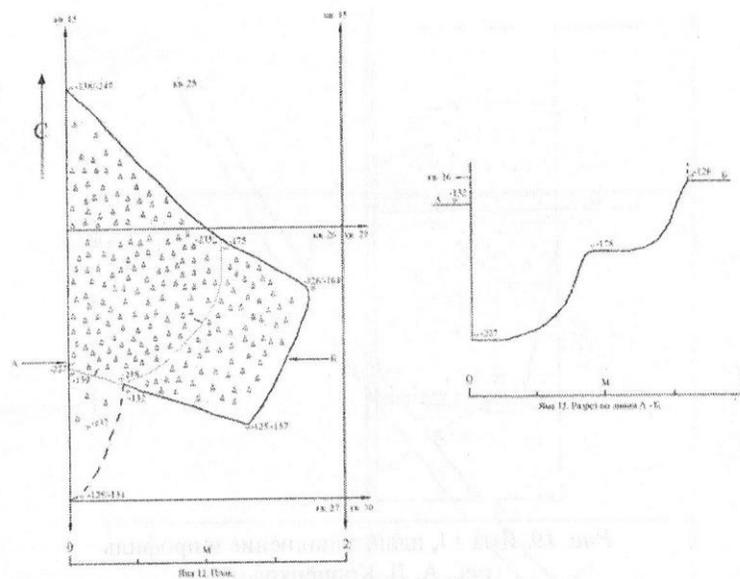

Рис. 17. Яма 12, план, заполнение и профиль
(рис. А. Д. Копчѣнковой)

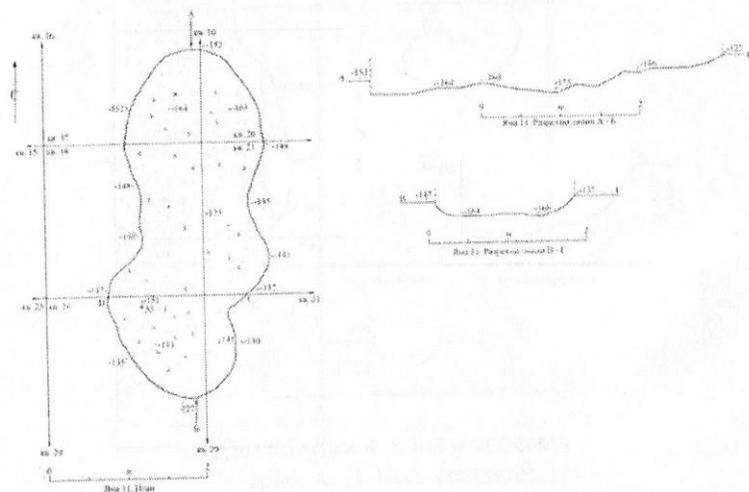

Рис. 16. Яма 11, план, заполнение и профили
(рис. А. Д. Копчѣнковой)

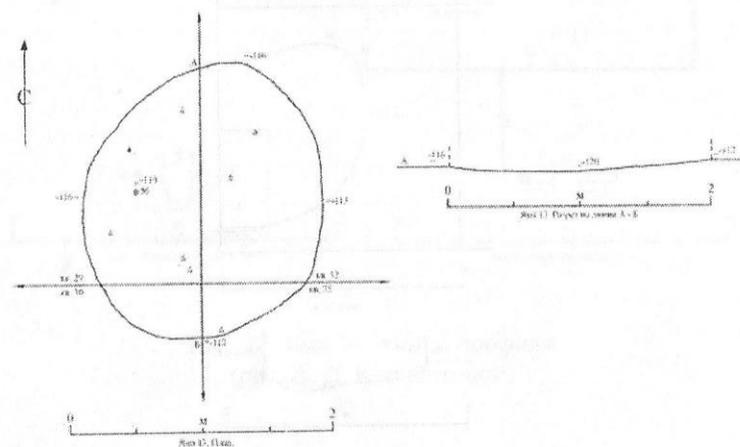

Рис. 18. Яма 13, план, заполнение и профиль
(рис. А. Д. Копчѣнковой)

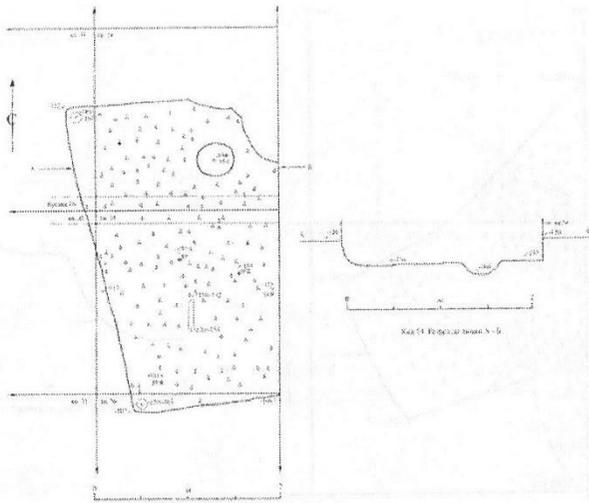

Рис. 19. Яма 14, план, заполнение и профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

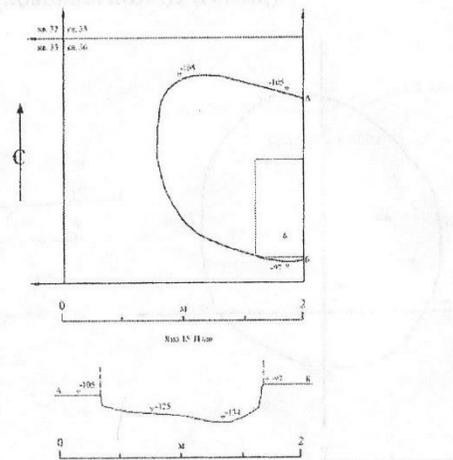

Рис. 20. Яма 15, план и профиль
(рис. А. Д. Копчёнковой)

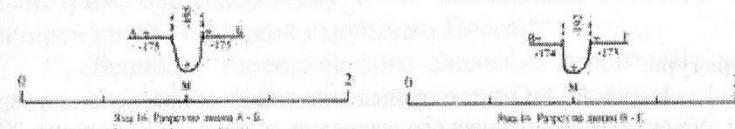
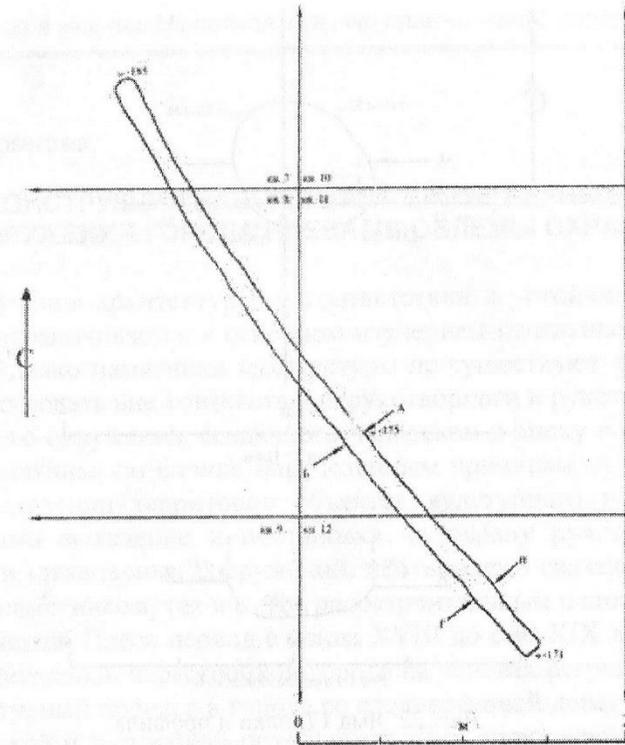

Рис. 21. Яма 16, план и профили
(рис. А. Д. Копчёнковой)

С. А. Зырянова

КОНСТРУКЦИЯ НАБЕРЕЖНОЙ И ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДА ПЛЕСА. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ

Изучение архитектуры, в соответствии с устойчивой традицией, ограничивается в основном изучением отдельных сооружений. Однако памятники архитектуры не существуют и не могут существовать вне контекста – нерукотворного и рукотворного природного окружения, созданного человеком в эпоху возникновения памятника по вполне определенным причинам. А потому, при определении территории объектов культурного наследия, необходимо выявление и постановка на охрану рукотворного рельефа и инженерных сооружений, неотъемлемо связанных как с самим памятником, так и с его градостроительным положением.

В жизни Плёса период с конца XVIII до сер. XIX века связан с радикальной перестройкой города на основах регулярности. Архитектурный процесс в городе со средневековой дорегулярной планировкой и застройкой приобретает в эту эпоху всю возможную направленность и масштабность классической традиции. Рассмотрим, благодаря чему стало возможным создание новой планировочной городской структуры Плёса.

Особенности геологического сложения территории города и её гидрогеологии, значительный перепад отметок рельефа, свободное расположение посадов и слобод, трассировка улиц, спусков и дорог, целиком подчиненная рельефу, являлись серьезным препятствием к реализации задачи переустройства Плёса в соответствии с «Генеральным планом городу Плёсу», высочайше утвержденным императрицей Екатериной Великой в 1781 году. План разрабатывался «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы».

Главный документ содержал новаторские идеи, диктовал столичный стиль, ставил задачи по превращению посадов, сло-

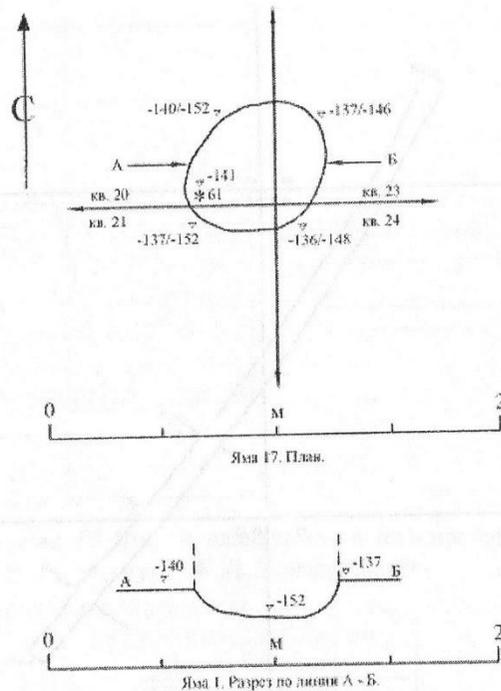

Рис. 22. Яма 17, план и профиль (рис. А. Д. Копчёнковой)

Литература

1. Аверин В. А. Отчёт о проведении охранных раскопок на территории объекта археологического наследия «Плёсское городище XII – XIV вв.», расположенного по адресу: Ивановская область, Приволжский район, г. Плёс, ул. Гора Свободы (Соборная Гора), 1 (у здания «Присутственных мест») в 2011 г. // Архив ИА РАН.
2. Аверин В. А., Пискунова Е. В., Цветков А. А. Исследования Ивановской археологической экспедиции // Археологические открытия 2011 г. М., [в печати].
3. Аверин В. А. Погребения древнерусского времени на Соборной Горе в Плёсе // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки», 3 (4). Иваново, 2012.

бод, торгов в четкую городскую структуру с регулярной системой улиц и квартальной застройкой, формировал городской центр и главную «перспективу» – Волжскую набережную. Впервые была определена четкая граница города.

Воплотить продиктованные проектом четкость и геометризм на иссеченной оврагами местности с резкими перепадами рельефа было невозможно. Четкая сетка улиц была проложена в прибрежной части города и Заречье, не затронув долины Шохонки и Троицкую слободу. Улицы второй линии застройки плавно изгибаются у подножия холмов. Дома на них то врезаются в рельеф, с помощью выборки грунта и формирования люнетт, то поставлены на террасы, сформированные за счёт подпорных стенок циклопической кладки, сложенных из валунного камня. В Плесе практически все объекты такого рода рукотворного рельефа сосредоточены на улицах Ленина, Юрьевской (бывшей ул. Горького) и Заломе.

Но самый значительный в градостроительном отношении объект расположен на волжском берегу. Это искусственное инженерное дамбовое сооружение города Плёса конца XVIII – XIX и архитектурный ансамбль застройки набережной, которые необходимо сохранять в целом, а не только в виде отдельных «объектов культурного наследия»

В соответствии с модой того времени волжская «перспектива» города была застроена «сплошной фасадом», то есть по красной линии улицы зданиями с однородными фасадами. Фасады домов для застройки тиражировались из альбомов «Собрания фасадов Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи». Издавалось «Собрание» «особою книгою» и продавалось от Министерства внутренних дел. Типовые или «партикулярные» проекты подразделялись в соответствии с сословной принадлежностью.

Большинство зданий на набережной построено в период с 90-х годов XVIII до середины XIX века. Из ранних построек на набережной можно назвать здание плёсской таможни, выстроенное в конце XVIII в. в формах русского барокко (Советская, 59); жилой дом Подгорновых-Грошевых (Луначарского, 20); главный дом усадьбы Моисеевых (Советская, 9), украшенный колонным портиком, по «образцовому» проекту начала XIX века; особняки Грошева и Маклашина (Советская 29 и 23), отличающиеся изы-

сканностью лепного декора. К ранним постройкам относятся также дом Введенских (Советская, 15) и неоднократно исправленный дом Бакакиных-Векшиных (Советская, 19).

Плёсская набережная отстраивается очень быстро, за 50–60 лет, на памяти одного поколения. Следует учесть тот факт, что на это время приходится годы Отечественной войны 1812 года и восстановление Москвы после пожара. Незадолго до вступления французских войск в первопрестольную дворянство, имевшее дома и имения в Плесе и близ него, бегут сюда на жительство. В своих воспоминаниях балетмейстер Глушковский, вместе с Московским театром и театральным училищем квартировавший во время войны в Плесе, упоминает о Семене Федоровиче Аладьине с женой Марией Павловной и детьми, статском советнике Коптеве, полковнике Каблукове и др.

Двухсотлетние купеческие дома и торговые ряды выстроены на береговой террасе, похожей на естественную. В действительности плесская набережная является сложным искусственным сооружением, конструкция которого хорошо видна на рисунке, датированном 1862 годом («г. Плесь на Волге. (18 июня 1862 г.)», «Плёсы Костр... вид на Волгу. 1862 г. июнь 18 ч.»)

Осуществить строительство в пойме реки было непростой задачей. Плёсская земля, помимо сложного для освоения рельефа, богата такими «сюрпризами», как «песчаные линзы», «пльвуны», выходы родников, или скрытыми от глаз подземными реками. Строительство начиналось с того, что береговая терраса выравнивалась, спрямлялись устья оврагов, ручьи были убраны в деревянные дренажные трубы. Сами трубы, уложенные с уклоном в сторону Волги, снабжены оригинальными деревянными клапанами, пропускающими грунтовую воду вниз, но закрывающимися при поднятии паводковых вод в Волге. Деревянное дамбовое сооружение представляет собой сосновые срубы высотой до 6 метров, установленные на деревянных сваях в три ряда и подмощенные камнем. Береговой откос вымощен булыжником. Исследования этого уникального инженерного сооружения было проведено в 1953–1954 годах инженером А. М. Викторовым перед сооружением гидроэлектростанции в Городце. Результаты исследований были опубликованы автором в ведущих научно-популярных журналах СССР.

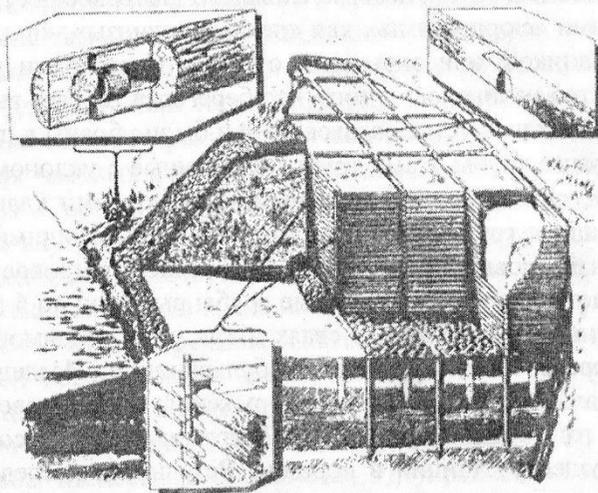
Первая статья инженера А. М. Викторова «Старинные сооружения Плёса» была опубликована в журнале «Техника – молодежи» № 5 в 1955 году. Автором в статье приводится рисунок «Разрез набережной» и дается описание конструкции дамбового сооружения.

«В 1953–1954 годах, когда порыли эту улицу, оказалось, что она представляет собой искусственное сооружение из деревянных ряжей – срубов, рубленных в лапу, составленных из отдельных ячеек площадью 2 x 3 м высотой до 6 метров. Ряжи сложены из не ошкуренного соснового кругляка.

Венцы ряжей уложены на сваях и подможены камнем. Ячейки были засыпаны местным грунтом – песком и строительным мусором и покрыты песчаной насыпью в 1–2 м, которая образвала поверхность улицы вдоль набережной.

При вскрытии ячеек в них были найдены медные монеты с датами 1748, 1810 и 1836 годов и глиняная курительная трубка с вырезанной на ней надписью «1800 год». По этим находкам время сооружения набережной можно отнести к сороковым годам XIX века. Следовательно, просуществовала она более ста лет.

Разрез набережной: видны ряжи, заполненные песком. Вверху слева: дренажная труба с клапаном. Внизу слева и вверху справа – соединение венцов ряжей.

Ряжи находились в грунтах, которые непрерывно омывались подземными водами, стекающими по склону к Волге. Однако древесина ряжей не только великолепно сохранилась, но и приобрела такую высокую плотность и твердость, что в первое время после вскрытия невозможно было рубить и пилить их. Только спустя несколько месяцев твердость древесины уменьшилась до обычной.

На многих кругляках сохранилась крепкая кора, которая отделялась только при ударе. Интересно, что все венцы изготовлены без помощи пилы. Они рублены топорами, следы которых видны на торцах.

Кое-где ряжи были прорезаны, а в прорезях помещались деревянные дренажные обожженные трубы и коробчатые лотки, уложенные с уклоном в сторону Волги, отводящие грунтовые воды. В одной из труб был обнаружен оригинальный деревянный клапан, укрепленный на коже, пропускающий грунтовые воды вниз, но закрывающийся при поднятии паводковых вод в Волге до уровня дренажной трубы.

Искусно используя в небольшом количестве дерево и дешевый местный материал – песок и валуны, безыменные строители старинной набережной и улиц Плёса – простые русские люди – сделали сооружение экономно и вместе с тем прочно и долговечно».

В январском номере за 1956 год ежемесячный популярный естественнонаучный журнал «Природа», издаваемый Академией наук СССР, являющийся старейшим в России непрерывно выходящим изданием, включенным в перечень ВАК (Высшей Аттестационной Комиссии), публикует вторую статью Викторова «Искусственная терраса в долине Волги».

В соответствии с естественнонаучной направленностью издания Викторов описывает особенности геоморфологического строения волжского берега у города Плёса и публикует фотографию бревенчатых высоких клетей, составляющих основу конструкции дамбы.

Ранее всеми исследователями небольшой террасообразный уступ над узкой полосой поймы, по которому протянулась плеская набережная, описывался как первая надпойменная терраса, образование которой связывали как с отложениями Волги, так

и с делювием ее песчано-суглинистых склонов. Каково же было изумление исследователей, когда в канавах, прорытых вдоль набережной в 1954 г. в ходе берегоукрепительных работ, вместо естественных песчано-глинистых пород аллювия неожиданно вскрыли целую систему старинных берегоукрепительных сооружений, заполненных песчаным грунтом.

Масштабный проект «Большая Волга», в рамках которого началось строительство самых знаменитых ГЭС страны и работы, направленные на его реализацию, без сомнения были на государственном контроле. На основании результатов проведенных работ по берегоукреплению и строительству дренажной системы Плёса (второй по счёту с момента строительства города), а так же последующих публикаций инженера А. М. Викторова Советом народных депутатов Ивановской области в начале 60-х годов набережная в Плёсе была признана искусственным дамбовым сооружением и взята под охрану.

В 80-х годах ведущими экспертами страны в области искусствознания – почётным членом Российской Академии художеств, лауреатом Государственной премии РФ Евгенией Ивановной Кириченко и Еленой Геннадьевной Щеболевой, работавшими в Плёсе в процессе подготовки многотомного издания «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России», отмечалась важность понимания того, что набережная Плёса является комплексным памятником русского градостроительного искусства и архитектуры.

В соответствии с принятым в Федеральном законе № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» понятийным аппаратом, набережная Плёса является исторически ценным градоформирующим объектом и подлежит государственной охране, ибо обладает, по мнению экспертов, всеми признаками «объекта культурного наследия» (памятника), как объект науки и техники; частично или полностью скрытый в земле или под водой, основным источником информации о котором являются археологические раскопки или находки.

В. Е. Николаев

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ В ПЛЕСЕ

Появление телеграфной связи в Нерехтском уезде, в состав которого входил город Плес, относится к началу 70-х гг. XIX в. В то время губернский центр Кострома имел связь лишь с Ярославлем и Нижним Новгородом (через Кинешму). В Нерехте телеграфная станция была открыта в 1871 г.¹ Она обеспечивала прием и передачу депеш на двух линиях: Кострома – Ярославль и Ярославль – Иваново (через Писцово).

С расширением телеграфной сети губернии изменялась и схема линий на территории Нерехтского уезда. Рассматривая вопрос о том, когда же появилась телеграфная связь в Плесе, следует указать, что город был соединён телеграфом первоначально с Костромой через Кинешму, позднее – с Нерехтой через Яковлевское – Середу.

Инициатором появления в Плёсе нового вида связи стала городская дума, направившая 28 декабря 1879 г. соответствующее ходатайство костромскому губернатору. Гласные, отмечая необходимость соединения города с телеграфной сетью империи как важное условие роста благосостояния его жителей, соглашались предоставить необходимое помещение и выделить средства на первоначальное обзаведение. 1 февраля 1880 г. их просьба была поддержана губернатором и адресована начальнику Вологодского телеграфного округа².

Рассматривались два возможных варианта: проведение линии от станции Горкино Шуйско-Ивановской железной дороги расстоянием в 33 версты, либо от Кинешмы – 54 версты. В мае

© Николаев В. Е., 2014

¹ См. подробнее: Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1164. Оп. 2. Д. 3.

² См.: ГАВО. Ф. 1164. Оп. 2. Д. 18. Л. 2–2 об., 5.

1880 г. старшим механиком округа Фромм были закончены предварительные изыскания, в результате которых был сделан вывод о предпочтительности прокладки линии напрямую на Кинешму, которая, в противном случае, должна была бы стать переприёмной станцией¹.

Для устройства станции был командирован младший механик Виноградов, ставший впоследствии распорядителем работ. В рапорте начальнику округа от 4 марта 1882 г. он сообщал, что жертвуемая Плёским городским обществом для станции на три года квартира вполне удобна и располагается в верхнем этаже полукаменного двухэтажного дома наследников купчихи Любови Алексеевны Авериной на Юрьевской улице: пять комнат с прихожей и кухней в нижнем этаже и необходимыми службами².

Весной 1882 г. началась подготовка к устройству линии. Подряд на поставку столбов от Плёса до Вичуги получил плёский мещанин Фёдор Михайлович Иванчиков. В мае из Петербурга были получены через начальника Кинешемской телеграфной станции фон-Рогге два чернопишущих аппарата Сименс и Гальске³. 21 июля было закончено переоборудование помещения, и вскоре начальник отделения Беляев отправил сообщение в Вологду об открытии в Плесе телеграфа и начале приёма депеш на русском языке⁴. Станции был присвоен VI разряд, согласно которому в её штате находились начальник (с содержанием 360 руб. в год), два телеграфиста IV разряда (180 руб.) и сторож (120 руб.)⁵.

Новая линия начиналась от Кинешемской телеграфной станции и тянулась по Московской улице к железнодорожному вокзалу по существующим столбам правительственного телеграфа, затем переходила через полотно и шла по существующим столбам вдоль железной дороги вдоль левой стороны до железнодорожной станции Вичуга. От станции Вичуга были установлены новые столбы, по которым линия шла вдоль грунтовой до-

¹ Там же. Л. 6–8 об.

² Там же. Л. 70, 74. См. также план на л. 71. Под помещение станции был отдан весь верхний этаж.

³ Там же. Л. 45–48 об., 79, 84.

⁴ Там же. Л. 118, 131, 137.

⁵ Там же. Л. 28.

роги до почтовой станции Ивановской и далее через село Василий Великое к Плёсу. Протяжённость линии от Кинешмы до Вичуги составила 28,5 вёрст, далее до Плёса – ещё 37,5 вёрст вновь проложенной проволоки. Общая же длина провода составила 66 вёрст¹.

Вскоре привычный ход вещей был нарушен. В ночь с 25 на 26 сентября в доме, где располагалась станция, случился пожар: сгорела часть внутренней обстановки (несколько шкафов, в т. ч. для батареи, телеграфный аппарат, а также новенькая вывеска с надписью «Телеграф»). Требовался ремонт и в самом здании. Новую мебель было поручено изготовить мещанину Дмитрию Канавину, а станция временно переехала в новое помещение, выделенное Плёской городской управой, располагавшееся по Воскресенской улице в каменном доме наследников мещанина Маклашина и вдовы его Татьяны Андреевны Маклашиной на втором этаже².

Помещение же в доме наследников Авериной (шесть комнат в верхнем этаже двухэтажного дома), в которое предполагали въехать после необходимого ремонта, передавалось городским обществом бесплатно на три года (без отопления и освещения)³.

Таким образом, в 1882 г. Плес получил телеграфную связь с Кинешмой, а через неё – с Костромой и был включён в общую телеграфную сеть страны. Принимавшиеся из Плёса в Кинешме телеграммы далее могли передаваться по проводу № 26 (связь с Нижним Новгородом и Иваново-Вознесенском)⁴.

Позднее телеграфная линия от Плёса была проложена до Яковлевского, где 20 сентября 1884 г. был открыт прием депеш⁵, с последующим продолжением на Середу (1886 г.) и Нерехту.

До почтово-телеграфной реформы 1884 г. в Плесе существовали отдельно почтовое отделение и телеграфная станция, осуществлявшие приём и выдачу почтовой корреспонденции, а

¹ Там же. Л. 199–203 об. См. также схему на л. 22.

² Там же. Л. 172–173, 180–181, 184, 201.

³ Там же. Л. 201.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ См.: Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 40.

также приём телеграмм (1886 г.)¹. В 1885 г. Костромская губерния вошла в состав вновь образованного Ярославского почтово-телеграфного округа, а в 1887 г. вышеупомянутые плесские учреждения были преобразованы в единое почтово-телеграфное отделение². В начале XX века Плесское почтово-телеграфное отделение было преобразовано в контору.

К началу XX в. телеграф стал привычной частью провинциальной жизни. За сухими архивными строчками отчётов – любопытные факты, рисующие жизнь провинциального городка. Так, например, известно, что в 1896 г. в Плесе более всего выписывали «Сельский вестник», «Биржевые ведомости», «Ниву», «Церковный вестник», а также губернские ведомости³. В том же году отделением были приняты и отправлены 3621 телеграмма, в т. ч. 3162 тарифные, 127 бесплатных и 332 проходящие. Доход от деятельности телеграфа составил 1172 руб.⁴ В среднем в месяц получалось и отправлялось по 9 почт зимой и по 60 – летом. Всего – по 373 в год. В отделении было два почтовых ящика, а также один значился «на пароходах»⁵.

В годовых статистических отчётах начальники контор и отделений сообщали, как правило, и о причинах увеличения или уменьшения доходности вверенных учреждений. Так, начальник почтово-телеграфной конторы в Нерехте в отчёте за 1896 г. сообщал, что увеличение доходности произошло «по случаю хорошего урожая хлеба и льна, последнего был значительный сбыт, и частью от временного прибытия рабочих и мастеров в город для работ строившейся железной дороги от Нерехты к Середе, которыми также пересылалась корреспонденция в значительном количестве»⁶. Его колле-

¹ См.: Список почтово-телеграфных и почтовых учреждений Российской империи. СПб., 1886. С. 468.

² См.: Обзор Костромской губернии за 1887 год. Приложение к всеподданнейшему отчёту костромского губернатора за 1887 год. Кострома, 1888. С. 13; Хроника почтовой жизни. XIX век // Костромская старина. 2000. № 14. С. 14.

³ См.: ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 299. Л. 436–437.

⁴ См.: Там же. Д. 126. Л. 431.

⁵ См.: Там же. Д. 299. Л. 430 об. – 431 об.

⁶ См.: Там же. Д. 126. Л. 373.

га из Плёса, отвечая на аналогичный вопрос, отмечал увеличение дохода вследствие увеличения числа дачников летом¹, в Середе и Яковлевском ответствовали коротко: «вследствие большего развития торговой и фабричной промышленности»².

Приходилось почтово-телеграфным служащим выполнять и более экзотические обязанности. Так, с 1904 г. в Плесе, Нерехте, Середе, Яковлевском, а также многих других учреждениях Ярославского почтово-телеграфного округа чиновники (как правило, начальник или один из его подчиненных) приняли на себя обязанности агентов Союза драматических и музыкальных писателей, что означало взимание в пользу этой организации авторского гонорара за даваемые в месте их жительства театральные представления³.

Вслед за телеграфной в наш край пришла и телефонная связь. Первые телефонные аппараты заработали в губернии в последние десятилетия XIX в. Они устанавливались, как правило, крупными предпринимателями и служили для оперативной связи между домами, лавками и фабриками. Позднее эти, а также вновь устанавливаемые телефонные аппараты объединялись в правительственную телефонную сеть. В Костроме таковая официально заработала 1 ноября 1899 г.

Наряду с государственными телефонными сетями разрешалось и устройство земских. Их расположение, как правило, ограничивалось территорией уезда, но, при отсутствии конкуренции с правительственными телефонными линиями, могло быть получено разрешение и на соединение земской телефонной связью нескольких соседствующих друг с другом уездов.

Установлено, что в пределах Костромской губернии, кроме упоминавшейся выше городской телефонной сети в губернском центре, действовали городская телефонная сеть в Родниках (открыта 10 августа 1913 г.)⁴, земские телефонные сети в Кинешме

¹ ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 126. Л. 427.

² Там же. Л. 482, 599.

³ Там же. Д. 276. Л. 12–13.

⁴ См.: Список телефонных сообщений Российской империи к 1 января 1914 года. Ч. 1. СПб., 1914. С. 6.

(1903 г.), Юрьевце, в т.ч. в Лухе, Пучеже, Порзднях, Филисове, Болотном, Сеготи (1902 г.)¹, Макарьевская (1913 г.)², Кологривская (1915)³, а также частная сеть в Ветлуге (14 сентября 1905 г.)⁴ и несколько железнодорожных сетей (упомянем, в частности, сообщения между фабриками при селах Бонячки и Тезино и станцией Вичуга, а также между станциями Середя Товарная и Середя Пассажирская, устроенные в 1898–1899 гг.)⁵. На самой же железнодорожной линии Нерехта – Середя телефон действовал с 1896 г. Вероятно, еще с конца 80-х гг. началось его использование в служебных целях на линии Кинешма – Иваново Шуйско-Ивановской железной дороги (по телеграфному проводу).

Дата появления первого телефона в Плесе пока остается точно неустановленной. Из имеющихся данных можно сделать лишь некоторые предварительные выводы. Так, исходя из статистических данных Главного управления почт и телеграфов, видно, что до начала 1916 г. общегородской телефонной сети в Плесе не существовало. Нерехтский уезд также не имел собственной телефонной сети.

Лишь 27 января 1913 г. в Нерехте открылось действие междугороднего телефона на участке Нерехта – Москва (с 1 февраля – и с Костромой)⁶, что было связано с сооружением линии Москва – Ярославль – Нерехта – Кострома – Красное (с ответвлением Нерехта – Середя – Иваново-Вознесенск – Вичуга – Кинешма)⁷ для обеспечения телефонной связью Костромы во время ро-

¹ Список телефонных сообщений Российской империи (кроме Финляндии) к 1 января 1912 года. СПб., 1912. С. 25.

² См.: Список телефонных сообщений... к 1 января 1914 года. Ч. 1. СПб., 1914. С. 28.

³ См.: Список телефонных сообщений Российской империи к 1 января 1916 года. Ч. 1. Пг., 1916. С. 35.

⁴ Список телефонных сообщений... к 1 января 1912 года. СПб., 1912. С. 16.

⁵ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1289. Оп. 3. Л. 271 об., 272. Указанные в описи дела не сохранились.

⁶ См.: Государственный архив Нижегородской области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 552. Л. 213.

⁷ Линия Нерехта – Иваново-Вознесенск – Кинешма была открыта действием весной 1913 г.

мановских торжеств. В указанных населенных пунктах были открыты переговорные пункты. В том же 1913 г. заработали линии Иваново-Вознесенск – Родники (правительственная) и Макарьев – Юрьевец (земская)¹.

Начало устройства земской телефонной сети в Нерехтском уезде относится к 1913 г., когда гласными было возбуждено соответствующее ходатайство перед правительством. Необходимое разрешение было получено, однако скорейшему развитию событий помешала война.

Для того чтобы проследить историю становления земского телефона (в части Плеса и сопредельных территорий) обратимся к актам официального делопроизводства нерехтского земства.

В сессию чрезвычайного земского собрания 17 мая 1914 г. был утвержден проект устройства и правил пользования земской телефонной сетью, согласно которому она должна была состоять из трех центральных станций, шести узловых и трех подстанций, связанных между собой отдельными соединительными узловыми воздушными линиями. Центральные станции (Нерехта, Плес, Середя) предназначались для обслуживания городских абонентов; узловые (в Писцове, Рождествене, Блазнове, Арменках, Яковлевском и Острецове) – для обслуживания абонентов определенного района; подстанции (в Марьинском, Сидоровском и Рождествене) не предполагали развития широкой абонентской сети.

На особом положении находилась станция в селе Середя, поскольку между ней и Нерехтой уже существовала телефонная линия почтово-телеграфного ведомства, а прокладка параллельной линии (по тому же маршруту или в обход) запрещалась. Чтобы учесть эту особенность, предполагалось устроить в Нерехте и в Середе соединительные линии между центральными земскими станциями и станциями почтово-телеграфного ведомства.

¹ Стоимость трехминутного разговора: Нерехта – Иваново – 30 копеек, Нерехта – Середя – 15 копеек; Иваново – Вичуга или Иваново – Кинешма – 30 копеек, Кинешма – Вичуга – 10 копеек; Иваново – Родники – 30 копеек; Кострома – Красное – 15 копеек (см.: Список телефонных сообщений Российской империи к 1 января 1916 года. Ч. 2. Пг., 1916. С. 4–7, 10–11; см. также: Обзор Костромской губернии за 1913 год. Приложение к всеподданнейшему отчету костромского губернатора. Кострома, 1913. С. 29).

В очередную сессию 1914 г. уездное земское собрание постановило приступить к сооружению телефонной сети немедленно, не дожидаясь окончания войны. В виду недостаточности средств решено было оборудовать хотя бы одну главную магистраль: Нерехта – Сидоровское – Плес, не включая в нее правительственную станцию в Середе, поскольку это не было одобрено министром внутренних дел¹.

Сооружение линии было начато, несмотря на трудности военного времени, весьма неплохо. Председателю управы в ходе поездок в Москву и Петроград удалось сравнительно недорого приобрести все необходимые для первоначального оборудования сети строительные материалы, телефонные аппараты, коммутаторы и прочее. Не удалось лишь приобрести железной проволоки, которой для устройства линии первой очереди было нужно около 2 тыс. пудов².

Были также проведены изыскания, сделана развозка столбов и летом 1915 г. приступлено к их постановке. На работах по устройству сети использовались военнопленные с телефоностроительной практикой, которые, по сведениям управы, трудились «охотно, умело и добросовестно»³.

В 1915–1916 гг. схема телефонной сети неоднократно корректировалась, однако линия Нерехта – Сидоровское – Плес оставалась первоочередной⁴. К июлю 1916 г. все линейные работы на магистрали Нерехта – Плес на участке до Сидоровского были завершены за исключением подвески провода. Завершить

¹ См.: Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1914 год. Кострома, 1915. С. 25; Постановление Нерехтского уездного земского собрания очередной сессии 1914 г. Кострома, 1915. С. 46–49, 68–69.

² См.: Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1915 год. Кострома, 1916. С. 21–22.

³ См.: Постановления Нерехтского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 20-го июня, 18-го июля и 20-го августа 1915 года. Кострома, 1915. С. 67, 70–72.

⁴ См.: Постановления Нерехтского уездного земского собрания чрезвычайных созывов 1-го февраля, 16-го мая, 12-го июля 1916 года с приложениями. Кострома, 1916. С. 1–4.

устройство линии планировали весной, используя труд военнопленных¹.

Далее «следы» телефона теряются, и его судьба в революционные годы пока остается невыясненной. Однако спешность проводимых, даже на фоне стремительно развивающейся экономической разрухи, работ позволяет сделать предположение, что к осени 1917 г. значительная часть земских планов была выполнена.

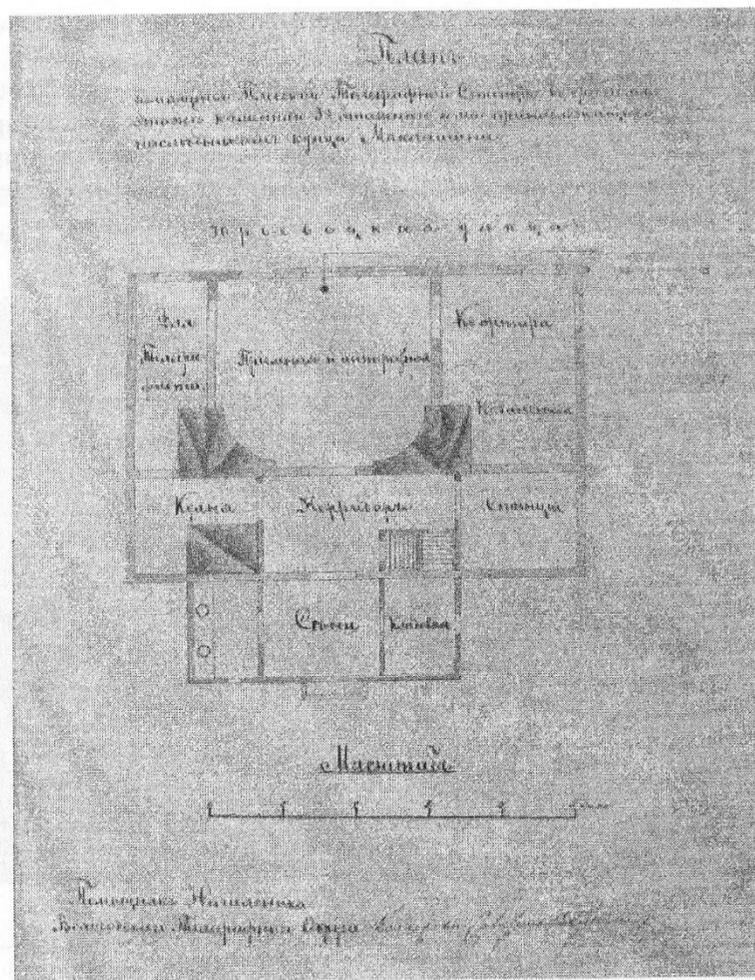

План местности от г. Плеса до с. Яковлевского и проектируемой между ними телеграфной линии (копия).

(Государственный архив Ярославской области.

Ф. 573. Оп. 1. Д. 40. Л. 21 об.)

¹ Там же. С. 1–4.

План помещения Плесской телеграфной станции в среднем этаже каменного трехэтажного дома наследников купца Маклашина (Государственный архив Вологодской области. Ф. 1164. Оп. 2. Д. 18. Л. 186)

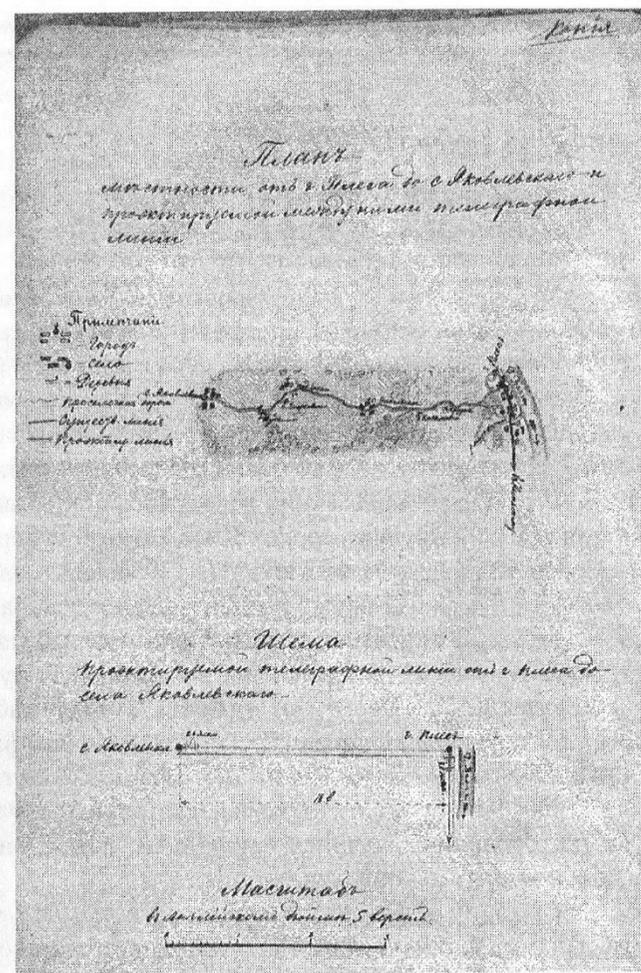

Схема проектируемой телеграфной линии от г. Кинешмы до г. Плёса. (Государственный архив Вологодской области. Ф. 1164. Оп. 2. Д. 18. Л. 22)

Г. В. Панченко, Е. Н. Полоцкая

К ИСТОРИИ БУМАГОТКАЦКОЙ ФАБРИКИ ТИХОМИРОВА – ГРОШЕВА В ПЛЕСЕ

В 1875 году плесянами И. Тихомировым и П. Грошевым в окрестностях Плеса была основана крупная бумаготкацкая фабрика. Следует отметить, что в источниках упоминаются более ранние плесские бумаготкацкие заведения, но неизвестны ни имена их владельцев, ни местонахождение¹. Очевидно, заведениями до этого времени именовали раздаточные конторы. Так, документ 1862 года «О преобразовании городского общественно-го управления в Плесе и других городах Костромской губернии» о двух миткалевых «заводах» сообщает: «На миткалевых заведениях разматывается бумажная пряжа и производится основа миткалю; ткать же раздается окрестным крестьянам»². Выработанное на двух заварочно-миткальных заведениях возвращалось купцам Зубковым и Кокушкиным³. Вероятно, имеются в виду фабрика Н. Ф. Зубкова, поставлявшая суровье другим ивановским фабрикам, и фабрика «Торгового Дома Зосим Кокушкин и Конст. Маркушев». Т. е. плесские бумаготкацкие заведения 1860-х – начала 1870-х годов, очевидно, являлись филиалами, раздаточными конторами этих крупных ивановских фабрик.

Сырье для фабрик Иваново-Шуйского региона шло через Плес. Книга «Нерехотский уезд в 1857 году» сообщает: «При г. Плесе имеются две пристани: одна хлебная, где суда пристают с хлебом, крупю, горохом и т. п., другая для складки товаров, преимущественно материалов для хлопчатобумажного производ-

© Панченко Г. В., Полоцкая Е. Н., 2014

¹ Моренова Г. В. К истории бумаготкацкого производства в г. Плесе (по материалам ГАКО и РГИА) // Иваново-Вознесенский край: история и современность. Иваново. 1992. С. 38–41.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 2159. Л. 152–177.

³ ГАКО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1918. Л. 4–5.

ства. Привозимые из низовых городов они отправляются в г. Шую, с. Иваново и другие места, где устроены фабрики»¹. Готовые ткани из Шуйского уезда вывозились опять-таки через Плес на Нижегородскую ярмарку и далее². Прохождение через Плес и сырья, и готовых изделий, а также освобождение крестьян реформой 1861 года способствовало организации собственно плесского бумаготкацкого производства.

Фабричный корпус новой фабрики Тихомирова-Грошева, по воспоминаниям плесского жителя П. А. Мозжухина, располагался ниже Плеса по течению Волги за ручьем Гремячкой³. По «Сведениям за 1910–1912 годы», фабрика перешла во владение «Торгового Дома Алексея Яковл. Тихомирова и Ксенофонта Макс. Грошева» (очевидно, наследников И. Тихомирова и П. Грошева). Заведовал фабрикой Василий Абрамов. Из тех же «Сведений» мы узнаем о числе самоткацких станков на фабрике: 150 – в 1910 году, 220 – в 1911 и 257 – в 1912 году⁴. Станки приводились в движение паровой машиной мощностью 100 ед.⁵ В 1910 г. здесь работало 170 человек⁶, в 1912 г. – 390⁷, в 1914 г. число рабочих при сохранении прежнего уровня производства уменьшилось до 320 человек⁸, а в 1915 г. – до 309⁹. Работы производились в две смены¹⁰.

На фабрике А. Я. Тихомирова и К. М. Грошева вырабатывался миткаль. По «Сведениям о промышленных предприятиях в Костромской губернии за 1910–1912 годы», здесь было произведено: в 1910 г. – 9479, в 1911 г. – 15 736, в 1912 г. – 18 159 пудов

¹ Нерехотский уезд в 1857 году. Кострома. 1872. С. 7.

² От Костромы до Нижнего Новгорода. Изд-во «Самолет». 1862.

³ Архив исторического отдела ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 44.

⁴ ГАКО. ф. 457. Оп. 1. Д. 1467.

⁵ Макарьев П. Указ. соч. С. 89.

⁶ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1912 г. Кострома, 1912. С. 278.

⁷ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1913 г. Кострома, 1913. С. LXIII.

⁸ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 г. Кострома, 1915. С. LXV.

⁹ ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1707. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 3.

миткаля¹. Как видим, производство в эти годы неуклонно расширялось, росла и общая стоимость произведенной продукции. В 1910 году выручка заведения составляла 22 925 р. 25 к., в 1911 – 33 105 р. 95 к., в 1912 – 39 509 р. 86 к.², в 1913–1915 годах она оставалась на уровне 1912 года³. Продукция, очевидно, отправлялась Иваново-Шуйским фабрикам, предоставлявшим (или просто оплачивавшим) сырье и занимавшимся дальнейшим циклом обработки. На эту мысль наводят слова В. Абрамова, помещенные в «Сведениях ... за 1910–1912 годы» в графе «продано»: «Работаем чужое»⁴. Чьи это были фабрики, пока неизвестно.

По сведениям за 1903–1905 гг. один из совладельцев фабрики – А. Я. Тихомиров – занимался и организацией льготкачества: с 1875 года имел раздаточную контору в д. Акинфиево Яковлевской волости Нерехтского уезда, при которой числилось 85 работников⁵. В «Списке фабрик и заводов Российской империи» 1912 года упоминается его же ткацко-раздаточная контора по выработке парусины и холстов в г. Плесе с годовым производством в 2500 руб. и 12 работниками⁶.

Но вернемся к истории бумаготкацкой фабрики Тихомирова-Грошева. В октябре 1913 году здесь на основе типового проекта был принят устав больничной кассы. Из письма фабричному инспектору понятно, что владелец (почему то слово использовано в единственном числе) пытался уменьшить число уполномоченных от рабочих с 30, положенных по уставу, до 5 человек и интересовался, сколько уполномоченных он может назначить от себя⁷. Из письма от 8 февраля 1914 года видим, что пришлось все-таки, очевидно, под давлением фабричного инспектора, выбрать 30 человек уполномоченных в общее собрание больничной кас-

¹ Там же. Д. 1467.

² Там же.

³ Справочная книжка... на 1913 год. С. LXIII; Справочная книжка... на 1915 г. С. LXV.

⁴ ГАКО. Ф. 457. Оп. I. Д. 1467.

⁵ Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. СПб., 1908. С. 218.

⁶ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. С. 80.

⁷ ГАКО. Ф. 457. Оп. I. Д. 1692. Л. 3.

сы. Заведующий фабрикой Василий Абрамов в том же письме сообщал о том, что в феврале ожидается выход устава больничной кассы из печати, после чего будут проведены выборы членов правления¹.

Общие собрания больничной кассы при фабрике «Т-го Дома А. Тихомиров и К. Грошев», очевидно, проводились раз в год. Из сохранившегося протокола второго общего собрания больничной кассы мы узнаем о том, что оно состоялось 1 марта 1915 г. На собрании решались следующие вопросы:

1) об установлении процента удержания с суммы заработка участников кассы;

2) об установлении в указанных законом пределах размера выдачи денежных пособий участникам кассы в случаях болезни, родов и смерти участника кассы;

3) об установлении процента отчислений в запасный капитал;

4) об утверждении сметы доходов и расходов кассы на предстоящий отчетный год;

5) о выдаче пособия по случаю болезни не ранее четвертого дня болезни;

6) о выдаче пособия по случаю болезни за праздничные дни и за дни перерыва в работах предприятия;

7) о сохранении за выбывшим участником кассы права на получение в течение месяца денежных пособий в наименьших размерах; при условии, что это лицо не вступило в число участников другой кассы;

8) о предоставлении участникам кассы права на получение пособий лишь после пребывания в кассе в течение определенного срока, не превышающего двух недель;

9) о лишении денежного пособия полностью или частично тех участников кассы, которые нарушают порядок подачи заявлений и не исполняют распоряжения врачебного персонала;

10) об установлении дня, с которого начинается производство удержаний и выдача пособий;

11) о назначении дня в неделю для производств выдачи пособий;

¹ ГАКО. Ф. 457. Оп. I. Д. 1692. Л. 6.

12) о выдаче участникам кассы особых книжек или иных документов, служащих удостоверением участия в кассе;

13) о выборах членов ревизионной комиссии, кандидатов к ним, а также кандидатов членов правления и др.

Общее собрание больничной кассы в количестве 17 человек под председательством владельца фабрики К. М. Грошева постановило:

1) «Проценты удержания или взносов участников кассы установить в размере 1 % с действительного заработка каждого участника.

2) Ввиду одинакового размера взносов или удержаний с каждого участника и затруднительности определить точное семейное положение участников и вследствие новизны дела установить следующие выдачи пособий:

а) по случаю болезни или увечия пособия выдавать семейным участникам в размере половины заработка, а одиноким в размере одной четверти заработка;

б) по случаю родов в размере половины действительного заработка за две недели до родов и за две недели после родов;

в) по случаю смерти, т. е. на погребение, выдавать пособие в размере двадцатикратного заработка умершего участника кассы.

3) Размер отчислений в запасный капитал больничной кассы из сумм удержаний с участников и приплат владельца устанавливается в пять процентов.

4) Смета: доход в течение девяти месяцев 1915 года ~ 540 рублей, расход в то же время ~ 540 рублей.

5) Пособия по случаю болезни ранее четвертого дня болезни не выдавать.

6) За праздничные дни и за дни перерыва в работах предприятия пособий не выдавать.

7) За выбывшими участниками кассы право на получение в течение месяца пособия в наименьших размерах не сохранять.

8) Представление участникам кассы прав на получение пособий лишь после пребывания в кассе в течение определенного срока, не превышающего двух недель, не выдавать.

9) За нарушение порядка подачи заявлений и неисполнение распоряжений врачебного персонала – пособие не выдавать.

10) Удержания в больничную кассу из сумм заработка участников ее начать 1-го Апреля 1915 г. Выдачу пособий начать с 1-го Июня 1915 г.

11) Днем выдачи пособий назначить вторник еженедельно»¹.

К сожалению, документы, касающиеся истории бумаготкацких фабрик в г. Плесе, частично были утрачены во время пожара в Государственном архиве Костромской области, а сохранившиеся документы по периметру листов обожжены, что затрудняет их прочтение. Так не полностью сохранился устав больничной кассы.

Очень ценным источником являются письма с фабрики, посланные фабричному инспектору 4-го участка Костромской губернии. Само подчинение фабричному инспектору указывает на то, что производство считалось значительным, так как только крупные фабрики и заводы находились под надзором фабричной инспекции.

Письмо старшему фабричному инспектору от 28 апреля 1914 (?) года сообщает о том, что фабрика из-за поломки машины останавливалась в апреле, и планировался ее запуск в мае². Из письма от 29 апреля 1915 г. мы узнаем, что она запускалась заново после Пасхи в 1914 году. Сведения об остановках производства фабричный инспектор, как следует из письма, должен был удостоверять перед податным инспектором³.

Письмо фабричному инспектору от 7 февраля 1915 года сообщает о высылке владельцами фабрики инспектору доверенности на получение в Сберегательной кассе 50 рублей штрафного капитала с просьбой выслать их на фабрику для раздачи в виде пособий рабочим⁴.

Были угрозы остановки производства и позднее.

В письме фабричному инспектору от 16 марта 1915 года мы читаем: «Нам угля для топлива газогенератора хватит только на

¹ Протокол Общего собрания больничной кассы при фабрике Т-го Дома А. Тихомиров и К. Грошев в г. Плесе Костромской губ. ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1692. Л. 12-15.

² ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1582. Л. 34.

³ Там же. Оп. 12. Д. 1710. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 9.

две недели после Пасхи с/г, т.е. до половины Апреля. Хотя уголь у нас купленный еще в Феврале м-це у фирмы Вогау и К^о¹ в Москве и затребованный чтобы выслали его, но ... не ручается за подачу вагонов под уголь. Нет ли закона об удостоверении Фабричным инспектором, что угля у нас нет, с тем и отпустили бы вагонов для перевозки угля со станц. Хрустальная Екатеринин...». Далее представитель владельцев просит совета, как поступить: сообщать рабочим о возможности остановки фабрики или нет².

Производство испытывало значительные трудности во время первой мировой войны. В письме фабричному инспектору от 3 августа 1915 года Василий Абрамов сообщает: «Сим имеем честь довести до Вашего сведения; 27-го Июля с/г взят в военную службу наш механик, который отбыл на место назначения и заменяющий его податель сего Константин Яковлев Завражнов сегодня призывается тоже на военную службу. В виду такого положения фабрику пустить нет возможности, о чем покорнейше просим Ваше Высокородие оставить нам Завражнова, иначе фабрика должна стоять»³. Как видим, от фабричной инспекции жда-

¹ Торговый дом «Вогау и К^о» — одна из крупнейших торгово-промышленных фирм в Российской империи. Учреждён в 1859 г. Главная контора располагалась в Москве на Варварке, 26, в доме страхового общества «Якорь». Фирма занималась продажей кубовых красок, хлорной извести, английской соды, чая, овса, тонкой английской хлопчатобумажной пряжи и американского хлопка, строительных материалов, сахарного песка и рафинада, чёрных и цветных металлов, серного колчедана и антрацита. До начала 1900-х гг. торговый дом «Вогау и Ко» занимался банковскими операциями и содержал банкирскую контору в Москве, выступил также соучредителем Московского учётного банка (1869) и страхового общества «Якорь». Фирма «Вогау и К^о» участвовала в более чем 20 предприятиях лёгкой, пищевой, тяжёлой промышленности. В 1916 в ходе кампании «борьбы с немецким засильем» над «Вогау и К^о» установлен правительственный контроль. После Октябрьской революции владельцы «Вогау и К^о» эмигрировали за границу (см.: История монополии Вогау (торгового дома «Вогау и Ко») // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959).

² ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1710. Л. 24.

³ Там же. Л. 58.

ли поддержки и в таких вопросах. Очевиден и тот факт, что специалистов в небольшом городе для срочной замены механика найти было трудно. Из письма от 24 октября 1915 года мы узнаем о том, что фабрика была остановлена и вновь начала работать с 20 октября. Работы после запуска производства велись сначала в одну смену, так как не все рабочие еще собрались¹.

Точное время закрытия бумаготкацкой фабрики А. Я. Тихомирова и К. М. Грошева неизвестно. Павел Алексеевич Мозжухин, житель Заречья, приятель сына Ксенофонта Максимовича Грошева — Максима, вспоминал, что, когда ему было около 10 лет, а родился он в 1906 году, т. е. в 1916–1917 годах, на фабрике был большой пожар, после которого производство уже не возобновлялось². Уроженец Плеса, краевед Л. П. Смирнов, в свою очередь писал: «Помню, летом 1917 года мы с мамой на пароходе проплывали мимо, направляясь из Плеса к пристани Семигорье, откуда уже на лошадях добирались на родину матери в Артюшино под Вичугой. Фабрика работала полным ходом, до парохода долетал фабричный шум, трубы дымили, сновали люди. Гостили мы у родных несколько дней. А когда плыли назад в Плес, то фабрика имела уже совсем иной вид: на этом месте стояли обгоревшие стены без крыши, людей не было, никакой жизни вокруг уже не чувствовалось»³. Последнее утверждение можно признать более точным, так как Л. П. Смирнов обладал очень хорошей, цепкой памятью и был старше П. А. Мозжухина.

В 2008 году авторами статьи были обследованы руины фабрики А. Я. Тихомирова и К. М. Грошева. Они находятся на берегу реки Волги за оврагом Гремячка и известны среди местных жителей под названием «Красная стена» (рис. 1).

Как показало обследование, к настоящему времени сохранились восточный фасад (практически полностью), фундамент и цокольное основание с подвальными помещениями. Хорошо читается периметр здания с размерами стен 77 м 70 см x 22 м 27 см (рис. 2). Постройка вытянута вдоль берега Волги. Подвал, зани-

¹ ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1710. Л. 66.

² Архив исторического отдела ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 44.

³ Смирнов Л. П. Плес. К истории города // Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 12. Л. 247.

мавший приблизительно чуть больше половины здания, располагается в южной части.

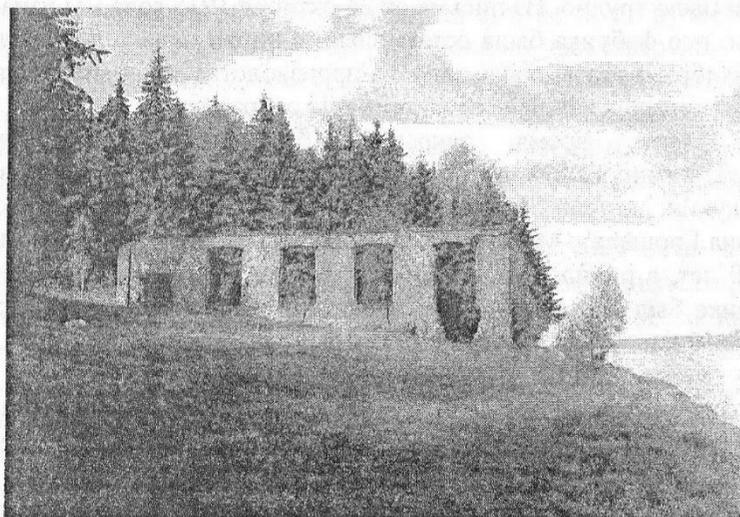

Рис. 1. Восточная стена фабрики Тихомирова – Грошева

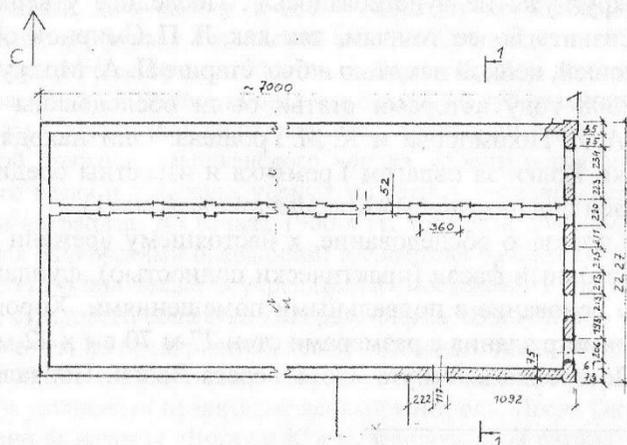

Рис. 2. План фабрики Тихомирова – Грошева

Сохранившийся восточный фасад фабрики имеет четыре высоких оконных проема и невысокий дверной проем, расположенный ближе к южному фасаду (рис. 3). Проемы с лучковой перемычкой. Окна разной ширины – от 213 до 234 см. Углы стен оформлены гладкими лопатками.

Сохранился фрагмент южной стены с небольшим дверным проемом, расположенным в 10 м 92 см от восточного угла здания.

В рельефе берегового склона читается грунтовая дорога к фабричному зданию.

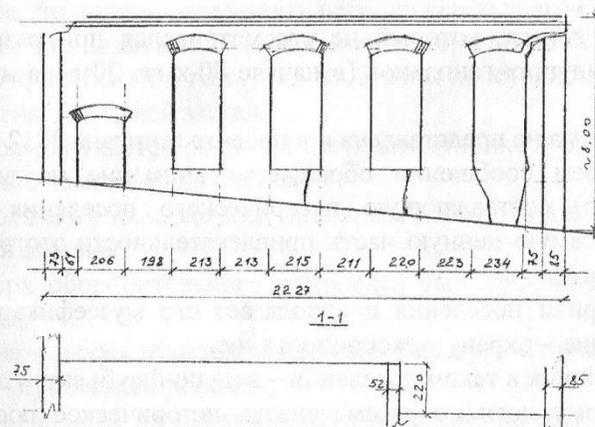

Рис. 3. Чертёж восточного фасада

Несмотря на то, что здание в настоящий момент находится в руинированном состоянии, оно представляет особый интерес как объект промышленной архитектуры конца XIX века. Это одно из двух сохранившихся фабричных зданий в Плесе, которое на основании обмеров сохранившегося объема может быть восстановлено.

В любом случае, будет оно восстановлено или нет, это объект должен быть сохранен и поставлен на охрану как объект культурного наследия, как первая централизованная бумаготкацкая фабрика в Плесе.

В. А. Беляев

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕСА

В данном сообщении речь идет не о всех аспектах, предусмотренных федеральным законом от 12 ноября 2012 г. № 179-ФЗ.

Взят аспект, который не рассматривался при разработке двух предыдущих генпланов (в начале 80-х гг. 20 века и в 2007 году).

Эта тема не представлена и в проекте генплана 2012 г.

В моем сообщении обращается внимание на видовую (пейзажную) составляющую исторического поселения, очень важную и самую ценную часть привлекательности этого места, на охрану его.

Историзм поселения предполагает его музеефикацию, то есть изучение – охрану – экспонирование.

Музейщик в таком поселении – ведущий субъект.

Поэтому логично рассматривать историческое поселение (причину его возникновения и ход развития) с музейной позиции.

Почему город Плёс занесен в реестр исторических поселений России?

Чем обусловлено необходимость создания такого реестра поселений в России? Прежде всего, его цель – сохранение исторического и культурного наследия.

Сегодня это очень актуально для Плёса.

Федеральные средства, которые выделены Плёсу, значительны. Они могут содействовать как сохранению и поддержке историзма Плёса, так и разрушению его.

Вот тут важно опять обратиться к истории, к тому, как начинался «град Плёсо».

Необходимость возведения крепости на Волге диктовалась по политическим интересам Московского княжества.

Место же возведения крепости определялась ландшафтом.

Ландшафт для надежной воинской заставы должен соответствовать определенным требованиям:

а) Иметь прямой, протяженный участок реки, чтобы своевременно «дозировать» приближающегося врага.

б) Русло – зауженное с быстрым течением, с наносными отмелями – перекатами.

в) Берега высокие, крутые, залесенные, с сетью глубоких оврагов.

Все это должно затруднять передвижение врагов.

Эти так называемые «твердости самородные» были найдены в верховье Волги и наилучшим образом пространственно приспособлены для целей заставы.

Прямой участок реки ~20 км (волжский плёс) был включен в оборонно-таможенную систему.

Волжский плёс являлся активным действующим фактором воинской заставы.

Верх оборонительного комплекса был закреплён пунктом Сунгурово.

Низ – двумя пунктами: на левом берегу – Сторожевым, на правом – пунктом Порошино.

В середине, на правом высоком берегу, на плато удобной горы, построена была деревянная крепость.

Подробнее об этом можно прочитать в «Исторической записке о заштатном городе Плесе» Павла Алмазова (1910 г.), а также у В. Ю. Халтурина, А. Б. Дьякова, П. Н. Травкина и др.

Весь волжский Плёс с размещенными по его высоким берегам дозорными постами составлял объемно-пространственную структуру плесской таможенно-оборонительной системы.

Воинская застава функционировала около трех веков.

Когда отпала необходимость в военной миссии, населенные пункты не исчезли. Они существуют до сих пор. В том числе и наш город Плёс.

Современный Плёс в прошлом был ядром заставы.

Сегодня он, как историческое поселение федерального значения, не может рассматриваться отдельно от своей изначальной

оборонительной функции, то есть в отрыве от других составляющих единой таможенно-оборонительной системы.

Федеральный закон от 12 ноября 2012 года № 179-ФЗ уточнил положения в частности статьи 59 закона от 25 июня 2002 года. Это очень важно для Плёса.

Статья 59 должна быть изложена так:

Понятие истрического поселения

Пункт 1 этой статьи мы не рассматривали, так как Плесь уже в реестре исторических поселений.

Из пункта 2. Предмет охраны исторического поселения рассмотрим подпункт 3) объемно-пространственную структуру.

В нашем случае весь волжский плес (~20 км), а также бывшие дозорные посты: Порошино, Сторожево, водно-каменный лабиринт между ними, Серково, Сунгурово и, конечно, Плес – составляют объемно-пространственную структуру исторического поселения. Закон берет ее под охрану.

И не только объекта созданные человеком, но и природу берегов. Об этом сказано в подпункте б) того же пункта.

б) композиционно-видовые связи (панорамы) соотношение природного и созданного человеком окружения.

Применительно к рассматриваемой оборонно-таможенной системе это: береговые панорамы волжского плеса (пейзажи). То есть прибрежные леса, овраги, дорожные посты. Закон берет их под охрану.

Пункт 4 этой статьи говорит об основополагающем факторе, а именно, об историко-культурном опорном плане исторического поселения, составленном на основе историко-архитектурных, историко-градостроительных, архивных и археологических исследований.

Он включает все объекты культурного наследия, в том числе утраченные, а также границы зон охраны объектов, границы территорий объектов, границы территории исторического поселения.

Все сказанное выше о таможенно-оборонительной системе в целом в отношении охраны ее как объекта культурного наследия, в той же мере относится и к каждому объекту этой системы (Порошину и Сторожеву и к водно-каменному лабиринту между ними, Серкову и Сунгурову и, конечно, к городу Плёсу).

Существует ли такой опорный план у Плесского поселения и если да, то сколь он полон?

И как с ним соотносится предложенный на слушаниях 7 декабря 2012 г. проект нового генплана Плеса?

Волжский плес оказался в центре внимания не только тех, кто искал «твердости самородные» для оборонных нужд, но и тех, кто видел в Волге образ России.

В этой связи возникает в памяти целая серия живописных полотен гениального мастера русского пейзажа Исаака Левитана.

«Вечер. Золотой плес», «На Волге», «Вечер на Волге», «После дождя. Плес»... «Свежий ветер. Волга» и др., в которых «прозвучали» волжские мотивы.

В перечисленных работах дан многоплановый образ Волги и образ маленького волжского городка, который стал, благодаря его картинам, известен миру.

Это усиливает значимость волжского плеса еще и в художественно-эстетическом понимании его роли в культурном наследии.

Пейзажи (панорамы) волжского плеса с залесенными берегами, послужившие натурой для создания художественного образа Волги и города, стали объектом культурного наследия как бы еще раз, т. е. дважды.

Статья 59, пункт 2, подпункт б) берет их под охрану.

Статья 59 берет под охрану еще ряд других факторов в подпунктах 2); 5) очень важных для охраны городского пейзажа Плеса.

Но эта тема другого сообщения.

Можно только удивляться тому факту, что в предъявленном на слушаниях 7 декабря 2012 г. проекте нового генплана Плеса никак не прозвучала эта тема, без которой Плес нельзя назвать историческим городом.

Л. М. Лебедева

**«ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ»
ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ АРХИВА
ПЛЕССКОГО ВРАЧА-ХИРУРГА Е. И. ЛЕБЕДЕВА**

Евгений Иванович Лебедев (далее Е. И.), родился в Плесе в 1877 году в семье священника Плесской Троицкой церкви Ивана Константиновича Лебедева и его законной жены Александры Евгеньевны.

Семья была многодетна, четверо сыновей: Дмитрий, Александр, Владимир, Евгений и дочь Клавдия. Рано остались без отца. Все сыновья окончили Костромское Духовное училище и Семинарию.

По окончании Костромской семинарии, Е. И. поступил в Императорский Юрьевский (Дерптский) университет на медицинский факультет.

Юрьевский университет был одним из лучших университетов Европы. С 1802 года по 1893 назывался Дерптским, обучение велось на немецком языке. В 1893 году университет подвергся насильственной русификации и был переименован в Юрьевский. С 1896 года состав русского студенчества увеличился, благодаря допущению в университет окончивших курс в духовных семинариях, которые стали стекаться сюда со всех концов России.

В 1903 году, окончив университет, возвратился на родину. *«В 1903 г. с 23 ноября заведовал больницей на 12 кроватей и родильном отделении при фабрике «Ветка» Т-ва Разореновых близ г. Кинешма»* [1]. Позднее, в 1919 году, Евгений Иванович женился на Александре Ивановне Фомичевой. Мать Александры Ивановны – Надежда – была приемной дочерью семьи Разореновых. Обладая спокойным, добрым характером, умением понять своего мужа, родив двух талантливых детей: дочь Галину и сына Ивана,

Александра Ивановна была надежным спутником на всем жизненным пути Евгения Ивановича.

Чтобы сохранить место службы и помочь многодетной семье брата Владимира – земского врача, взятого по мобилизации на войну с Японией, Е. И. в 1903 году поступает работать вместо него в Хорольском земстве Полтавской губернии.

По возвращении брата с войны, Евгений Иванович подбирает новое место службы. Но осенью 1904 года, он заболел, поставил себе неутешительный диагноз – чахотка и решил ехать в Крым на лечение. Приехав на лечение в Алупку, он остался там работать.

Проработав шесть лет в Крыму, Евгений Иванович постоянно учился, *«за собственный счет ездил на месяц в Московскую детскую больницу, Максимилиановскую больницу в Петербург и клинику проф. Г. И. Турнера Военно-медицинской Академии для изучения костного туберкулеза и ортопедии и поставил ортопедию на должную высоту в санатории проф. А. А. Боброва»* [1]. Он работал врачом Лименского пансиона Крымского общества борьбы с туберкулезом, в Севастопольской городской больнице совершенствовался в практической хирургии и гинекологии, преподавал и занимался научной работой в акушерско-фельдшерской школе и лечебнице доктора А. Галузевского. В Ялте за борьбу с холерой Е. И. Лебедев был удостоен правительственным подарком – золотыми запонками с изображением государственного герба. В 1911 году Евгений Иванович вернулся в Костромскую губернию.

На родине Е. И. Лебедев работал на должности врача-хирурга и заведовал родильным отделением Нерехтской уездной земской больницы, в 1912 году содействовал в устройстве нового родильного дома и городской амбулатории в г. Кинешме. Одновременно Евгений Иванович состоял врачом духовного и первого высшего начального Кинешемских училищ, заведовал городскими яслями, представил печатный доклад о санитарном состоянии г. Кинешмы за 1912 год. В 1914 году Е. И. Лебедев был призван на действительную военную службу. За работу старшим ординатором эвакуационного госпиталя в Костроме был награжден орденом Св. Станислава 3-ей степени, приказом по гражданскому ведомству от 22 декабря 1915 года утвержден за выслугу в чин

титularного советника, приказом от 30 мая 1916 года произведен в чин коллежского асессора. В Костромском обществе врачей Евгений Иванович представил доклад на тему: «Пулевые ранения при свете рентгеновских лучей», с демонстрацией больных и снимков.

Прожив достаточно в Крыму, съездив на Кавказ, Евгений Иванович пришел к заключению, что его родной город Плѣс на Волге, как один из живописнейших городов, может быть выбран курортом для детей Ивановской области. В 1918 году, заведывая школьно-санитарным отделением Юрьевского Наробразования, он был командирован на первый Ивановский Губернский Санитарный Совет в г. Иваново и представил доклад на тему «Плѣс Ивановской области как детский курорт». Из письма к И. В. Сталину: *«Я поступил школьно-санитарным врачом г. Плѣса, пропагандировать свою идею, писал статьи в газетах, делал доклады. Во время приезда в Плѣс Наркома Просвещения тов. Луначарского, я показывал ему чудные ландшафты и передал ему свой доклад. Плѣс понравился тов. Луначарскому. В 1921 г. состоялось постановление Ивановского Губисполкома переименовать Плѣс в «Плѣс – Детский Городок». Выселить всех бывших фабрикантов, торговцев и т. д. и передать все детскому городку. В Плѣсе основались детские дома типа колоний, дом ребенка. Но к великому сожалению, в 1922 году всё детское движение замирает. Все детские колонии закрываются, остается только дом ребенка»* [2].

Евгений Иванович переживает, что вместо детского городка, открывается санаторий для больных с открытыми формами туберкулеза и со скверной канализацией, загрязняющей Волгу, что на месте хорошей профтехшколы для ребят устроен дом инвалидов, часть домов, отданных детскому городку, продана мелким торговцам и огородникам, приехавшим в Плѣс из Ростова Ярославского, а часть домов продана на слом, шесть церквей превращены в склады, а собор – в руины. Из письма к Сталину: *«Я, как абориген Плѣса, давший идею – Плѣс – детский курорт, не могу мириться с таким строительством социализма и решил обратиться непосредственно к Вам, не найдете ли возможности познакомиться с моим докладом и дать указание кому следует, изменить политику антисанитарии, бескультурья, и вы-*

вести красивейший городок Плѣс на р. Волге из хаоса и безобразия, и устроить из него действительную здравницу для детей и молодежи!» [2].

После закрытия многих детских здравниц в Плѣсе и сокращения должности школьно-санитарного врача, Евгений Иванович весь свой накопленный опыт применил для поднятия здравоохранения в с. Яковлевское (г. Приволжск). Работая заведующим Яковлевской больницы, Евгений Иванович, сам делая операции, открыл хирургическое отделение, добился ремонта родильного отделения и амбулатории, выступал с научными докладами на им же организованных медицинских совещаниях врачей, представил трехлетний перспективный план о развитии здравоохранения в с. Яковлевское с устройством новой больницы. За время своей работы в больнице, Е. И. Лебедев расширил ее с 25 коек, двух врачей и амбулатории на 35 тыс. человек в год до 60 коек, семи врачей с амбулаторией на 100 тысяч больных.

При первой же возможности, в 1927 году Евгений Иванович вернулся в Плѣс и все свои силы и знания отдавал на восстановление теперь уже плѣсской больницы: открыл хирургическое отделение, зубо-врачебный и физио-кабинеты, провел крупный ремонт и электрификацию, отремонтировал водопровод и канализацию. В год конкурса больниц Евгений Иванович привлек всю колхозную общественность: Кренинским сельсоветом был выделен для больницы трудовень и Красный обоз на 27 подводах привез всего, что положено на трудовень с каждого колхозника, это помогло создать при больнице подсобное хозяйство. Е. И. Лебедев организовал ячейку РОККА (районное отделение красного креста) и курсы ГСО, выпустив до 1500 значкистов из слушателей с/техникума и медработников, заведовал Домом Ребенка и яслями, вел школьно-санитарное наблюдение за школами Плѣсского медучастка. В 1939 году, после написанного им письма к И. В. Сталину «Лимитное здравоохранение», Плѣсская больница получила на ремонт 25 000 рублей.

Посвятив себя врачебной деятельности Евгений Иванович, был не только хирургом от Бога и достойным представителем славного корпуса земских врачей, но, прежде всего, это был человек неравнодушный, безгранично любивший свой город и мечтавший сделать его образцовым курортом. В 30-е годы

Е. И. Лебедев написал статью «Плѣс как курорт местного значения!». Огромная боль за содеянное, за разрушенные детские здравницы, за искалеченные дома, за обвалившуюся с отбросами набережную, за заваленные горные ключи и обсыпающиеся горы, звучит в этой работе. Из статьи: «Для звания курорта по современной установке (основы курортологии) не обязательно иметь воды, грязи и т. д. В конце концов, многое можно устроить и искусственно-привозное. В Плесе необходимо теперь же не откладывая дела в долгий ящик, приложить к тому, что дала природа, то, что дает культура, наука» [3].

Многие предложения Е. И. актуальны и на сегодняшний день, так например:

«— Создать при секции здравоохранения фонд благоустройства, для чего ввести прописочный сбор в размере 2 рубля, с каждого отдыхающего в домах отдыха и в Санаториях в Плесе и окрестностях (по примеру всех курортов!);

— предложить устроить по консультации с художниками, садовниками парк из разных пород деревьев с аллеями, беседками, эстрадой для музыки, мостиками через овраги.

— командировать инженера для выяснения гидрологических условий ключей Нижней улицы (какие-то работы несколько лет велись в этом направлении...);

— устроить набережную с аллеей через весь Плѣс и укрепить обрубом, пока совсем не смыло.!

— электрифицировать весь Плѣс, а не только учреждения;

— устроить общественную баню (с душевой кабиной) и механической прачечной;

— снести все разрушающиеся деревянные дома и привести в порядок после них территории;

— устроить электро-водо-лечебницу;

— устроить образцовую местную больницу;

— засадить ряд улиц при содействии комсомола деревьями;

— насадить фруктовые сады и цветники;

— устроить стадион со всеми видами спорта;

— устроить купальни, лодочные, спасательную и рыболовецкую станции» [3].

30-е годы прошлого века и время сегодняшнее перекликаются.

Во время войны, работая ведущим хирургом госпиталя 3096, Евгений Иванович спасал жизни раненых бойцов, был приглашен консультантом — хирургом и организовал хирургическое дело в госпитале 4057 (Порошино), выпустил медсестер запаса в количестве 30 человек. За время работы в госпитале Е. И. Лебедев получил 10 благодарностей от руководства с записью в трудовой книжке, грамоту ВЦСПС, не раз о нем писали местные газеты.

Отдав 42 года врачебной деятельности, из которых — 25 лет родному краю, Евгений Иванович не отступил от своей мечты: «Нужно раз и навсегда признать, что Плѣс по своим природным качествам, по красоте местности, по здоровому климату должен быть действительно кузницей здоровья — курортом» [3].

Умер Евгений Иванович Лебедев в ноябре 1946 году от тяжелой болезни. Провожать его в последний путь, пришли все жители Плѣса.

Из архива Е. И. Лебедева

1. Краткая автобиография плѣсского врача-хирурга Е. И. Лебедева. 1946 год.

2. Письмо к И. В. Сталину. 1945 год.

3. Статья «Плѣс как курорт местного значения». 1930-е годы.

К. Г. Синявин

О РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКА ОСНОВАТЕЛЮ ГОРОДА ПЛЕСА – КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ ДМИТРИЕВИЧУ

В 2009 году Плещский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник обратился во Всероссийский художественно-научный реставрационный центр им. академика И. Э. Грабаря (ВХНРЦ) с просьбой отреставрировать памятник основателю города Плещ – великому князю Василию Дмитриевичу, выполненный скульптором С. С. Алешиным в начале 1900-х годов и установленный в 1910 году на Соборной горе у здания городской управы по случаю празднования 500-летия города.

Памятник представляет собою двухнатурный бюст, вырубленный из белого мрамора, воздвигнутый на высокий пьедестал (колонну) из темного гранита, окруженный металлической ажурной решеткой.

За долгие годы пребывания на открытом воздухе, мраморная поверхность памятника была сильно загрязнена и имела ряд изъянов и утрат. Помимо естественных повреждений (загрязнения, разрыхления и деструкции мрамора) из-за пагубного воздействия воды и прочих атмосферных влияний, в результате актов вандализма был утрачен нос бюста.

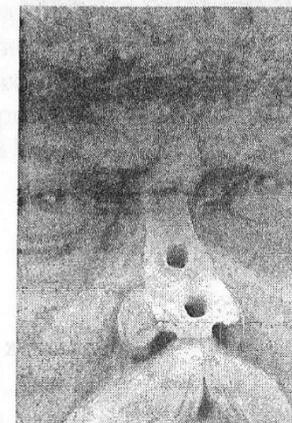
Учитывая состояние поверхности камня и то, что мраморная скульптура, находящаяся на открытом воздухе обречена на дальнейшее разрушение, Департаментом культуры и культурного наследия Ивановской области совместно с Плещским музеем-заповедником было принято решение заменить оригинальный бюст из мрамора на дубликат, выполненный из более стойкого материала, при этом подлинный памятник переместить в залы Плещского музея и экспонировать в закрытом помещении.

В ходе реставрации в ВХНРЦ была произведена комплексная очистка и укрепление поверхности мрамора. Были удалены ржавые пироны на месте установки носа скульптуры, которые оставались от предыдущих реставрационных работ.

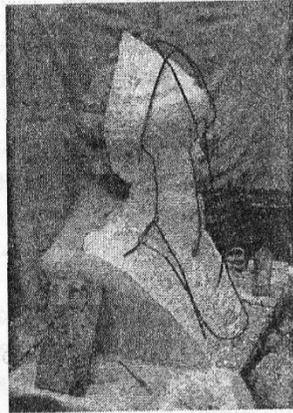
В связи с необходимостью изготовления дубликата памятника была изготовлена комбинированная эластичная форма с мраморного оригинала. В этой форме, с использованием нержавеющей арматуры, был изготовлен дубликат бюста из белого цемента.

Пока дубликат находился в процессе высушивания, на мраморном оригинале была изготовлена модель восполнения утраченного носа. По имеющимся в музее архивным фотографиям было выполнено восполнение утраченного носа: сначала была вылеплена модель утраты из светлого пластилина, а затем, по отлитой с модели формы, было изготовлено восполнение носа из имитирующего мрамор материала.

После просушки дубликат был затонирован и покрыт гидрофобизирующим составом, а на оригинале после монтажа восполнения носа были замастикованы образовавшиеся швы. Затем весь мраморный бюст был обработан защитно-консервативным покрытием.

Памятник в процессе реставрации

Памятник в процессе реставрации

Памятник после реставрации

иниции под руководством художника-реставратора Аркадия Антонына.

И вот уже более трех лет Соборную Гору города Плёс, как и прежде, украшает бюст основателя города – великого князя Василия Дмитриевича, отлитый из белого цемента, а подлинный отреставрированный мраморный оригинал, в целях дальнейшего сохранения и защиты от атмосферных воздействий, разместился в цокольном этаже недавно отреставрированного здания Присутственных мест в экспозиции «Древний Плес и Ивановская земля».

Все процессы по реставрации и по изготовлению дубликата были выполнены художниками-реставраторами ВХНРЦ – Дмитрием Котовым, Константином Синявиным и Татьяной Пименовой под руководством художника-реставратора высшей категории Аркадия Антонына.

И вот уже более трех лет Соборную Гору города Плёс, как и прежде, украшает бюст основателя города – великого князя Василия Дмитриевича, отлитый из белого цемента, а подлинный отреставрированный мраморный оригинал, в целях дальнейшего сохранения и защиты от атмосферных воздействий, разместился в цокольном этаже недавно отреставрированного здания Присутственных мест в экспозиции «Древний Плес и Ивановская земля».

О. В. Чурюканова

**О МЕСТЕ СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ
«ЭКИПАЖ. ДУГИНО» А. М. КОРИНА
ИЗ СОБРАНИЯ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

В собрании Плесского музея-заповедника хранится работа Алексея Михайловича Корина (1865–1923) «Экипаж. Дугино» (1911 г., х., м., 31 x 40, ж-527). Небольшая работа несколько раз участвовала в музейных выставках, но только сейчас вызвала пристальный интерес своим названием, в связи с изучением влияния усадебной жизни на творчество художников-пейзажистов. Целью данного исследования мы видим установление географического места написания и исторической справки о месте создания картины А. М. Корина «Экипаж. Дугино». Подобные исследования до настоящего времени не проводились. Подобные лакуны в изучении коллекции живописи Плесского музея-заповедника несомненно нуждаются в заполнении историческим материалом, что поможет сотрудникам музея в дальнейшей экспозиционно-выставочной и экскурсионной работе.

В ходе исследовательской работы нами были привлечены несколько групп источников: архивные документы, монографическая литература, каталоги выставок, эпистолярное наследие и др.

Итак, в приходе церкви Воскресения Христова с. Колычева находилась небольшая, ничем не примечательная д. Чурилково, в которой к концу XVII в. было всего 11 дворов. Деревня располагалась на левом берегу р. Пахры в окружении лесов, изрезанных покосными полянами и глубоким Дугинским оврагом. Земли, на которых расположены д. Чурилково и соседнее поселение Дугино, были освоены человеком давно – около тысячи лет назад, о чем свидетельствуют сохранившиеся курганы XI–XIII вв. В период древнерусского государства «на Дугинском овраге» был погост – это один из древних типов поселения на Руси. Историк

С. Б. Веселовский дает следующее объяснение погостам: «“Погост” происходит от слова “гость”». В древнерусском государстве и позже, в период образования централизованного государства, «гостем» называли приезжего издалека торгового человека. В древние времена торговля была в их руках и носила сезонный характер. Места, где в определенные времена года происходили торжища, назывались «погостами». Вероятнее всего, торги происходили в привычных местах, где обычно проводились народные сходки и языческие мольбища. С принятием и распространением христианства на погосте стали ставить церковь, и погост приобрел значение церковного прихода. Затем погост перешел в разряд «пустошей» (пустой, незаселенный, невозделанный участок земли). Как пустошь Дугино просуществовало до второй половины XIX в., т. к. ни в «Указателе Селений и жителей Уездов Московской губернии» Нистрема, ни в «Списках населенных мест по сведениям 1859 г.», ни в других официальных справочниках того времени мы не находим данного населенного пункта. И только в Справочной книге Московской губернии, составленной управляющим канцелярией Московского губернатора А. П. Шрамченко (М., 1890 г.) записано: «При пустоши Дугиной потом. поч. граждан Михаила, Николая и Андрея Васильевичей Мещериных». Дугино возродилось в начале 1870-х гг. благодаря московскому купцу 1-й гильдии Василию Ефремовичу Мещерину, владельцу Даниловской мануфактуры, комиссару Городской Казны.

Первоначально это была небольшая красильная фабрика по отделке и ручной набивке различных тканей и платков в Даниловской слободе в Москве. Важной вехой в жизни предприятия стал 1867 г., когда владельцем его стал В. Е. Мещерин, сыгравший заметную роль в его становлении и расширении. Уже через четыре года после приобретения на фабрике работало 400 станков. Мещерин из года в год расширял производство и к 1876 г. довел количество станков до 794, при числе работающих около 1250 человек. Здесь вырабатывались миткаль, бримантин, бумазья, бязь, кашемир, атлас, ватин, жаккардовые ткани, репс мебельный, ситец, платки и т. д. Готовый товар продавали в Москве на Мещеринском подворье и на ярмарках: Нижегородской, Ирбитской, Крестовской и пр. На начальном этапе предприятие

производило только ткани, а крашение, отделка и набивка производилась на предприятиях Иванова и Москвы. С целью расширения производства Василий Ефремович учреждает паевое «Товарищество Даниловской мануфактуры» с основным капиталом в 3 млн рублей, разделенных на 1000 паев по 3000 руб. каждый. Сюда вошла и принадлежащая ему ткацкая фабрика со всем движимым и недвижимым капиталом. Высочайший указ был утвержден 23 июля 1876 г., а действовать «Товарищество» начало с 1877 г. Правление Товарищества Даниловской мануфактуры размещалось на Ильинке, в доме Мещериных, директором-распорядителем стал Василий Ефремович, директором – А. М. Михайлов, управляющим конторой – Ф. А. Лемкуль [1].

Семья Мещериных в Москве проживала в Пятницкой части, в приходе церкви Черниговских Чудотворцев, в собственном доме. В начале 70-х гг. XIX в. глава семьи заключил договор с крестьянами Островской волости Подольского уезда об аренде земельного участка, где и начинает строительство загородной дачи. «Судя по фотографии 1900-х годов с изображением одного из фрагментов дома, – пишет известный искусствовед Т. П. Каждан, – можно догадываться об эклектичном убранстве его фасадов». Впрочем, достроить дом В. Е. Мещерину не удалось – в 1880 году он скоропостижно скончался в 47 лет. Усадьба в дальнейшем благоустраивалась под руководством его вдовы, Марии Яковлевны Мещериной, потомственной почетной гражданки и их старшего сына Николая, которому в то время было 16 лет. Он мало занимался делами отца, вопросы коммерции и производства его не привлекали, несмотря на то, что Н. В. Мещерин учился в Московской Практической академии коммерческих наук, основанной московским купечеством. Его привлекала живописная природа Подмосковья: светлые березовые леса, река Пахра, размеренная деревенская жизнь. Он подолгу жил в Дугине, которое «не променял бы на все чудеса света». Здесь начал заниматься живописью.

Усадьба Дугино, Подольского уезда Московской губернии, получила свое название из-за речной излучины-дуги на реке Пахре, густо поросшей ивняком, старыми ветлами и разнородным подлеском. «Пахра, утопающая в ивняке, спокойно несет свои воды меж лугов и крутых склонов, обильно поросших листвен-

ными породами деревьев, преимущественно березой», – так писал об этом местечке И. Э. Грабарь [2]. На возвышенном берегу Пахры была устроена полукруглая смотровая площадка «Кружок» с периметральной обсадкой березами. Усадьба представляла собой двухэтажный каменный дом, окруженный парком, который по пологому берегу спускался к реке. В состав имения входили разного рода хозяйственные постройки: конюшня, рига, амбар, сарай, теплица и прочее. В Памятной книге Московской губернии на 1900 г. значится, что за Мещериным Н. В. записано 74, 1/2 десятины земли, стоимость которой по оценке для взимания земельного сбора составляла 2384 руб.

Дугино служило своим хозяевам не столько доходным имением, сколько удобным и приятным загородным домом для отдыха и приема гостей. «Гощу я у одного приятеля художника Мещерина в имении. У него великолепная мастерская, живет здесь сам, с женой, а летом его братья, дети, родственники, словом человек 20 за столом – это норма, а бывает и 40», – писал И. Э. Грабарь из Дугина в августе 1906 г. А. А. Луговому, редактору популярного еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» [3]. В конце XIX – начале XX в. эта подмосковная усадьба стала играть заметное место в художественной жизни Москвы. Образованный человек, хлебосольный хозяин и человек огромного внутреннего богатства Н. В. Мещерин взял на себя роль покровителя искусств, благотворителя и коллекционера. Николай Васильевич сближается с художниками, приглашает их в усадьбу – погостить и поработать – из письма к И. С. Остроухову: «Быть может, вздумаете, Илья Семенович, заглянуть в Дугино. Будем очень рады. Вы как-то собирались даже погостить в Дугине. Пожалуйста, если вздумается. У нас сейчас и свободно и спокойно. И хорошо в это время года» [4].

Современники отмечали широту и душевную щедрость Николая Васильевича. По воспоминаниям Грабаря, в Дугино перebывали все московские художники. Гостю отводилась отдельная мастерская. Художники приезжали в Дугино запросто, часто и без уведомления – и всегда их здесь ждали и радушно встречали. Сам яркий живописец и тонкий пейзажист Н. В. Мещерин скромно оставался в тени своих именитых друзей-художников, предоставляя им для творчества все необходимое – кров, радуш-

ное гостеприимство, и даже подводы для поездок на пленэр. Творческими наставниками самого Николая Васильевича можно считать живописцев М. Х. Аладжалова, В. В. Переплетчикова, А. М. Корина, которые часто бывали и работали в Дугине. «Часто бывал у нас Мещерин, который брал уроки живописи у папы, — впоследствии вспоминала дочь А. М. Корина Наталья Алексеевна, — они также дружили и часто ездили к Мещерину в имение Дугино, где вместе писали этюды». А. М. Корин был видным художником Московской школы живописцев. Являясь разноплановым художником, он замечательно писал жанровые картины, делая к ним множество карандашных зарисовок, а сюжеты Алексей Михайлович брал из повседневной жизни русской деревни. Много работал в Дугино у Мещерина и М. Х. Аладжалов, его приятель и наставник: «Аладжалов уехал на этюды, когда стояли ещё 20-ти градусные морозы и с тех пор всё пишет...» М. Х. Аладжалов ученик А. К. Саврасова и И. М. Прянишникова преподавал в Строгановском училище. Художники ценили его «за чувство поэзии, за его ощущение природы...».

Художников привлекала симпатичная личность Николая Васильевича, его желание помочь. С. С. Голоушев, главный московский критик, писавший под псевдонимом Сергей Глаголь, сам художник и человек близкий к художественным кругам Москвы, заметил, что Мещерин был «близок сердцу художников». Художники гостевали у Мещериных как на даче, подолгу и с удовольствием, и это обстоятельство позволяет сравнивать, хотя и отдаленно, Мещеринское Дугино с Абрамцевым Мамонтовых, где царил сходная атмосфера. «Приют живописцев» окружали владения Бенкендорфов и Рейнбот (усадыбы Котляково и Горки), а также церковные земли с духовными центрами в селе Колычеве и Лукинском Крестовоздвиженском монастыре. Поразительная по красоте панорама местности, отмеченная вертикальными ориентирами колоколен и маковками церквей среди малахитовых хвойных лесов, бесконечно увлекала мастеров русского пейзажа. Художники, стараясь раскрыть нюансированные состояния природы и еле уловимые градации колористического видения, писали не лес, а поэзию леса; не луг, а поэзию луга в окрестностях Дугино. Впечатления от весенней природы в Дугино мастерски

передал И. И. Левитан на своем полотне «В начале марта», первоначально находившемся в собрании Н. В. Мещерина.

Свою жизнь с именем прочно связал другой крупный мастер живописи — И. Э. Грабарь. В 1913 году Грабарь сочетался браком с племянницей Николая Васильевича — Валентиной Михайловной Мещериной. С Грабарем Николай Васильевич познакомился на первой выставке Союза русских художников, проходившей в Москве с 22 декабря 1903 г. по 11 января 1904 г. После ее окончания Грабарь был приглашен в Дугино. «Пробыв неделю в Дугине, — вспоминал он позже, — я уже не слишком торопился с отъездом... когда я заводил об этом речь с Переплетчиковым, тот только махал руками и говорил, смеясь: — Бросьте: из Дугина так скоро не выбирают. И я действительно застрял» [5]. В имении все располагало к творчеству: природа средней русской полосы, леса, живописные долины реки Пахры, радушие и обаяние семьи Мещериных. «Вот я и в Дугине опять, — писал Грабарь брату Владимиру летом 1905 г., — но увя, — должен послезавтра же опять ехать, как это ни скучно, — в Петербург... В Питер я только на один день. Потом опять сюда...» [6]. И. Э. Грабарь привязался к Мещерину, которого скоро оценил как художника и искренне полюбил как человека [7]. Он прожил в Дугино 13 лет. Под влиянием Грабаря Мещерин стал на путь импрессионизма, сохранив при этом оригинальность. Работы Николая Васильевича Мещерина, пронизанные искренностью и лиризмом наполнили экспозиции и запасники ведущих музеев страны. В собрании Плесского музея-заповедника хранится живописное полотно Мещерина «Могила Майкова» (1906 г., к.м., 65 x 65, ж-412).

Владелец Дугино — Николай Васильевич Мещерин — не оставил коммерции и добился в этой области значительных успехов. С 1895 по 1897 гг. он был избран главой Московской Купеческой Управы [8].

После прокладки современного шоссе, трасса которого пролегла всего в пяти метрах от главного дома, он, разобщенный с хозяйственным комплексом, лишился не только служебных построек, из которых единственно уцелели теплицы, но и большей, красивейшей части своего паркового окружения. Время постройки усадебного дома документально не установлено: по одним источникам это 1890-й год, по другим — более ранняя дата. В 1900-е

годы усадьба выглядела очень уютно: увитая зеленью терраса, дорожки, клумбы. Постоянно горячий самовар на чайном столике, в хорошую погоду – на воздухе. В доме было две мастерские: одна – для хозяина, другая – для гостей-художников. Многие пейзажисты приезжали сюда порисовать с натуры: И. И. Левитан, И. Э. Грабарь, В. В. Переплетчиков, в том числе и Алексей Михайлович Корин, посетивший Дугино в 1911 г.

Хозяин Дугина, Николай Васильевич Мещерин, создал здесь рай для художников-пейзажистов. В их распоряжении была не только отдельная мастерская, но и извозчик с лошадей для поездок на этюды. Грабарь вспоминал: "Их обязанность заключалась в том, чтобы ездить «на этюды» в соседние Чурилково, или Шестово, или Колычево, Лукино, Куприяниху и Немчиниху. Сам Николай Васильевич до того привык к своему «Лепорелло», что без него ни шагу не мог ступить. Если этюд писался у самой калитки дома, Володя все равно должен был запрягать арбузовскую лошадь, ставить мольберт, открывать ящик с красками и присутствовать при писании этюда. В конце концов, он и сам соблазнился и начал писать этюды и делать копии. Они были не важны, но кучер Егор, уже не извозчик, а патентованный кучер, тоже соблазнившийся видимой легкостью писания масляными красками, достиг довольно неожиданных результатов, делая приличные копии и этюды с натуры». Этот замечательный экипаж и был изображен в маленьком этюде А. М. Корина «Экипаж. Дугино» [9].

Имение, по словам часто бывавшего здесь художника и историка искусств И. Э. Грабаря, «было невелико и не приносило никаких доходов, а, напротив, ... требовало постоянных вложений в садовую и огородную культуру, на содержание всех его обитателей и удовлетворение их прихотей». К концу жизни Н. В. Мещерин пытался навести порядок в своем хозяйстве, но не успел. Его жизнь оборвалась неожиданно. Купец, меценат и художник умер в возрасте 52 лет и был похоронен в Лукинской обители.

После революции замечательное прошлое усадьбы Дугино быстро забыли. Здание было надстроено третьим этажом и отделано в неоклассическом стиле. В настоящее время господский дом частично занят под жилье. Исторически (речь о послереволюционной истории) Дугино – дача секретаря ЦИК тов. Енукидзе, при котором и появились неоклассицистические пристройки. По-

сле того, как Енукидзе вышел из доверия, дача стала официальной загородной резиденцией железного наркома тов. Ежова. К началу 1970-х – дом отдыха УКГБ по Москве и области "Мещерино", использовался в основном для заездов на субботу-воскресенье.

В середине 1980-х, когда был издан каталог работ Мещерина, этот дом отдыха активно действовал. Когда именно он был закрыт, точно неизвестно – в конце 1990-х здание уже стояло пустым, а неподалеку процветал большой новый санаторий погранвойск.

Николай Васильевич Мещерин увлекся в 1880-х годах художественной фотографией. Благодаря этому мы можем ныне оценить великолепия Дугинских пейзажей того времени. К сожалению, сейчас мало что осталось от этих красот – ближнее Подмосковье нещадно застраивается.

Усадьба – это летний приют мастеров кисти, место создания выдающихся шедевров мирового искусства и множества незначительных картин и этюдов. Многие усадьбы превращались из дачного места обитания зажиточных горожан в творческие дачи людей от искусства. Поэтому изучение данного вопроса видится нам и актуальным, и своевременным. К сожалению, культура усадебной жизни за прошедшие годы была утрачена, и перед современными владельцами загородных домов, усадеб, имений стоит задача ее скорейшего возрождения.

Литература

1. Наумова Г. А. Деревня Чурилково и усадьба Дугино. Из книги «Прогулки в окрестностях Горок». М., 2006.
2. Грабарь И. Э. Моя жизнь : автобиография. М. ; Л., 1937. С. 197–212.
3. Из письма Грабаря А. А. Луговому от 5 августа 1906 г. // И. Э. Грабарь. Письма. Т. 1. 1981–1917. М., 1973. С. 185.
4. Николай Васильевич Мещерин. 1864–1916 : сборник материалов и каталог выставки произведений. М., 1987.
5. Грабарь И. Э. Указ. соч. М. ; Л., 1937.
6. Грабарь И. Э. Письма. 1891–1917. М., 1974.
7. Грабарь И. Э. Письма. 1891–1917. М., 1974.
8. ЦИАМ. ф. 3, оп. 4, д. 1704 ; ф. 16, оп. 192; д. 275.
9. Коллекция Плесского музея-заповедника. Ж-527.

А. Б. Дьяков, В. Ю. Халтурин

ПЛЕС КАК РЕАЛИЯ КИТЕЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

С XIX века не ослабевает интерес к легендарному граду Китежу и озеру Светлояр. Таинственное озеро «чудес» в своих творениях воплощали В. Г. Короленко и Н. А. Римский-Корсаков, А. М. Васнецов и Н. К. Рерих, М. В. Нестеров и К. А. Коровин и многие другие.

Легенда о граде Китеже – одно из интересных явлений русской культуры. Впервые «таинственный град» упоминается в «Повести о сокровенном граде Китеже» (1715 г.). В. Л. Комарович, автор книги «Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд)», 1936 г. исследовал письменный текст легенды.

Отдел науки «Литературной газеты» в 1968–69 гг. организовал экспедиции для исследования легенды и исторических предпосылок её возникновения.

Выводы экспедиций.

1. Китежская легенда возникла очевидно в XVII веке, т. к. русское поселение вокруг Светлояра нельзя датировать ранее XVI в.

2. Символический плод традиционной русской культуры старообрядчества, впитавший в себя более ранние предания об иноземных нашествиях, легенды о затонувших городах, остатки древнего культа.

3. Материалом для создания книги послужила легенда о Китеже.

4. Конкретные исторические обстоятельства её возникновения именно на Светлояре можно окончательно выяснить лишь путём комплексных изысканий на более широкой территории.

Имеет ли легенда научное обоснование, реальную историческую основу? Рассмотрим новые направления поиска реалий этой легенды.

Напомним, что Малым Китежем называли в преданиях г. Городец, который еще называли «Радилов» (радение = старание, подвиг), основанный в XII веке на правом берегу Волги как русский форпост на землях мерян. Об этом напоминает древний вал города (крепость разрушена в 1408 году).

Форпост (передовая позиция) – не это ли разгадка этимологии слова «Китеж». Тем более что эта форма укрепилась после знаменитой оперы Римского-Корсакова и древней признана быть не может. Народ (по Комаровичу) произносил это слово «КитЕж» (ударение на последнюю гласную), КидИш, КитЕш, КидАш, КичИш (ЧИженец).

Некоторые исследователи считают эти слова не русского происхождения. Но – откроем словарь Даля: КИЧИЖНИК – прозвище молотящих кичигой. КИЧИГА – молотило, палица и шутивное – ГАРНИЗОННЫЙ ВОИН. Еще Комарович писал, что «за легендарным теперь названием МАЛЫЙ КИТЕЖ нельзя отрицать в прошлом топонимическое значение».

Учитывая особую военную функцию Городца в истории XII–XV веков, вполне реально, что крепость могла называться в просторечии – КИЧИЖ, т. е. город с большим числом гарнизонных солдат или кичиг.

Это обстоятельство позволяет по-новому посмотреть на роль, которую сыграла известная несбыточность озера Светлояр и его окружающего ландшафта, на возникновение и распространение Китежской легенды.

Озеро возникло на плоской равнине. Но если северный и северо-западный берега низкие, то южные склоны необычно для этих мест высокие и крутые. Восточный берег тоже богат по пластике и очень напоминает руинированный ландшафт. Здесь находятся три холма, типа курганов в которые по легенде скрылись от врагов храмы Большого Китежа.

Как и насколько место воздействует на сознание наблюдателя? Отражает ли ландшафт озера «присутствие в прошлом» человека? Отмечена ли его территория спецификой стиля жизни его «бывших обитателей»?

Признаками градостроительной формы является осмысленность – ясность, с которой узнаётся поселение. Узнаваемость места можно анализировать, используя тесты на узнаваемость.

Своеобразный тест на узнаваемость был сделан группой фольклористов, записавших 350 различных свидетельств в районе озера Светлояр. Основу, «ядро» этих рассказов составляло представление о невидимом граде, находившемся на дне озера и под окрестными холмами. Смысл легенды и показатель её «живучести», как отметили исследователи, состоят в том, что город мыслится как существующий. Устные рассказы и свидетельства носят характер «исторической справки». В сознании рассказчиков свидетельства подкрепляют скорее идею исторической достопримечательности места, что ставит их в один ряд с историческими преданиями.

Пейзаж озера – разнообразный. Всё воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанному с ним цепочками событий, к памяти о прошлом опыте.

Место озера Светлояр – грандиозный системный «объект», где время остановилось (город разрушен и акту разрушения придан характер торжественного ритуала). Образ хорошо читаем, т.е. достаточно ясен. Ландшафт здесь выступает как своеобразный код, которым фиксируется «образ времени», времени крепости Городец XII–XV вв.

Как известно осмысленность можно существенным образом повысить за счёт повышения способности людей воспринимать и постигать окружение.

Почему множество людей, посетивших Светлояр, не могут увидеть «Китеж», а следы их равнодушия (мусор) или разочарования (следы «чёрных археологов») мы видим на берегах озера?

Желания немного могут сказать о результате, если у людей не было опыта переживания реального соответствия месту. Знакомство с очеловеченным ландшафтом русских крепостей XII–XV веков, анализ прототипа – мощное средство постижения сложности происходящего на берегах Светлояра. Характер соответствия зависит от типа деятельности и типа культуры.

Закроем ли мы тему Китежа выводом, что Светлояр – создание природы? Да это, несомненно, – чудо, созданное самой природой, своеобразный романтический стереотип реальных русских крепостей XII–XV веков. Но есть ли в Китежской легенде что-то реальное, можно ли доказать правдоподобность слов легенды?

Постараемся найти эти реалии. Но прежде, необходимо расширение географии поиска. Ведь аналогичные легенды об исчезнувших городах, монастырях, церквях приурочивают ко многим озёрам Поволжья, и в частности Ивановской области.

Газетные заметки «Уникальные озёра», «Обвал в деревне Глубоково» и другие рассказывают о легендах и реалиях карстовых озёр Шуйского, Савинского, Южского районов. Комарович В. Л. обращал внимание на Китежские мотивы в легендах о городах Кинешме и Юрьевце.

Перспективным направлением может стать исследование города Плёс – как возможной реалии «Китежской легенды».

В пользу данного предположения свидетельствуют следующие факты.

1. Крепость Плёс основанная великим московским князем Василием I, на протяжении XV века выполняла две важнейшие функции. Она являлась мощным инструментом централизаторской политики московских князей в борьбе за ликвидацию самостоятельности приволжских княжеств. Также – это был важный форпост русского (Московского) проникновения в богатые земли Заволжья.

2. Исследования, проведённые на базе Плёсского музея-заповедника, показали, что крепость представляла собой сложную таможенно-оборонительную систему. Одним из главных её элементов была подводная каменная гряда (крепость), которая позволяла Москве эффективно контролировать Волжский путь в военном и торговом отношении (Напомним, что легенда говорит, что Большой Китеж был сооружён из камня).

3. Известно, что крепость Плёс была местом дислокации войск во время подготовки военных походов московских князей, имела значительный гарнизон, гарнизонных солдат (кичиг, кичижников). Крепость могла в просторечии называться Китеж.

4. Китежский летописец указывает, что после сооружения Большого Китежа великий князь Георгий Всеволодович «повеле перемерить поприщи» между двумя городами-крепостями. «Поприщ оказалось ровно сто» или 147 км. Это гораздо меньше пути от Городца до Светлояра, но точно соответствует расстоянию по Волге от Городца до Плёса.

5. Большой интерес, в рамках данного исследования, представляет анализ названий церквей и икон, упомянутых в легенде, и, прежде всего, дат и времени строительства, указанных китежским летописцем. «Начаша же град той каменный строить в лето 6673 1 мая в день памяти святого пророка Иеримея. И строится град три лета и построен 30 сентября 6676 года на память священномученика Георгия». Следовательно, град строился 41 месяц или 1249 дней. Интересно, что на 1250 день, т. е. на 1 октября по церковному календарю приходится праздник Покрова Божьей Матери (что корреспондируется с судьбой города укрывшегося от глаз врагов). Учитывая то, что «Тогда, – как писал В. О. Ключевский – мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т. е. идеи развивались не в логические сочетания, а в символические действия или предполагаемые факты...» закладка и окончание града не случайны, символичны, важны летописцу. Не будем анализировать упомянутых в легенде святых, важных в русском месяцеслове и широко отмечавшихся в русском строительном календаре. Укажем лишь, что закладка на Руси города всегда была приурочена к важнейшим православным праздникам (например, Петербург был основан 16 мая 1703 года на Троицу). А таким важнейшим праздником в нашем случае, «который попадает на 1 мая», может быть только Вознесение, что тоже связано с темой исчезающего града. Опираясь на даты церковных праздников, связанные с пасхальным кругом, можно установить, что Вознесение Христова крайне редко попадает на 1 мая (когда Пасха отмечается 23 марта). За весь период русской истории до 1713 года это происходило только восемь раз. В 1231, 1315, 1326, 1410, 1421, 1505, 1516 и 1600 годы. Соответственно, день окончания строительства Китежа (30 сентября) выпадает за тот же период на субботу шесть раз. В 1234, 1318, 1329, 1413, 1424 и 1508 года. В 1519 и 1603 годы 30 сентября – пятница (Пасха – 24.04). Не вдаваясь в подробный анализ, можно сделать вывод, что одной из возможных дат закладки Китежа является 1410 год, год основания Плёса.

6. Легенды о градостроительной деятельности Георгия Всеволодовича не ограничиваются Китежской легендой. В конце XIX века были записаны предания, где строительство крепости Юрьевец, также связывалось с именем князя Георгия (Юрия) Всеволодовича и отнесено к 1225 году (4). Обратим внимание,

что Пасха в 1225 г. попала на 30 марта, а празднование Вход Господень в Иерусалим – на 23 марта. Интересно, что Входиерусалимский храм Юрьевца только с XVII века стал собором, что указывает на связь легендарного 1225 года закладки города, с Китежской легендой, с реальным временем закладки крепости Плеса в 1410 году (Пасха, 23 марта).

7. Важным дополнением к пункту № 6 являются следующие факты. 23 мая 1661 года (в празднование Вознесения Христова), по указу царя Алексея Михайловича начали строить в Юрьевце «каменный город» – крепость на южной окраине города. Главные ворота в крепость назывались Вознесенские. Но эта огромная по площади (29 га) крепость в форме огромного квадрата (Нижегородский кремль – 27,5 га, Московский кремль 31 га, Плеса 4 га, Луха 0,5 га) осталась недостроенной. Возведённые со стороны Волги каменные башни и стены производили на современников грандиозное впечатление, но они ветшали и разбирались на хозяйственные нужды. В 1823 году были проданы с торгов последние каменные башни. Хотя крепости давно нет (кроме остатков земляных валов) в памяти жителей современного Юрьевца за этой местностью сохранилось название «Белый город». В ХУП веке Юрьевецкий уезд был очень велик и в его состав входил и Городец называемый в Китежской легенде «Малый Китеж».

Подводя итог, следует отметить, что данное исследование не претендует на «истину в последней инстанции», это – попытка открыть новые горизонты в изучении Китежской и Плесской проблемы. Попытка привлечь к этим темам новых исследователей, так как история Родины – это всегда интересно.

Литература

1. Град Китеж / сост. В. Н. Морохин. Горький, 1985.
2. Дьяков А. Б., Халтурин В. Ю. К вопросу о некоторых исторических реалиях Китежской легенды // Истоки Российской культуры : материалы Российской межвуз. науч. конф., 29.11.96 г. Ставрополь : СтГУ, 1997. Т. 2. С. 31–33.
3. Дьяков А. Б., Халтурин В. Ю. Плес как материал к изучению Китежской легенды // Ученые записки ИГАСА. Иваново, 1997. Вып. 5. С. 122–126.
4. Иваново-Вознесенская губерния. Иваново-Вознесенск, 1924. Т. 1. С. 215

С. В. Касаткина

ДВОРЯНЕ ЯКОВЛЕВЫ (ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ)

В нескольких километрах от Заволжска по дороге в Островское находится село Комарово. Сегодняшнее Комарово объединяет четыре бывшие деревни: Алешунино, Кривякино, Хвостово и, собственно, Комарово. От Воскресенской церкви села сохранились только стены, вокруг растут высокие деревья. Между тем, по сообщениям краеведа А. А. Григорова, село Комарово было центром одного из старейших поместий в округе¹. С давних времен владели селом дворяне Полозовы. Были они в родстве со многими известными фамилиями, среди которых Яковлевы, Ошанины, Ратьковы, Григоровы.

Местные жители помнили, что еще в 1960-е годы в Комарове было живо одноэтажное деревянное с мезонином здание, в котором в то время размещалась семилетняя школа. Это был бывший помещичий дом. Находился он рядом с храмом, имел два входа. На втором этаже, в мезонине были комнаты с большими окнами. Потом в здании был интернат, на втором этаже жили учителя. Со временем здание разобрали, но долго еще около этого места можно было увидеть ряд кустов акаций².

Сегодня в семье потомков Яковлевых – Варвары Александровны Яковлевой и Сергея Александровича Малышева сохранился семейный архив. Среди документов – интересные воспоминания Д. П. Яковлева. С их слов известно, что рукопись хранится в семье Яковлевых в Санкт-Петербурге, а машинописный текст размножен и передан многочисленным родственникам. Называются воспоминания «Фамильная записка о роде потомственных

© Касаткина С. В., 2014

¹ Бочков В., Григоров А. Вокруг Щелькова. Ярославль, 1972. С. 28–29.

² Скобелева В. В. Воспоминания. Записаны в 2010 г. В этой школе В. В. Скобелева работала с 1964 года.

дворян Яковлевых, записанных в 1 часть дворянской родословной книги по Костромской губернии». Время написания документа 1894–1903 годы. Воспоминания Дмитрия Павловича Яковлева позволяют не только уточнить историю семьи Яковлевых, но и почувствовать дух эпохи, понять атмосферу жизни дворянской семьи в XIX веке.

Сохранились в семье и Записки дочери Дмитрия Павловича Яковлева Ольги Дмитриевны (по мужу Борисович), а также Продолжение фамильной записки о роде потомственных дворян Яковлевых, которое составлено С. А. Малышевым и В. А. Яковлевой в марте 2007 года. Основываясь на этих воспоминаниях, как на дополнительных источниках, попытаемся рассказать о семье Яковлевых.

Остановимся на судьбе Дмитрия Павловича, автора воспоминаний. Он был шестым и последним ребенком в семье. Он родился 10 марта 1831 года в сельце Котцыне Шуйского уезда в имении деда Дмитрия Александровича Ошанина. Он же был его восприемником. Дмитрия отдали на воспитание к жене дяди Анне Иоакимовне Яковлевой. Родственники эти жили тогда в усадьбе Панброво (современный Островский район Костромской области). Как писал Дмитрий Павлович в воспоминаниях: «Здесь, под непосредственным наблюдением моей второй матери Анны Иоакимовны Ратьковой – любившей меня как родного сына, я провел лучшие младенческие годы. Здесь я выучился читать и писать. По достижении почти 7-летнего возраста мать моя взяла меня с целью поместить в казенное заведение. Я никогда не забуду того ужасного горя при разлуке с Панбровым и любимой мною Анною Иоакимовною. В новой, хотя и родной семье, я не нашел того ухода и внимания, которыми избалован был ранее»¹.

Недостаток материальных средств и болезни не позволили Дмитрию учиться в казенном заведении. До 16 лет он воспитывался дома в Комарове, «обучаясь у разных лиц всему понемногу». Как вспоминал Дмитрий Павлович «остаться неучем, то есть «неудачником» или «из дворян недорослем» – мысль эта постоянно и сильно меня сокрушала. Еще два года он занимался само-

¹ Там же. С. 23.

образованием под руководством старшего брата, изучал русскую литературу и русскую историю. В 18 лет с купленным за 50 рублей дипломом Уездного училища, он устроился на службу в Кинешемский уездный суд писцом. Через год он поступил на службу в Министерство Государственных имуществ канцелярским чиновником. По службе он всегда аттестовался «усердным и способным» и вскоре занял должность Старшего помощника контролера. Подняться выше не позволял образовательный ценз.

В Петербурге среди прочих знакомых он сошелся с А. Н. Куломзиным – потом Управляющим делами Комитета Министров. Они были земляками. Куломзины жили в усадьбе Корнилово, недалеко от Комарова.

К 1895 году, времени ухода в отставку, вся государственная служба и служба по выборам Д. П. Яковлева насчитывала 40 лет, из которых 10 лет он был Управляющим Иваново-Вознесенского и Костромского Отделениями Государственного Банка. Он дослужился до чина Статского Советника и был отмечен орденом св. Станислава 2 степени.

В 1855–1857 годах, бывая в семье инженер-подполковника Ю. Е. Крепиш, он встретил его 10-летнюю дочь Елену и через пять лет женился на ней. Она закончила Николаевский сиротский институт в 1862 году с университетским дипломом. Осенью этого года состоялась свадьба. Ей было 17 лет. Венчание проходило в Петербурге в церкви Константиновского артиллерийского училища. Как вспоминал Д. П. Яковлев: «Наша женатая жизнь была для нас длинным рядом спокойных и счастливейших годов жизни. Елена Юльевна была не только для меня неизменным другом и женой, но и в высокой степени любящей и пекущейся о детях матерью»¹. Позже их дочь Ольга сообщала: «Жили они хорошо, дружно. Отец был старше ее на 11 лет, и она знала его с детства, когда он в Петербурге еще посещал ее отца Юлия Егоровича Крепиш, и продолжала называть его по имени-отчеству, а он всегда называл ее «Леночка». Они обожали друг друга. Отец ее очень берег и дети не должны были ее беспокоить, т. е. докучать просьбами и жалобами, когда они бывали дома, но сыновья во-

¹ Там же. С. 26–29.

обще мало жили дома, т. к. уезжали учиться в закрытые учебные заведения. ... Надо сознаться, что у Дмитрия Павловича и Елены Юльевны так и не получилось крепкой, дружной семьи, какой, наверно им хотелось.

Отец был убежденным монархистом, выписывал только «Гражданин» князя Мещерского под лозунгом: «Вера, Царь и Отечество», других газет не читал. В общем, в мое время был такой семейный уклад, что никакого взаимопонимания, доверия у детей к родителям не было, а также у детей между собой. В следующем поколении, в семьях моих братьев, все очень изменилось, их дети общались с родителями, между собой жили дружно, старшие понимали младших, а те их не боялись»¹.

В 1864 году Яковлевы переехали из Петербурга в Комарово, жизнь в столице была дорога, средств было недостаточно. Через три года Дмитрий Павлович получил место правителя канцелярии в Воронежской Казенной палате. Но жизнь в степном и сухом климате вредно влияла на здоровье жены, Яковлевы вернулись и стали жить в Кинешме.

В 1871 году Д. П. Яковлев был выбран председателем Кинешемской земской управы. В Кинешме он выстроил каменный двухэтажный дом на Никольской улице, который сгорел вместе со всей Кинешмой во время пожара в 1890 году.

Д. П. Яковлев был известен как активный земский деятель. Он избирался гласным Кинешемского земства с 1871 по 1883 годы (выборы 1871, 1874, 1877, 1880 годов)², а также с 1892 по 1904 годы (выборы 1892, 1895, 1898, 1901 годов)³. Кроме этого он являлся председателем Кинешемской земской управы с 1871 по 1883 годы, а в 1898–1901 годах был губернским гласным⁴.

В 1877 году Кинешемское земское собрание постановило: «Выразить искреннюю благодарность председателю Управы

¹ Борисович О. Д. Записки. Из архива С. А. Малышева и В. А. Яковлевой. С. 10–11.

² Систематический свод Постановлений Кинешемского Земского Уездного Собрания (КЗУС) с 1865 по 1886 гг. С. 8–13.

³ Свод Постановлений Кинешемского Земского Уездного Собрания с 1887 по 1903 годы. Т. 1.

⁴ Там же.

Д. П. Яковлеву за точное и безукоризненно-честное исполнение желаний и стремлений собрания»¹. В 1882 году вновь собрание «единогласно изъявило свою глубокую благодарность председателю управы Д. П. Яковлеву за его весьма полезный и обстоятельный труд по собранию сведений об экономическом положении крестьян Кинешемского уезда»². В 1883 году председатель Кинешемского земского собрания Н. А. Рылеев отметил, что «деятельность бывшего председателя управы Д. П. Яковлева, начавшаяся в трудное для земства время такова, что должна быть увековечена и что лучшим для этого способом он считает постановку портрета Д. П. Яковлева в зале заседаний земства»³, где в течение 11 лет работал Д. П. Яковлев. Это заявление было поддержано гласными.

Дмитрий Павлович после смерти своих родных и двоюродных братьев стал владельцем нескольких усадеб и больших земельных владений. В его руках было более 5 тысяч десятин земли с несколькими усадьбами общей ценностью до 200 тысяч рублей. В числе этих усадеб, кроме Комарова, были Аннинское (современный Заволжский район), Панброво (современный Островский район Костромской области).

У Дмитрия Павловича и Елены Юльевны Яковлевых было 9 детей: Павел (1863 г. р.) умер в малолетстве⁴, Екатерина (1866–1920), Николай (1867 г. р.)⁵, Петр (1872–1932), Владимир (1874–1929), Александр (1878–1950), Анна (1880–1963), Ольга (1885–1977), Василий (1882–1938)⁶.

Д. П. Яковлев умер 6 марта 1909 года 78 лет⁷, его жена Елена Юльевна скончалась 26 марта 1911 года в возрасте 65 лет. Оба они были похоронены в Комарове.

¹ Систематический свод Постановлений Кинешемского Земского Уездного Собрания с 1865 по 1886 гг. С. 111.

² Там же. С. 112.

³ Там же.

⁴ ГАИО. Ф. 1155. Оп. 4, ед. хр. 46. Л. 50 об.–51. Метрическая книга Воскресенской церкви села Комарова. 1860–1871.

⁵ Там же. Л. 102 об.–103.

⁶ Григоров А. А. Род Яковлевых // Письмо А. А. Григорова Степановым от 28 сентября 1977 года. Л. 2.

⁷ ГАИО. Ф. 1155, Оп. 4, ед. хр. 51. Л. 131 об.–132.

Теперь обратимся к биографии Александра Дмитриевича Яковлева. Как сообщает С. А. Малышев: «Александр Дмитриевич Яковлев (мой дед) родился 10 января 1878 года. В 10-ти летнем возрасте его приняли в кадеты 1 класса 2 Московского кадетского корпуса, который он успешно закончил в 1895 году в возрасте 17 лет.

После окончания кадетского корпуса Александр Дмитриевич переехал из Москвы в Петербург и поступил в Константиновское (ныне – Артиллерийское) училище. Училище Александр Дмитриевич в возрасте 20 лет окончил 29 марта 1898 года и остался в Петербурге на военной службе.

В начале 1901 года Александр Дмитриевич женился на Анне Сергеевне Борисович. Венчание проходило в церкви Константиновского (Артиллерийского) училища. Таинство благословления было произведено с помощью Образа Казанской Божией Матери тетушкой и крестной мамой Верой Павловной Яковлевой 2 января 1901 года. Следует отметить, что в этой же церкви 22 октября 1862 года венчался и отец Александра Дмитриевича – Дмитрий Павлович Яковлев¹.

Жили Александр Дмитриевич и Анна Сергеевна в Петербурге в шикарной квартире на Суворовском проспекте. Однако, это была съемная квартира и все жалование уходило на нее.

Летом семья приезжала в Комарово. Там царил очень спокойная и сытая жизнь. На скотном дворе было 5–6 коров и около 10 лошадей (Зорька, Мушка, Коммунист, Банкир и др.). Стояла маслобойка и излишки масла с клеймом «Комарово» отправляли на продажу в Кинешму. К особо торжественным случаям готовились заранее. Самых аппетитных индюшек сажали в корзины и подвешивали к потолку (чтобы они не бегали), и кормили только галушками. Огорока коптил лично Александр Дмитриевич. При усадьбе находились каретный двор, амбар, за домом – сад и огород, рядом – пруд, по краям которого росли березы с белыми грибами, пасека. В доме находилась медогонка – здоровенная металлическая бочка с рукояткой. К центральному стержню кре-

¹ Малышев С. А., Яковлева В. А. Продолжение фамильной записки о роде потомственных дворян Яковлевых. Март, 2007 г.

пились соты, как лепестки ромашки, крутили ручку, мед попадал на боковые стенки и стекал вниз. Мед не продавали, но его было в достатке. На крыльце дома висел колокольчик, с помощью которого всех созывали на обед.

Сразу после революции Александра Дмитриевича призвали на действительную военную службу и направили в Сормово на военный завод по производству снарядов. Возможно, он проявил и собственную инициативу. Все понимали, что дворянин и помещик – прекрасная мишень для любых репрессий. Знания, полученные во время обучения в Артиллерийском училище, не пропали даром, тем более, что обучение шло с углубленным изучением химии. Александр Дмитриевич сразу стал ценным специалистом. Анна Сергеевна осталась в Комарове с детьми и на хозяйстве.

Шло время, Александр Дмитриевич перевелся на работу на Анилзавод (современный Заволжск) начальником цеха по производству анилина (чрезвычайно вредного вещества). Добираться до Комарова (5–7 км) стало гораздо проще. В этом цехе работало много крестьян из Комарова, которые Александра Дмитриевича неизменно звали «барин». «Барину» выделили комнату в «Доме-блоке». Так было гораздо удобнее и жить и работать, тем более, что все выходные Александр Дмитриевич проводил с семьей в Комарове.

В 1930 году умирает его жена Анна Сергеевна. Похороны состоялись на деревенском кладбище в Комарове.

Вскоре на Анилзаводе ему вместо комнаты дают квартиру. Одноэтажный дом поделен пополам на две семьи. У каждой – холодные сени, чулан, уборная, большая прихожая, кухня, большая комната, кабинет и маленькая комната. Перед входом – огород около 4 соток, рядом стадион. Правда, нет воды. Это минут 7 пешком до проходной Анилзавода.

Наступил 1937 год. Александр Дмитриевич каждый день ходит на работу с тюремным набором на случай ареста. Набор в конце концов пригодился, арест состоялся. Вот здесь Александру Дмитриевичу сказочно повезло. Его дело не отправили в Иваново, а стали рассматривать в Кинешме. Следствие шло 9 месяцев. Яковлевы наняли адвоката из Москвы Леонгарда. И вот суд. Су-

дья признал подсудимых невиновными, а заодно выявил нескольких людей, которые совершили доносы.

К началу войны Яковлевы жили в Кинешме на Советской улице, дом 41.

Здесь находились Александр Дмитриевич, сестры Вера Александровна, работала в аптеке, Надежда Александровна, устроилась в школе, Анна Александровна и жильцы. Во время войны у Александра Дмитриевича была одна забота – накормить многочисленную семью. Подшить валенки, покрасить сукно, помочь в ремонте тракторов и другой техники в Комарове – это была его работа. Зимой несколько раз возили в город Кадый какие-то вещи для обмена на продукты. Это груженные сани, в которые впрягались или Варвара, или Надежда и, разумеется, Александр Дмитриевич. А до города – 55 км. Несколько раз Александр Дмитриевич торговал сеном. Ездил на лошади за 30 км в Панброво, там жила в простой избе Анастасия Александровна (жена Василия Дмитриевича Яковлева), привозил воз сена и продавал его в Кинешме. Немного торговали молоком от своей коровы, детям хватало, а взрослые экономили. Пахать попробовали на корове Симке, но сократились надои молока. Пришлось отказаться...¹

В 1950 году Александра Дмитриевича не стало – сказалась вредная работа на Анилзаводе. Он похоронен в Комарове рядом со своей супругой.

Такова далеко неполная история семьи дворян Яковлевых, связанная не только с нашим краем, но и с историей нашей страны. Она отражает целую эпоху жизни нашей страны, связанную с переломными моментами ее истории.

¹ Там же.

К. Е. Балдин

**ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(На примере города Иваново-Вознесенска)**

Одной из тем, которая привлекает в настоящее время все большее внимание российских исследователей дореволюционного периода, является история неполитических общественных организаций, т. е. формирования гражданского общества в имперской России. Для современных историков гражданского общества интересны любые проявления общественной инициативы, которые возникали в России в конце XIX – начале XX в., даже если это была деятельность развлекательных организаций, не ставившие перед собой важных с современной точки зрения общественно полезных целей. Значимость даже таких проявлений объясняется тем, что элементы самоорганизации общества в этот период были в российской провинции довольно немногочисленны и не охватывали широкого круга действующих лиц. Очень важно определить те социальные слои, которые выступали строителями элементов гражданского общества.

На рубеже XIX и XX столетий в общественных организациях присутствовали различные слаты населения – предприниматели, интеллигенция, служащие торгово-промышленных заведений.

Особенностью такого крупного промышленного центра как Иваново-Вознесенск являлось участие в них крупных местных предпринимателей. Так как город являлся, прежде всего, индустриальным, а не торговым центром, то большую роль в обществах играли местные текстильные фабриканты, а не представители торгового капитала. Абсолютное большинство их выступало в качестве жертвователей, без их присутствия и денежных дотаций обходились очень немногие организации.

Вместе с тем, степень финансового участия разных предпринимателей в общественных организациях была различной. Например, Гарелины, Бурылины, Гандурины, Полушины, Зубковы присутствовали далеко не в одной организации города, и их членство было далеко не формальным. Несколько менее активны были Витовы и Дербеневы. Что касается последней фамилии, то исключением был, пожалуй, П. Н. Дербенев. Но его участие в ряде общественных структур объяснялось тем, что он входил в них так сказать «по должности», в качестве городского головы Иваново-Вознесенска. Среди других фабрикантов мало участвовали в общественных организациях фабриканты Фокины. Но такой «абсентеизм» не означал того, что они вовсе не занимались общественной деятельностью. Напротив, они были щедрыми жертвователями, но поддерживали своими деньгами не общественные организации, а десятки храмов во Владимирской губернии¹. Не отличались большой общественной активностью Маракушевы, нам известно только одно (но довольно крупное) их пожертвование: они дали 11 тыс. р. на строительство пульмонологического санатория местного отделения лиги для борьбы с туберкулезом².

Всех предпринимателей – участников общественных организаций можно разделить на две неравные группы. Большая часть из них отделялась щедрыми или не очень щедрыми пожертвованиями. К числу их принадлежали представители высшей элиты – наиболее богатые хозяева текстильных фабрик – А. И. Гарелин, Н. Н. Зубков, М. Н. Гарелин, С. Н. Полушин, Н. Г. и Н. Х. Бурылины и др. Такая их отстраненность от активной общественной жизни наверняка объяснялась их большой занятостью торгово-промышленными делами.

Совершенно особняком среди предпринимателей Иваново-Вознесенска стоял Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Он являлся членом многих общественных организаций, особенно щедро спонсировал отдел лиги для борьбы с туберкулезом и кружок любителей искусств. Однако он также не принимал активного участия в хлопотах, связанных с повседневной деятельностью общественных структур. Это выглядит несколько необычным с учетом его ярко выраженной активной общественной позиции. Прежде всего, она выражалась в том, что Бурылин на протяжении всей своей жизни

собирал уникальную коллекцию редкостей и древностей, затем выстроил для ее экспозиции музей. Такого рода дела отнимали у него массу времени, которого не хватало на личную работу в общественных организациях.

В то же время, члены семьи этого замечательного человека активно участвовали в самых разнообразных общественных начинаниях. Супруга Д. Г. Бурылина – Анна Александровна была одним из главных организаторов ежегодно проводившихся «Дней белой ромашки», в ходе которых осуществлялся сбор средств на борьбу с чахоткой через отдел лиги для борьбы с туберкулезом. Дочери Д. Г. Бурылина – Ксения и Милица участвовали в этих мероприятиях в качестве рядовых сборщиков, ходивших по улицам с кружками для пожертвований³. Таким образом, общественная деятельность членов семьи Бурылина в значительной степени компенсировала то, что сам он не принимал в ней участия своими личными трудами.

Вторая, меньшая по численности группа предпринимателей, лично участвовала в общественной жизни, жертвуя на нее только свои средства, но и свое время. Например, в Иваново-Вознесенске, как и во многих других городах, у благотворительности было ярко выраженное женское лицо.

Среди других дам-благотворительниц города масштабами общественно-полезной деятельности особенно выделялась Мария Александровна Гарелина – жена одного из наиболее богатых текстильных фабрикантов. Она на протяжении более чем десяти лет возглавляла вплоть до 1917 г. местное благотворительное общество. Гарелина не только вкладывала в филантропические проекты значительные средства, но и реально руководила этой организацией, занималась устройством бесплатных детских яслей, богадельни, бесплатной столовой для бедных, приюта для сирот и других учреждений этого общества.

Так же, как и в семье Д. Г. Бурылина, у Гарелиных к участию в благотворительных акциях родители подключали младшее поколение. В списке жертвователей на устройство детских яслей значится не только М. А. Гарелина, но и ее дети-подростки Саша и Анна, первый из них дал на благое дело 10 р., вторая – 8 р., что наверняка в немалой степени облегчило их детские копилки⁴.

В дальнейшем Александр Гарелин принимал самое активное участие в общественной жизни города. Он с самого начала деятельности отделения лиги для борьбы с туберкулезом возглавлял эту общественную структуру, сделал много для организации амбулаторной помощи чахоточным больным. С 1913 г. он руководил иваново-вознесенским обществом охоты. Супруга А. А. Гарелина – Александра Кузьминична обучала грамоте детей, ходивших в ремесленные ясли благотворительного общества⁵.

Традиционно ключевую роль в общественной деятельности играли представители интеллигенции. Их вклад в деятельность общественных организаций заключалась не в денежных дотациях, а в организационной работе. Очень часто они являлись инициаторами создания общественных структур.

Одним из первых на этом поприще в Иваново-Вознесенске выступил Сергей Дмитриевич Смирнов – преподаватель местного училища для детей мастеровых и рабочих. Он был не только деятельным участником различных общественных организаций и учреждений, но и активным транслятором общественных инициатив. Будучи хорошим оратором, Смирнов очень часто выступал на различных публичных собраниях. Большинство обществ и учреждений, в которых он участвовал, были созданы на деньги фабрикантов, однако, промышленники не могли уделять им большого внимания не только из-за недостатка свободного времени, но и потому, что в конце XIX в. пока не имели ни опыта общественной деятельности, ни широкого кругозора. С. Д. Смирнов, приехавший из Москвы и получивший там хорошее образование, оказался настоящей находкой для местных предпринимателей, которые в 1870–80-х гг. иногда даже не знали, как приступить к тому или иному общественному делу⁶.

Промышленники приставили его и к заведованию общественной публичной библиотекой, выбрали секретарем местного отделения Русского технического общества, дали ряд других поручений. В одном из номеров сатирического журнала «Будильник» за 1884 г. появилась карикатура, на которой Смирнов изображен музыкантом, игравшим одновременно на нескольких инструментах. При этом, комментируя ситуацию в Иваново-Вознесенске, журнал замечал: «Местные дельцы рады»

радехоньки, что нашелся человек, готовый поработать за них мозгами»⁷.

Главной общественной должностью С. Д. Смирнова было секретарство в местном отделении Русского технического общества. В рамках его было организовано участие иваново-вознесенских текстильных фирм во всемирной выставке в Филадельфии (США), открыты для рабочих классы арифметики и черчения. По его инициативе начали издаваться «Записки» отделения РТО⁸.

Очень колоритной личностью в провинциальном сообществе являлся Владимир Григорьевич Барский. Он окончил Московское высшее техническое училище, работал в небольшой посреднической фирме. Деятельность его развертывалась в Общественном собрании, в этом клубе он являлся одним из старшин. Именно он устраивал спектакли и концерты на сцене клуба, благодаря своим широким связям приглашал в безудельный город столичных знаменитостей, в том числе артистов императорских театров⁹.

Губернская газета отмечала, что практически все бразды правления в другой общественной организации – литературно-музыкально-драматическом обществе, также находились в руках Барского. Он выступал здесь в качестве антрепренера, приглашал в местную труппу любителей, нанимал профессионалов, сам определял репертуар, довольно успешно сам играл характерные роли. Местные фабриканты были очень довольны, что в городе есть свой театр и что во главе его стоит столь энергичный человек. Во время юбилея Барского иваново-вознесенские предприниматели устроили ему пышное чествование, завалили его подарками, читали прочувствованные адреса¹⁰. Таким образом, В. Г. Барский представлял собой яркого представителя местной творческой интеллигенции. В то же время он участвовал и в других общественных структурах: исполнял обязанности секретаря благотворительного общества, входил в число активистов общества трезвости¹¹.

Попутно отметим, что в 1920-х гг. он сыграл роль капитана в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин».

Такое положение, когда один и тот же человек был вынужден разрываться между несколькими общественными организа-

циями, было довольно характерно для провинциальных городов, в которых прослойка интеллигенции была довольно узкой. Те люди, которые проявляли активность в общественной жизни, в дальнейшем привлекались в новые, и новые организации, оказывались не только загруженными, но и перегруженными общественной работой.

Кроме предпринимателей и интеллигенции третьим довольно важным компонентом общественности в Иваново-Вознесенске являлись фабричные служащие. Это была довольно многочисленная страта городского населения. На каждой фабрике работали приказчики, табельщики, конторщики, механики, бухгалтеры, колористы. Следует признать, что большинство из них все же не принимали участия в общественной жизни, проводя время за игрой в карты или в кабаках. Вместе с тем, среди фабричных служащих была своя прослойка общественников-активистов. Как правило, они принадлежали к высшей и средней группе этого социального слоя, имели не начальное, а среднее или профессиональное образование.

Типичен в этом отношении пример Владимира Сигизмундовича Плужанского, который являлся колористом Куваевской мануфактуры, имел среднее профессиональное образование, окончив школу колористов в Эльзасе. Он стал одним из активистов местного общества охоты, входил в правление этой организации, несколько лет занимал пост ее председателя. Во многом благодаря ему организация сумела арендовать в окрестностях Иваново-Вознесенска значительные площади охотничьих угодий, в обществе успешно работали несколько отраслевых комиссий. Под руководством Плужанского охотничье объединение стало проводить экологически осмысленную политику, оно занялось разведением зайцев, пыталось наладить охрану редких птиц¹².

Вторая организация, в которой В. С. Плужанский играл очень заметную роль – иваново-вознесенский отдел «Общества вспомоществования бедным семействам поляков», созданный в начале Первой мировой войны для помощи беженцам, попавшим в город из Польши. Плужанский был выбран председателем правления этой организации, функционерами ее стали другие представители местной польской общины – В. М. Глищинский,

В. Р. Келбасинский, В. Ю. Эборович, В. С. Червинский и др. В основном они работали колористами на текстильных предприятиях, т. е. принадлежали к высокооплачиваемой верхушке служащих¹³.

В общественной жизни Иваново-Вознесенска встречались не только положительные, но и отрицательные примеры общественной деятельности, свои «лжеактивисты». В частности, в общественных кругах был широко известен бухгалтер Покровской мануфактуры В. В. Попов. Он служил членом городской управы, был участником целого ряда обществ в Иваново-Вознесенске, но особенно часто его можно было видеть в клубе приказчиков, где он долгое время являлся старшиной, и несколько лет – старшиной-распорядителем. Местная либеральная газета поместила небольшой и язвительный фельетон о нем, в котором было сказано, что В. В. Попов «богат инициативой при отсутствии энергии». Действительно, этот человек буквально фонтанировал идеями, но очень редко доводил их до окончательной реализации. В вышеупомянутой газетной статье приводился характерный пример: В. В. Попов в клубе приказчиков выдвинул предложение – организовать в летнем саду, арендованном обществом, игры для публики и сам же по своей инициативе взялся устроить эти развлечения, однако, так и не сумел этого сделать. Автор фельетона замечал, что Попов – хороший карточный партнер при игре в вист, полезный для фабрикантов человек в городской управе, но поговорить с ним по делу очень сложно – он не часто бывает на работе, его легче застать в клубе или дома. В публикации содержится прозрачный намек на то, что такой активист на самом деле является тем, что в народе называют «пустым местом»¹⁴.

В настоящее время большинство историков пришло к единому мнению, что для формирования гражданского общества требуются два очень важных условия: во-первых, наличие среднего класса, который выступает строителем этой структуры и который в начале XX в. пока не сформировался в России и, во-вторых, существование правового государства, которое в России также не могло существовать в условиях абсолютной монархии.

Компонентами постепенно нарождавшегося, но не сформировавшегося среднего класса выступали в предреволюционный

период буржуазия и интеллигенция. Относительно Иваново-Вознесенска к ним целесообразно еще присоединить высших и средних фабричных, а также торговых служащих. Однако буржуазия, как и везде в России, отличалась здесь политической и общественной инертностью. Это, впрочем, не исключало того, что ее отдельные представители проявляли высокую активность на общественном поприще. Особенностью «Русского Манчестера» было то, что здесь в общественной жизни, в финансировании неполитических организаций главную роль играла не торговая буржуазия, как во многих других городах, а промышленники. Фабричные служащие в своей общественной активности были вынуждены не выходить за определенные негласные рамки, т. к. полностью зависели от своих работодателей-фабрикантов. Что касается интеллигенции, то она в индустриальном центре была очень немногочисленна и также, прямо или косвенно, зависела от местных предпринимателей. Следует констатировать, что реальной социальной основы для формирования среднего класса в России и, в частности, в Иваново-Вознесенске, в начале XX в. пока не было.

Таким образом, на примере такого крупного промышленного центра как Иваново-Вознесенск, можно с уверенностью утверждать, что здесь сложились лишь отдельные элементы гражданского общества, уровень зрелости которых соответствовал государственному политическому строю и социальной структуре российского общества. Если бы такой институт наличествовал в начале XX в., в России не произошли бы события 1905–1907 гг. и 1917 г., а если бы они и имели место, то произошли бы без всех сопутствовавших им эксцессов и крайностей. Впрочем, история не имеет сослагательного наклонения.

Литература

1. Владимирские губернские ведомости. Владимир. 1886. № 9; 1888. № 8; 1893. № 9; 1896. № 24; 1899. № 12; 1905. № 21.
2. Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел. Отчет за 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1914. С. 22.
3. Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел. Отчет за 1912 г. Иваново-Вознесенск, 1913. С. 8, 12.

4. Отчет благотворительного общества в Иваново-Вознесенске за 1902 г. Иваново-Вознесенск, 1903. С. 22.
5. Обзор деятельности благотворительного общества за 1910 г. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 8.
6. Сергей Дмитриевич Смирнов. Некролог / сост. И. Волков. Иваново-Вознесенск, 1910. С. 2-3, 6-7.
7. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 255. Оп. 1. Д. 41. Л. 406.
8. Сергей Дмитриевич Смирнов. Некролог. С. 4-5.
9. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1234. Л. 2.
10. Старый владимирец. Владимир. 1910. 28 окт.
11. Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 год. Иваново-Вознесенск, 1908. С. 4.
12. Отчеты Иваново-Вознесенского общества охоты, автономного Еллонинского района ИВОО, Кругловского отдела ИВОО за 1910/1911 операционный год. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 5, 7-8, 14-16.
13. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1454. Л. 2, 6, 69.
14. Старый владимирец. 1910. 8 сент.

П. А. Дьяков, Ю. В. Козлов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ИВАНОВСКИЙ КРАЙ

Многими историческими линиями связана судьба князя Александра Невского и его имя с нашим ивановским краем. Нынешняя территория области раньше входила в состав Владимиро-Суздальской земли, и князь неоднократно проезжал и останавливался в её пределах. Так, например, в 1258 году по дороге из Новгорода во Владимир он проезжал через Ростов. Дальше его дорога на Суздаль-Владимир напрямик лежала через земли современных Ильинского и Гаврилово-Посадского районов. 750 лет назад возвращаясь из Орды князь Александр заболел, и, доехав до Городца, чувствуя приближение кончины, поспешил принять схиму с именем Алексея. Представился Великий князь здесь в ночь на 14 (21) ноября (вторник) 1263 года, к началу Рождественского поста. Дальнейший, последний путь, скорбный путь тела великого труженика за землю русскую проходила по линии с. Пурех, д. Пестяки, с. Нижний Ландех, с. Мугреево-Никольское, с. Южа, с. Холуй – д. Изотино – д. Шапкино – с. Б. Всегодичи – с. Эдэмское – с. Боголюбово – Владимир.

Первое документальное свидетельство об этой дороге мы встречаем за 1220 год, когда Святослав брат великого владимирского князя Юрия возвращаясь после успешного похода на болгар, достиг Городца. Здесь он «выидя из лодей и поиде к граду Володимиру на конях». Великий князь встречал брата-победителя у Боголюбова [1, с. 43].

Как известно тело Александра Невского было встречено митрополитом Кириллом с духовенством, князьями, боярами и народом у Боголюбова; по словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий. Наконец тело великого князя было перевезено во Владимир и 23 (30) ноября (четверг) 1263 года было погребено

в соборной церкви Рождественского монастыря [1, с. 115]. Церковь причислила князя к лику святых. С того времени благоверного князя Александра Ярославича чтили в числе ангелохранителей Русской земли. Его знаменитые подвиги за веру и землю оставили славную память на Руси и сделали князя самым популярным историческим героем от Владимира Мономаха до Дмитрия Донского. Именно поэтому в год Куликовской битвы в 1380 году во Владимире были открыты мощи героя.

Память Александра Невского глубоко чтится в русском народе. Много храмов в честь князя стояло и стоит в городах и сёлах России. Самый большой храм страны – Исаакиевский собор – Воздвигнут в Петербурге в память небесного патрона города Александра и Петра Великого. Так как оба эти выдающиеся защитника Руси родились 30 мая, в день, когда церковь чтит память преподобного Исаакия Долмацкого, жившего в IV веке новой эры.

Понимая особое значение в истории России фигуры Александра, император Пётр Алексеевич повелел перенести мощи святого благоверного князя в Санкт-Петербург, в специально построенный монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского. 290 лет назад (воскресение) 11 (22) августа 1723 года. Владимиро-Суздальская земля простилась со святыней 460 лет покоившейся во Владимире. Предполагалось 30 августа в память заключённого в этот день славного Ништадского мира со шведами (1721 г.), торжественно внести святые мощи в Санкт-Петербург, в специально построенный монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского (Александро-Невскую лавру). Но из-за опоздания «шестивия» они были доставлены 1-го октября (на Покрова Б. Матери) в Шлиссельбург, где хранились до августа 1724 года. После пышных торжеств (30 августа 1724 года – воскресенье) Пётр I постановил праздновать память Александра Невского 30 августа, праздник также стал общенародным. Кроме того, церковь вспоминает Александра 23 ноября, в день погребения его во Владимире 750 лет назад.

Память князя увековечена и учреждением орденов Александра Невского: в петровские времена это было сделано в 1725 году, а в наши дни – в июле 1942 года. Именем защитника отечества были названы и воинские подразделения, громившие фашистов во время минувшей войны.

Благоверный князь является небесным покровителем города Иваново-Вознесенска. Как известно официальной датой образования города является 30 августа (четверг) 1873 года, когда страна 150 раз отмечала день памяти защитника земли русской. В этот торжественный день в присутствии главных лиц губернии после освящения Покровской церкви в городской соборный храм и службы в нём народу был объявлен Высочайший указ об учреждении города Иваново-Вознесенск [2, с. 54]. Основание города отметили благотворительным актом – открытием Александровского детского приюта. По случаю праздника во всех церквях неумолкаемо звонили колокола, а вечером в иллюминированном центре был устроен фейерверк (3, с. 10). Эти события сопровождалось переименованием главной улицы молодого города в улицу Александровскую (ныне проспект Ленина). Была сооружена и часовня во имя Александра Невского на пересечении улиц Садовой и Шереметьевской. Часовня (с 1882 г. церковь) была снесена в 1924 году.

В нашей области храмы во имя благоверного князя сохранились в Шуе, Кинешме, Родниках, Холуе, в других городах и сёлах. В любом храме можно увидеть образ покровителя земли Русской, например, на стенах Преображенского собора в Иванове – два образа святого Александра – поясной и в полный рост. Практически во всех семьях страны хранятся иконы с изображением князя или книги о нём. Недаром недавно по результатам всенародного референдума Александр Невский был назван самым выдающимся лицом во всей истории России.

В 1995 году, когда вся страна отмечала 50-летие Победы над фашистской Германией и 775-летие со дня рождения защитника Русской земли, князя Александра Невского, по инициативе Шереметев-центра на проспекте Энгельса (ныне Шереметевский) была возведена часовня во имя святого. Тип часовни – столбчатая, имеющая четыре мозаичных иконы. На двух иконах изображены покровители города Александр Невский и Богородица (называемая Казанской). Особый интерес представляет лик святой Татьяны, покровительницы студенчества, помещённый здесь в память молодых горожан, погибших за отечество. Святой Георгий, карающий Змея, завершает композиционный ряд образов.

Нынешние подготовка и юбилейное празднование памяти князя Александра Ярославича Невского, думается, усилит внимание к этой фигуре, этому сложному историческому периоду учёных и краеведов Владимиро-Суздальской земли.

В этой связи требует детального исследования история образования самого города Иваново-Вознесенска.

Известно две попытки решения вопроса о создании города. Кстати, по мнению известного ивановского историка-краеведа С. Ф. Логинова, будущий город должен был носить имя Александра Невского, то есть Александровск.

Ещё в 1845 году при поддержке Владимирского губернатора Данаурова местные «капиталистские» крестьяне хотели основать город в Вознесенской слободе, присоединив постепенно к ней близлежащие селения. Главной причиной, подтолкнувшей к этому шагу, была забота о совершенствовании производства, создании инфраструктуры текстильных слобод. Приписка в купеческие сословия оформлялась исключительно в городах, и поэтому местные предприниматели являлись купцами Москвы, Шуи, Нерехты, Плёса и естественно, крупные сборы и налоги оплачивались там. Кроме того, обилие предприятий, а, следовательно, и людей, работающих на них, создавало сложности в управлении (один становой пристав на 15 тысяч жителей только села Иванова). Такое положение не могло не вызывать беспокойства у губернатора. Несмотря на эти веские причины, ходатайство местных текстильных предпринимателей, поддержанное губернатором, было отклонено правительством в декабре 1845 года.

Через год начинается подготовительная работа по организации Иваново-Вознесенского посада, который был образован в 1853 году.

В 1859 году Дума Вознесенского посада начала переписку с графом Шереметевым о выкупе территории села Иванова и крепостных крестьян по законам того времени. Это было условием учреждения городской общины на месте помещичьего села и разрешения тут повседневной торговли. Владельцу за выкуп села было предложено 6 % доходов и 700 тысяч рублей за 2200 крепостных душ. Дело о выкупе села для соединения его с Вознесенским посадом тянулось с 21 июля 1859 по 2 августа 1861 года.

Граф требовал три миллиона серебром. Таким образом, вторая попытка образования города оказалась неудачной.

Вопрос о выкупе Иванова удалось решить только в 1869 году. В это время в селе существовало до 70 фабричных заведений, торговые обороты исчислялись несколькими миллионами рублей в год, и пошлины взимались, как со второклассного города. Ивановские крестьяне при получении свидетельств на право торговли платили повинность в доход Вознесенского посада, т. е. обременялись двойным налогом.

Это заставило сход крестьян-собственников села Иванова в сентябре 1869 года поставить вопрос о преобразовании села в город и присоединения к нему Вознесенского посада.

21 июля 1871 года император Александр II, повелел соединить село Иваново и Вознесенский посад в безуездный город с наименованием его «Иваново-Вознесенск».

5 ноября 1871 года было Его Высочайшее утверждение закона «О введении в действие Городового положения в городе Иваново-Вознесенске».

Городское самоуправление было учреждено 11 июля 1872 года.

В день памяти Александра Невского, 30 августа 1873 года в присутствии главных лиц губернии после освящения Покровской церкви в городской собор и службы в нём торжественно народу был объявлен высочайший указ об учреждении города Иваново-Вознесенска.

Службы полицейского управления и архитектуры появились в городе в 1874 году.

Литература

1. Толстой М. В. История русской церкви. Изд. Спасопреобр. Валаамского монастыря, 1991. С. 115.
2. Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – перв. пол. XIII в. // Историческая география России X – нач. XX в. : сб. статей. М., 1975. С. 31–45.
3. Дьяков П. А., Дьяков А. Б. Материалы к дискуссии о дате возникновения города Иванова // Борисовский сборник. Иваново, 2011. Вып. 2. С. 54.
4. Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново : ИД «Референт», 2011. С. 10.

Д. Л. Орлов

**К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СОБЫТИЙ
ПЕРИОДА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
В ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ИГИКМ ИМЕНИ Д. Г. БУРЫЛИНА**

Начиная с 2007 года музей, после некоторого перерыва, возобновил практику проведения краеведческих экспедиций по Ивановской области. Основной целью проведения экспедиций является сбор материалов по истории муниципальных районов области для их дальнейшего использования при создании краеведческой экспозиции по истории Ивановского края.

Одним из направлений полевых исследований стал поиск материалов, по истории периода Смутного времени на современной территории Ивановской области, а также фотофиксация памятных и мемориальных мест, так или иначе связанных с событиями и персоналиями данной исторической эпохи.

Тематика исследований Смутного времени затрагивалась в следующих краеведческих экспедициях музея:

1. Экспедиция в Пестяковский муниципальный район Ивановской области (сентябрь 2009 г.).
2. Экспедиция в Заволжский муниципальный район Ивановской области (май 2010 г.).
3. Экспедиция в Южский муниципальный район Ивановской области (июнь 2010 г.).
4. Экспедиция в Юрьевецкий муниципальный район Ивановской области (август 2012 г.).

В данном сообщении освещаются некоторые проблемы, выявившиеся в ходе практики полевых исследований краеведческих экспедиций и касающихся изучения периода Смутного времени в истории ивановского края.

1. При подготовке к экспедиции необходимо обязательное изучение архивных документов и литературы по данной проблематике.

Особенно важно соблюдение этого требования при ориентировании участников экспедиции на сбор вербальной информации, и, в частности, устных преданий.

Устные исторические предания, передаваемые из поколения в поколение, представляют интерес для исследователей вследствие того, что они имеют под собой определенную историческую основу.

Неответственное отношение к изучению литературы по данной проблематике может привести к искажению процесса получения необходимой вербальной информации, в этом случае будет происходить сбор «преданий» у источника, почерпнутых им из опубликованных современных источников.

Примером из практики музея может служить экспедиция в Южском районе в 2010 году. Здесь в ходе сбора вербальной информации по гатям – дорогам, проложенных местным населением и отрядами ополчения по южским болотам для скрытного продвижения отрядов ополчения удалось установить более современный источник «исторического предания». В данном случае это было издание протоирея Александра Соколова «Князья Пожарские и Нижегородское ополчение» (Нижний Новгород, Саранск, 2006 г.).

Во время работы в Южском районе экспедиция, пыталась обнаружить следы существования так называемой «балахонки» – дороги, по которой двигалось посольство из Нижнего Новгорода в Мугреево. Эта дорога пролегла параллельно дороге Мугреево – Ландех. Но во время проведения экспедиции её участникам не удалось обнаружить каких-либо следов данной дороги. Позднее удалось выяснить то, что ещё в конце XIX в. эта часть дороги была заброшена и представляла собой лишь небольшую тропу для пешеходов и проезда гужевого транспорта лишь в зимнее время. Остатки благоустройства дороги – фрагменты гатей и мостов ещё можно было обнаружить в XIX веке.

Экспедиция побывала в районе некогда существовавшей Сыпиной дороги, по которой, возможно, двигалось ополчение

Д. Пожарского. По одной из версий историков ополчение двигалось здесь через Легково на Большую Ламну. Для прохождения и была создана Сыпина дорога, соединившая Малую и Большую Ламну, сооруженная ополченцами для прохода через болото. Но следов Сыпиной дороги экспедиции обнаружить не удалось.

Следует констатировать факт того, что полевые исследования местностей, связанных с периодом Смутного времени, не столь результативны как работа с документальными источниками или археологические изыскания. Тем не менее, цифровая фотофиксация данных памятных исторических мест Ивановской области, выполненная в ходе полевых исследований может быть использована в экспозиционно-выставочной работе, издательских проектах.

2. Результативность работы с архивными документами.

Архивные документы – один из наиболее ценных источников в изучении периода Смутного периода. Здесь сложность заключается в наличии достаточного количества достоверных документов, имеющих территориальную «привязку» к Ивановской области.

При подготовке к экспедициям её участники изучали документы периода Смуты, опубликованные в Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (часть вторая) и изданные в Москве в 1819 году.

Некоторым «оправданием» недостаточного количества документальных источников по событиям эпохи Смутного времени на территории области служат некоторые похвальные грамоты царя Василия Иоанновича, данные «за храброе сопротивление при нападении зломышленников». Подобные грамоты, как правило, основывались на донесениях местных воевод – «...писали к нам из Ярославля воеводы наши Князь Сила Гагарин, да Никита Вышеславцев, да Евсей Резанов, что вы ... против врагов креста Христова вооружаетесь, и на них бесстыдно приходите, и на многих боях многих воров и Литовских людей побивали, а кому велит Бог за правду и за веру и смерть принять, и тот истинный му-

ченик будет...».¹ «...А от нас к ним именно не писано потому, что нам про них не ведамо, где они ныне»².

Как отмечает один из исследователей периода Смутного периода, А. Ю. Кабанов, на территории Ивановского края, разделившего со страной все бедствия в годы Смуты, проходили важнейшие исторические события, сыгравшие свою роль в преодолении этого сильнейшего социально-политического катаклизма. Но территория современной Ивановской области в период Смуты, не имея достаточно крупных городов, не была и отдельно территориально выделенной. Населенные пункты современной Ивановской области перечислялись в документах данного исторического периода, как правило, в числе «прочих». Похвальные грамоты направлялись «...Вологжанам, Белозерцам, Устюжанам, Каргопольцам, Соли Вычегодской, Тотмичам, Важанам, и Двинянам, Костромичам, Галичанам, Вятчанам и иных разных городов старостам и посадским людям, и всем ратным людям, которые ныне по нашей службе в походе с воеводами нашими...»³.

¹ Похвальная грамота (в списке) Царя Василия Иоанновича собравшимся у Ярославля разных городов войскам за благоуспешные военные их действие с поляками и за храброе сопротивление при нападении зломышленников на Ярославль, с увещанием и впредь побороть за Веру и Отечество общими силами, для искоренения неприятелей. 22 июня 1609 г. (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 368).

² Грамота (в списке) Царя Василия Иоанновича к Вологодскому воеводе Пушкину: о собрании на Вологде всякого звания людей и объявлении им Царского прощения в вине их, с обещанием жалования, льготы и беспошлинной торговли. 15 мая 1609 г. (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 364).

³ Похвальная грамота (в списке) Царя Василия Иоанновича Вологодским, Белозерским, Устюжским и прочих городов ратным людям, за верную и усердную службу, по продолжении оной для отобрания остальных городов, занятых еще неприятелем. (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 367).

«...с нами учинились единомысленно, и Заволжские, и Поморские и Замосковные города учинили с нами во едином же твердом совете...»¹.

3. Необходимость проведения археологических изысканий.

Археологические изыскания на местах событий, связанных со Смутным временем, наряду с документальными источниками являются важными источниками по изучению рассматриваемого исторического периода. Но, на сегодняшний момент практически все артефакты, так или иначе, связанные с рассматриваемым историческим периодом, и с которыми участникам экспедиции, доводилось знакомиться — это, как, правило, случайные находки местных жителей при проведении ими сельскохозяйственных или строительных работ.

Во время работы в Заволжском муниципальном районе экспедиция посетила и провела обследование нескольких местностей, связанных с событиями эпохи Смутного времени: окрестности деревень Тросниково, Вершинино, территория бывшего села Владычное (территория современного г. Заволжска), с. Колшево, м. Солдога. В ряде мест сохранились курганы — по одной из версий местных краеведов — это места воинских захоронений XVII века, сохранились оборонительные валы, но, тем не менее, подтверждение этой версии возможно лишь в результате археологических изысканий.

Проведение археологических изысканий, и в частности, археологических разведок мест, связанных со Смутным временем, к сожалению, сегодня не вызывают особого интереса со стороны археологических кругов области и властных структур, даже в год юбилейной даты.

¹ Окружная грамота (в списке) Военноначальника Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, от имени всех чинов, в великорусские города: о поручении ему Нижегородского ополчения, для избавления Москвы от поляков и для избрания Государя; о всенародном спешествовании благонамеренному его подвигу; о присылке к нему ратных людей, денег и выборных от всякого звания людей, для советования с ним, избирать ли на царство предлагаемого Новгородцами шведского королевича. Июнь 1612 г. (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 594–595).

Тем не менее, более пристальный интерес к памятным местам области, связанных со Смутным временем, проявляют так называемые «черные археологи». В практике экспедиций есть встречи с ними, известны и факты деятельности «черных археологов», производящих поиски артефактов с помощью металлоискателей. Так при нахождении подобными «поисковиками» фрагментов оружия (наконечников стрел, холодного оружия) имеющих сильную степень коррозии, но, тем не менее, способных указать места боестолкновений, те просто выбрасываются. Предметы, имеющие удовлетворительную степень сохранности выставляются на продажу. Предложения приобретения фрагментов оружия или предметов вооружения периода Смутного времени поступали и участникам экспедиций, но всегда — без обозначения «поисковиками» мест нахождения предметов.

Проблема незаконных археологических исследований оказывает серьезное влияние и на фактор установки памятных знаков, на месте сражений отрядов ополчения с интервентами и их пособниками. Неафиширование маршрутов прохождения отрядов народного ополчения, а особенно мест их стоянок, установленных местными историками и краеведами — рабочие эпизоды экспедиции. Установка памятных знаков на местах стоянок ополчения проблематична из-за опасности «прочесывания» местности «черными археологами».

Подтверждение наличия оборонительных сооружений и воинских захоронений начала XVII века на территории области возможно только в результате археологической разведки, требующей оперативного проведения, так как некоторые территории переданы сегодня в частную собственность и проведение на них археологических изысканий уже невозможно. Подтверждение же мест сражений, массовых захоронений воинов, участников ополчения способствовало бы установлению памятных знаков на местах связанных с героическим прошлым нашего народа.

Изучение периода Смутного времени должно проходить сегодня на различных уровнях: работа с документальными источниками, проведение археологических изысканий, полевых исследований. Подобный комплексный подход к изучению проблематики позволил бы получить действенный результат в восстановлении всей полноты картины событий этого исторического периода.

С. Б. Чернецова

**«БРЫНСКАЯ ЛЕСНИНА». ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
КУЛЬТА КАМНЯ ПОГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ
ИВАНОВСКОГО И КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

В «Списке русских городов дальних и ближних», составленном около 1396 г. в канцелярии митрополита всея Руси – Киприана, земли и города расположенные на территории Ростово-Суздальского княжества названы «*градами Залескими*». В качестве топографического репера обычно подразумевается легендарный «*брынский*» лес. По устоявшемуся в научной среде мнению, к нему относят территорию в пределах нынешних Брянской, Орловской, Калужской и Тульской областей. Термин «*брынский лес*» хорошо известен в исторической литературе, хотя этимология этого названия неясна. Так или иначе, это его название обычно связывают с обозначением дебри или лесной чащи.

Интересный факт, но это понятие имеет некоторое отношение и к Верхней Волге. Так у В. Н. Татищева читаем: «*Брынской лес великой во Брянском уезде к Ярославлю...*». Сочинение Митрополита Ростовского и Ярославского Дмитрия «*Розыск о раскольнической брынской вере*», написанное в 1708–1709 гг., ведет повествование о раскольниках, которые укрывались в здешних верхневолжских «*брынских лесах*»¹. Летом 1990 года, записывая этнографические материалы о «Медведь-камне» (с. Антоновское, Красносельский МО КО) мы обратили внимание на местное название «*брынская леснина*»². Одна из старейших жительниц села

© Чернецова С. Б., 2014

¹ Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их. Изд. 5. М.: Синодальная типография, 1855.

² Рогалева С. Б., Яблоков А. В. Медведь-камень у с. Антоновское на Волге // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. № 6.

пояснила, что – «*леснина* – это остатки некоего, большого в прошлом «*Брынского леса*»¹. В старину здесь так называли большой густой лес и земли расположенные в южных районах Костромской земли, идущих вдоль левого берега Волги. В конце XVIII – начале XIX в. лесистость Костромской губ. составляла 64 %. А в более ранние века запад, весь юг и правобережная сторона будущей Костромской губернии, были практически полностью покрыты дремучими, первобытными лесами². В настоящий момент об этом участке волжского берега сложно сказать, что он густо зарос деревьями, но здесь встречаются отдельные участки хвойного и смешанного леса. Именно эти островки, остатки стародавних зарослей местные жители и называют «*брынской лесниной*», «*лесниной*» или же просто «*брынами*». Как топоним, определяющий участок местности, покрытой лесом, термин «*брын*» встречался и другим исследователям этого края: "дойдешь до той *брыни*, повернешь на лево", "пересечешь первую *брын*, затем вторую и ..."³. В этих случаях речь шла о перелесках разделяющих поля или открытые пространства современного левого, т. е. костромского берега Волги. Но здесь топоним «*брын*» встречается также и по отношению к зарослям, растущих по склонам оврагов маленьких местных рек. Любопытно, что на правом берегу Волги – на территории современной Ивановской области это название не фиксируется.

Вопрос о формах почитания культовых камней на территории левого берега Волги, т. е. южной части Костромской области – специально не изучался. Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствуют современные исследовательские работы, описывающие сакральные камни и в других районах Костромской области, хотя и имеются некоторые сведения о значительном распространении топонимических названий «Синие камни» на

¹ Информатор – жительница с. Антоновское Орлова Надежда Ивановна, 1917 г. р. Запись разговора – лето 1990 года.

² Письмеров А. В. Разрушение и гибель таёжной биоты. [электронный ресурс]. URL: <http://kostromka.ru/kostroma/land/01/pismerov/24.php>

³ Данные предоставлены историком Д. Б. Ойнасом.

территории, расположенной севернее города Костромы¹. Но данных о том, что какие-то из них имели сакральные функции – нет.

В работах историков XIX – нач. XX в. имеется множество свидетельств о широком распространении почитания сакральных камней по обоим берегам Волги. Так, кроме упомянутого выше Медведь-камня в с. Антоновское раньше был известен камень следовик у с. Сторожево, бывшей Георгиевской волости. Нефёдов описывает его как «...большой серый камень; на верху его углубление, похожее на ступню детской ноги; камень... почитается за священный: по преданию, на него когда-то ступил младенец Иисус Христос, и от его ножки сохранился след. Сюда приходят больные и недужные, пьют дождевую воду, которая скапливается в углублении камня, мочат глаза и т. п. ...»². Камень лежал у Ю-В стены небольшой часовни, имевшей посвящение во имя Алексея, человека Божьего. По сведениям, которые были записаны нами в конце 80-х гг. XX века, часовня эта специально была поставлена с определенной целью «нейтрализации» широкой известности целительных свойств камня. Интересный факт, но сторожевский следовик и часовня фактически находились в центре курганной группы, состоящей на момент фиксации из 10 нетронутых и нескольких разрытых курганов³. В годы советской власти часовня была уничтожена. Спустя некоторое время был уничтожен и сам камень. Была замечена интересная взаимосвязь между Медведь-камнем в с. Антоновское и следовиком у д. Сторожево. Фактически они находились в 0,5 км друг от друга и оба располагались на т. н. «Марфиной тропке»⁴.

В Нерехтском районе у с. Бортниково на р. Солонице, в местности, расположенной за т. н. Егорьевской горой, находятся два

¹ Матвеев А. К. Мерянская топонимия на русском Севере – фантом или феномен // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 97–104.

² Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемых Императорским Археологическим обществом. Т. 3. М., 1899.

³ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов

⁴ Рогалева С. Б., Яблоков А. В. Медведь-камень...

культовых валуна. Один является типичным следовиком и несет на себе изображение стопы человека, а на другом имеется выдолбленное изображение креста правильной «геометрической» формы. В архиве Костромской области есть любопытный документ, который гласит, что «...у священника Богословского уезда есть камень, обтесанный, длиной в 1 1/4 вершка, шириной в 1 вершок... с четырьмя углублениями в виде точек, под которыми проведена черта. От точек вырезаны линии через весь камень»¹. В этом же документе упоминается и «...камень величинной с барана, серый, как бы опоясанный крестообразно кругом веревкой», в конце 19 века камень этот находился в одном из храмов Чухломы. В с. Большое Боброково Нерехтинского района в начале 20 в. рядом с деревянной церковью находились три обтесанных валуна. На камнях имелись надписи, прочитать которые никто из местного населения не мог. По свидетельству выходцев из этого села, камни эти составлены в форме стола.

Несколько камней следовиков в Ивановской области известны в селах расположенных вдоль правого берега р. Волги. Доподлинно известно, что почитаемый камень с отпечатком «Божьей ножки» находился в с. Новописцово на берегу ручья и был уничтожен в конце 60-х годов во время строительства дороги. Еще один следовик находится в с. Совитово Вичугского района. В народе камень известен как левая «Ножка Божьей матери». Камень этот чтится местным населением и считается лечебным².

У бывшего села Физино Буйского уезда, расположенного неподалёку от усадьбы г-на Перелешина ещё в 19 веке находился большой валун, часть которого возвышалась над водой. За причудливую форму верхней надводной части камня он получил название – «каменный баран». Камень располагался в реке Костроме. Напротив него на берегу стояла часовня во имя преподобного Ферапонта. Плоты, сгонявшие лес, и другие маломерные суда довольно часто разбивались о каменные выступы – «рога» бара-

¹ Костромская старина // Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией. Кострома, 1890. Т. 1. С. 125–126.

² Рогалева С. Б. Камни-следовики в Ивановской области // Проблемы изучения Плеса. Плес, 1990.

на, возвышающиеся над водой. В связи с этим, у речников родилась обычай причаливать к берегу и выходить помолиться Ферапонту: «А кто помолится ему батюшке, да положит что в кружку, то пройдёт благополучно без всякой скорби». После того, как при очередном столкновении «рога» отломались, то один из них как святыню положили в часовню Ферапонта, а другой был отправлен в Костромскую архивную комиссию¹.

В плане бытования различных форм культа камня отличительной особенностью костромского Поволжья, на наш взгляд, является наличие двух особенных групп памятников, практически больше не встречающихся нигде более. Это группа почитаемых камней, на которых было высечено изображение гусиной лапы. Информация о них в изобилии представлена в работе члена костромского научного общества Вас. Смирнова². Например, Смирнов В. пишет, что в местности «Гусыня» около села Пушкино Костромского уезда: «в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию под камнем зарыто «невесть сколько денег». На «Бараньих горах» в 7 км от с. Черное Заводь б. Костромского уезда лежал «...большой, сажени в 1,5 белый камень, на нем знак гусиной лапы». Под камнем, якобы, был зарыт большой сундук с деньгами. Около деревни Фоминцы Коряковской волости, на расстоянии около версты от деревни была найдена толстая каменная плита длиной около двух сажень со знаком «гусиной лапы». Эта находка породила среди местного населения слух о том, что под этой плитой укрыт зачарованный клад. Еще две подобных плиты находились в Солигаличском уезде, у села Кадникова. Под Минским городищем (Минская гора) у Волги лежал когда-то огромный камень «Кобыла», потом разбитый и отвезенный в Кострому под фундамент некой часовни. На нём проходило «крещение» бурлаков-новичков. Про камень этот

¹ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемых Императорским Археологическим обществом. М., 1899. Т. 3. С. 231–232.

² Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники (этнографические очерки Костромского края) // Труды КНОИМК. Кострома, 1921. Вып. XXVI.

еще рассказывали следующее: «Ванька Каин да Васька Гусь клич кликали, что под «Кобылой» клад они зарыли, а на камне гусиную лапу вырезали. Как камень увезли, рыли на этом месте, но клад кто-то уже раньше достал». В Межевых книгах по Костромскому краю XVI и XVII столетий нередко упоминаются родовые знаки на камнях, отмечающих границы угодий и покосов, — «тетеревина нога», «сорочья нога». Смирнов В. отмечает, что знак гусиной лапы встречался в рассказах из разных мест и о разных пунктах. Во всех указанных случаях гусиная лапа воспринималась как тотем-оберег. Горюнова Е. И. отмечает, что «знак гусиной лапы стоит как таинственный страж, на камне, охраняющем зарытые в землю сокровища»².

Вторую группу памятников составляют т. н. камни-иконы известные практически только в рубежной зоне ивановского и костромского Поволжья. Прежде всего, речь идет о нескольких валунах из долины р. Мера. В настоящий момент они находятся во дворе одного из жилых домов окраины райцентра Островское (Костромская область). В район Волкоуши (окраина Островского) камни были привезены в 1888 году, для размещения их в небольшой кирпичной часовне, которая должна была быть сооружена специально для них. Перевозку валуна организовал местный церковный староста. По неизвестной причине строительство часовни было отложено, и камни остались в Островском³. Самый крупный валун представляет собой большую плоскую плиту неправильной формы светло серого цвета (3,4 x 1,5 x 0,5 м) на дневной поверхности которой имеется ростовое изображение Богородицы (2,6 м) со сложенными на груди руками. Один из концов плиты имеет естественную конусообразную форму, где размещена голова Божией Матери. По контуру головы её выбита надпись, фрагменты которой частично не сохранились. Некоторые участки плоских боковых граней камня покрыты надписями,

¹ Там же. С. 11.

² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 94. М.: АН СССР, 1961. 285 с.

³ Богородица с Меры реки. URL: http://merjamaa.ru/news/bogorodica_s_mera_reki/2011-12-12-414

величина букв и расстояние между строк в которых хаотичны¹. На одном из участков боковой грани имеется схематичное полусферическое изображение трех «хлебов» с четырёхконечными крестами посередине и приведена цитата притчи из Библии «О трёх хлебах». По преданию изображение Богородицы на камне начал высекать некий отшельник, поселившийся на берегу Меры несколько столетий назад. Отшельник умер, прежде чем успел закончить работу. Какое-то время валун лежал в долине Меры, пока жители Волкоуши не приняли решение перевезти его в село, после чего пожары и эпидемии стали обходить этот населенный пункт стороной.

Второй небольшой (1,2 x 0,8 x 0,1 м) валун с изображением Лица Спасителя, размещенным внутри креста, был найден в конце XX в. в окрестностях Островского. По бокам лика также имеются надписи². Третий камень также плоский и весьма небольшой (1,6 x 1,0 x 0,7 м). Изображен Лик Христа «на полотне». На оборотной стороне плиты выбита дата – 1888 год. В верхней части камня, над Ликом выбит солярный знак. Хранитель камней, во дворе чьего дома они находятся, утверждает, что при особом частичном освещении за Ликом проступают контуры куполов храма. Следует отметить, что подобный эффект частичного освещения хорошо знают исследователи северных петроглифов и именно на нём основана одна из методик фиксации наскальных изображений. Ещё один объект из группы «камней-икон» – камень с изображением Георгия Победоносца находится недалеко от г. Плёс между с. Светочева гора и с. Сидоровское (Волгореченский МО КО). В данном случае также имел факт установки часовни над камнем.

Ещё один интересный камень находится буквально в 1,5 км от Островского в бывшей д. Сокерино в овраге на берегу р. Меры. Практически круглый (1,0 x 1,0 м), сильно вросший в землю. На поверхности имеется несколько групп изображений, относящихся к разному времени. Во-первых – это несколько достаточно

¹ Культ предков. Родительская суббота в Кострома кундем [Электронный ресурс]. URL: http://merjamaa.ru/news/kult_predkov_roditelskaja_subбота_v_kostroma_kundem/2012-11-08-660

² Там же.

глубоких чашечных изображений. Во-вторых, большой выбитый крест. В-третьих, ряд надписей по кругу опоясывающих камень. Высота букв примерно равная: до 0,6 см. Расстояние между строк колеблется от 3 до 4 см.¹

Локальная группа почитаемых камней – камней с изображением выбитых крестов, известна на территории Заволжского МО Ивановской области². Но эти камни, как и многие другие почитаемые камни пограничной территории Ивановского и Костромского Поволжья ещё ждут своего изучения.

¹ Культ предков. Родительская суббота ...

² Информация любезно предоставлена заведующей краеведческим музеем г. Заволжска С. В. Касаткиной.

Е. А. Борисова, М. П. Шилов, А. А. Курганов, Д. А. Мишагина

ГОРЕЧАВКА КРЕСТОВИДНАЯ (*GENTIANA CRUCIATA* L.) В ДОЛИНЕ РЕКИ ЕЛНАТЬ

Важной задачей в области территориальной охраны природы на региональном уровне является создание сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Мероприятия по совершенствованию сети ООПТ проводятся практически во всех регионах России. В последние десятилетия эта работа значительно активизировалась, организуются новые национальные парки, создаются заказники, памятники природы. В Ивановской области проблемы оптимизации сети ООПТ и создание экологического каркаса региона стоят остро, многие уникальные природные территории пока не имеют охранного статуса (Борисова, Шилов, 2011).

В системе ООПТ наряду с созданием крупных ландшафтных комплексов применяется выделение и охрана малых по площади участков – микрорезерватов. Особенно это актуально в густонаселенных и хозяйственно освоенных районах, т. к. из использования исключаются небольшие, но ценные в биологическом отношении территории (Михно, 2005). Система таких микрорезерватов позволяет сохранить локальные стабильные популяции редких видов растений.

Летом 2012 г. в рамках работы по ведению Красной книги Ивановской области проводились полевые исследования на территории Юрьевецкого района. Были обследованы береговые ценозы правого и левого берегов р. Елпать. Кроме авторов статьи в работе принимали участие сотрудники Плесского музея-заповедника М. А. Голубева и С. А. Зырянова. В результате на склоне правого коренного берега р. Елпать в 4 км северо-восточнее д. Васильевка был обнаружен луг с участием очень

© Борисова Е. А., Шилов М. П., Курганов А. А., Мишагина Д. А., 2014

редкого вида растений – горечавки крестовидной – *Gentiana cruciata* L., который предлагается включить в систему ООПТ Ивановской области.

Река Елпать – небольшой правый приток Волги, протяженностью 54 км. Площадь речного бассейна – 714 км², река протекает по территории Кинешемского и Юрьевецкого районов Ивановской области. В результате строительства Горьковского водохранилища устьевая часть русла реки значительно расширилась и видоизменилась. В настоящее время растительность левого берега р. Елпать сильно нарушена и не представляет интереса во флористическом отношении. Береговые ценозы характеризуются участием многих сорно-рудеральных и инвазионных видов. На правом берегу сохранились слабо нарушенные луговые сообщества, прирусловые кустарники, овраги. На одном из лугов берега и была обнаружена крупная популяция горечавки крестовидной.

Род горечавка – *Gentiana* L. из семейства Горечавковые – *Gentianaceae* содержит около 250 видов, распространенных в умеренных областях обоих полушарий кроме Африки, а также в горных районах тропического пояса Земли. Морфологическое описание *Gentiana cruciata* приводится согласно монографии (Губанов и др., 2004), а распространение – по Н. Н. Цвелеву (1978).

Горечавка крестовидная – многолетнее травянистое растение высотой до 50 см с толстым корневищем. Стебли до 3 мм диаметром, грубые, основания их окутаны волокнистыми влагалищами старых листьев. Нижние листья в числе 5–8, овально-эллиптические, 3–8 см длиной и до 2,5 см шириной, собраны в розетку. Верхние листья более длинные и узкие, супротивные, сростающиеся в основании в длинные влагалища. Цветки четырехчленные, до 3,5 см длиной, располагаются пучками в пазухах листьев, образуя мутовки соцветий. Чашечка короткая, перепончатая, состоит из 4 линейно-ланцетных долей. Венчик булавовидно колокольчатый, из 4-х лепестков, сросшихся в длинную трубку. Снаружи лепестки бело-зеленоватые, их внутренняя часть яркого сине-голубого цвета. Плод – коробочка с блестящими коричневыми семенами.

Общее распространение вида – Кавказ, Западная Сибирь, Средняя и Малая Азия, Средняя и Атлантическая Европа, и Сре-

диземноморье. В северных областях средней полосы России это очень редкое растение, оно включено в Красные книги Ивановской (2010) и сопредельных областей: Владимирской (2008), Ярославской (2004) и Костромской (2009).

В Ивановской области вид встречается в Заволжском, Гаврилово-Посадском, Приволжском, Тейковском и Фурмановском районах по долинам рек Волги, Шачи и Нерли, всего известно 6 местонахождений. Имеет категорию 3 – редкий вид.

Луг на склоне правого берега р. Елпать в окрестностях д. Васильевка – новое местонахождение вида в Ивановской области. Кратко приведем описание данного злаково-бедренцево-разнотравного луга. Общее проективное покрытие травостоя луга колеблется от 45 % до 70 %, средняя высота – 50–60 см.

Из злаков в составе преобладают *Poa pratensis* – мятлик луговой, *Agrostis capilaris* – полевица волосовидная, *Festuca rubra* – овсяница красная, *Phleum pratense* – тимopheевка луговая, *Dactylis glomerata* – ежа сборная, из бобовых присутствуют *Trifolium pratense* – клевер луговой, *T. repens* – клевер ползучий, *Medicago falcata* – люцерна серповидная, *M. lupulina* – люцерна хмелевидная. Среди разнотравья доминируют бедренец камнеломка – *Pimpinella saxifraga* и тысячелистник обыкновенный – *Achillea millefolium*. Часто здесь встречаются обычные луговые травы (например, *Galium mollugo* – подмаренник мягкий, *G. boreale* – подмаренник северный, *Stellaria graminea* – звездчатка злаковая, *Centaurea jacea* – василек луговой, *Senecio jacobaea* – крестовник Якова, *Hypericum perforatum* – зверобой продырявленный, реже *Artemisia campestris* – полынь равнинная, *Campanula rotundifolia* – колокольчик круглолистный, *Geranium pratense* – герань луговая, *Veronica chamaedrys* – вероника дубравная, *Knautia arvensis* – короставник полевой, *Glechoma hederacea* – будра плющевидная, *Hieracium umbellatum* – ястребинка зонтичная, *Leucanthemum vulgare* – нивяник обыкновенный). Распространены некоторые сорно-рудеральные виды (*Anthriscus sylvestris* – купырь лесной, *Cirsium arvensis* – бодяк полевой, *Equisetum arvensis* – хвощ полевой, *Geum urbanum* – гравилат городской, *Linaria vulgaris* – льнянка обыкновенная и др.).

Состав травостоя на крутом склоне оврага западной экспозиции более богатый. Здесь, помимо перечисленных растений, встречаются *Calamagrostis epigeios* – вейник наземный, *Melilotus alba* – донник белый, *Carex ericetorum* – осока верещатниковая. Среди разнотравья обычны *Anthemis tinctoria* – пупавка красильная, *Verbascum thapsus* – коровяк медвежье ухо, *Carlina biebersteinii* – колючник Биберштейна, *Agrimonia eupatoria* – репешок обыкновенный.

Одиночные особи и небольшие группы растений горечавки крестовидной встречались на протяжении 800 м прерывистой полосой шириной до 100 м. Наиболее крупные заросли отмечены в верхней и средней части склона коренного берега.

Все растения горечавки находились в фенологических фазах начала цветения и полного цветения. Практически все экземпляры в популяции были хорошо развиты, высотой от 15 до 35 см. Многие растения состояли из нескольких побегов, реже встречались экземпляры из 1–2 побегов. В целом в популяции преобладали генеративные особи, встречались молодые вегетативные побеги, сохранились и прошлогодние высохшие побеги с раскрытыми коробочками.

Данный луг в течение последних 10 лет не используется в хозяйственном отношении, не выкашивается и не выпасается, о чем свидетельствуют встречающиеся на нем кустарники ивы и небольшие деревца рябины обыкновенной.

Описанный луг представляет собой одну из самых крупных популяций горечавки крестовидной в Ивановской области. Видовое разнообразие данного луга высокое, всего в составе его флоры было отмечено более 60 видов сосудистых растений, среди которых присутствовали и некоторые другие редкие растения, например, *Catharholinum catharhium* – ленок слабительный, *Nonea pulla* – noneя темно-бурая, *Viola hirta* – фиалка опушенная, *Astragalus danicus* – астрагал датский.

Данный луг, общей площадью около 8 га, необходимо охранять как место произрастаний горечавки крестовидной и других редких луговых и лугово-степных растений. Целесообразно придать территории статус памятника природы, разработать сис-

тому мероприятий по его рациональному использованию и режим охраны.

В случае возобновления интенсивного хозяйственного использования луга, на нем допустим лишь умеренный выпас скота. При сенокосении горечавку необходимо сохранять, не допуская скашивания ее надземной массы до обсеменения. Коренное и даже поверхностное улучшение луга (с нарушением дернины или внесением высоких доз минеральных удобрений) должно быть запрещено.

При дальнейших флористических исследованиях Юрьево-кого района и, в частности, долины р. Елпать, возможно, будут обнаружены другие местонахождения горечавки крестовидной.

Литература

1. Борисова Е. А., Шилов М. П. Формирование экологической сети Ивановской области на основе выделения ботанических ядер // Географические основы формирования экологических сетей в России и Восточной Европе : материалы междунар. науч. конф. М. : КМК, 2011. С. 48–53.
2. Губанов И. А., Киселева К. В., Новиков В. С., Тихомиров В. Н. Горечавка крестовидная // Иллюстрированный определитель растений Средней России. М. : КМК, 2004. Т. 3. С. 46.
3. Красная книга Владимирской области. Владимир, 2008. 400 с.
4. Красная книга Ивановской области. Т. 2 : Растения и грибы / В. А. Исаев, Е. А. Борисова, М. А. Голубева и др. ; под ред. В. А. Исаева. Иваново : ПресСто, 2010. 192 с.
5. Красная книга Костромской области / под ред. ДПР Костромской области. Кострома, 2009. 387 с.
6. Красная книга Ярославской области / под ред. Л. В. Воронина. Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2004. 384 с.
7. Михно В. Б. Ландшафтные аспекты оптимизации экологической обстановки Воронежской области // Вестн. Воронеж. ун-та. Серия География и геология. 2005. № 2. С. 29–43.
8. Цвелев Н. Н. Горечавковые – *Gentianaceae* Juss. // Флора Европейской части СССР / отв. ред. Ан. А. Федоров. Л. : Наука, 1978. Т. 3. С. 57–86.

Е. И. Бычкова

ОСНОВНЫЕ КОЛЛЕКЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ОТРЯДУ СОВООБРАЗНЫЕ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Представители отряда Собообразные на территории Ивановской области являются малоизученными, прежде всего из-за скрытного ночного образа жизни и своей малочисленности. Возникает ряд трудностей с ознакомлением и изучением данной группы птиц школьниками и студентами. В связи с этим на кафедре «экологии и безопасности жизнедеятельности» ШГПУ разработаны специальные экскурсионные программы для школьников и студентов по музейным экспозициям и коллекции сов в Ивановском зоопарке.

Особый интерес представляют коллекционные материалы по совам, собранные в Ивановском зоопарке, Зоологическом музее ИвГУ, в историко-краеведческом музее имени Д. Г. Бурлыгина в г. Иванове и в литературно-краеведческом музее имени К. Д. Бальмонта г. Шуи. Собранные коллекции отражают видовой состав сов, которые обитают в Ивановской области и особенности экологии этих уникальных птиц. Коллекции доступны для ознакомления школьников, студентов биологических специальностей с данной группой птиц.

Наибольший экскурсионный интерес представляет коллекция сов в Ивановском зоопарке, так как живые объекты всегда интереснее для изучения. Здесь представлены следующие виды птиц: филин (*Bubo bubo*) – вид, находящийся под угрозой исчезновения, очень редок на гнездовании в Ивановской области; длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) – вид, который на территории области восстанавливает свою численность, имеет статус немногочисленного, гнездящегося вида; бородатая неясыть (*Strix*

nebulosa) – редкий, гнездящийся вид на территории области; мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) – редкий, гнездящийся вид на территории области. Все вышеперечисленные виды включены в Красную книгу Ивановской области (2007). Также в экспозиции Ивановского зоопарка можно увидеть обычные на гнездовании в Ивановской области виды сов – обыкновенную или серую неясыть (*Strix aluco*), ушастую сову (*Asio otus*). Особый интерес представляет в коллекции зоопарка полярная или белая сова (*Nucifraga scandiaca*) – редкий зимующий вид на территории области.

Наиболее полная музейная коллекция сов находится в экспозиции Ивановского историческо-краеведческого музея имени Д. Г. Бурдылина. Экспозиция сов в отделе Природы насчитывает 9 видов. Из редких видов сов в коллекции краеведческого музея имени Д. Г. Бурдылина можно отметить ястребиную сову (*Surnia ulula*). Ястребиная сова является редким видом, гнездование на территории Ивановской области не известно. М. А. Бубнов (1958) наблюдал ястребиную сову в ноябре 1927 и 1928 гг. В Родниковском районе одиночная птица была встречена в ноябре 1987 г. (Герасимов и др., 2000). Таким образом, данный музейный экспонат представляет большой экскурсионный и краеведческий интерес. Из видов, включенных в Красную книгу Ивановской области в коллекции музея представлены: филин, бородатая неясыть, домовый сыч, воробьиный сыч. Также в коллекции музея можно увидеть достаточно обычные виды сов – серую неясыть, болотную сову и ушастую сову. Примечательно, что рядом с каждым экспонатом есть таблички с названием и описанием предпочтительного местообитания данного вида сов.

В зоологическом музее ИвГУ в коллекции сов представлены следующие виды: серая неясыть, длиннохвостая неясыть, болотная сова, ушастая сова, домовый сыч, мохноногий сыч, воробьиный сыч, белая сова.

В литературно-краеведческом музее имени К. Д. Бальмонта г. Шуи в коллекции совы представлены только двумя видами – серая неясыть и домовый сыч. В музее экспонируется большая коллекция яиц птиц, в том числе и сов. Представлены яйца филина, ушастой совы, болотной совы, серой неясыти, длиннохвостой

неясыти, мохнономого сыча, ястребиной совы, сплюшки, сипухи, ошейниковой совки и восточно-азиатской совки.

К сожалению, в коллекциях Ивановского зоопарка и музеев городов Иваново и Шуя представлены не все виды сов, обитающие в Ивановской области. В коллекциях нет сплюшки (*Otus scops*), включенной в Красную книгу Ивановской области. По данным Ивановских орнитологов (Мельников и др., 1996, 2005; Герасимов и др., 2000) на территории области обитание сплюшки известно в Балахнинской низине, где её численность на гнездовании достигает 10 пар. В коллекциях почти нет сов, которые обитают в других природно-климатических зонах России и сопредельных государств.

Тем не менее, коллекционные материалы по Совообразным, собранные в нашей области являются важным элементом в системе педагогического и краеведческого образования школьников и студентов. Для изучения темы «совы» в школе все описанные коллекции могут быть использованы в рамках внеаудиторной работы. Экспонаты смогут прекрасно реализовывать принцип наглядности в обучении орнитологии, повышая мотивацию к обучению.

А. А. Есерегепов

ЧАЙКОВЫЕ ПТИЦЫ АНДРОНИХОВСКОЙ ПОЙМЫ ГОРЬКОВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Чайковые птицы в Ивановской области – довольно хорошо изученная группа. Общеизвестность этой группы, широкое распространение, особенности экологии (колониальный образ жизни, экологическая пластичность, некоторая синантропизация отдельных видов и др.) позволяют выделить её как модельную и делают исследования весьма актуальными.

В мировой фауне выделяют около 50 видов чайковых, на территории России гнездится 22 вида, фауна чайковых Ивановской области представлена 13 видами – 9 видами чаек и 4 крачек. В Андрониховской пойме располагается смешанная колония, в которой встречаются практически все виды чаек, гнездящихся в регионе.

Андрониховская пойма занимает территорию на востоке Ивановской области на берегу Горьковского водохранилища, между деревнями Обжериха и Андрониха. До образования водохранилища в 30-х годах на данной территории проводилась добыча торфа. После образования водохранилища, данная территория подверглась затоплению. Оставшийся торфяной пласт всплыл и образовал большую топкую сплавину. В последующем, к ней присоединились еще и другие сплавины, принесенные течением свыше, и образовался довольно большой и топкий участок. Этот участок облюбовали многочисленные группы птиц, в том числе и чайки.

В настоящее время место нашего исследования представляет собой сильно заросший тростником топкий участок. Береговая линия представлена намывами торфа и песка, которая является идеальным местом для гнездования крачек.

В последние годы происходит расширение ареалов видов группы больших белоголовых чаек и продвижение их вглубь материка. Распространение восточной клуши идет с Карского моря на юг, продвижение хохотуни – от Черного моря в Северо-западном направлении, серебристая чайка продвигается с Финского залива и Белого моря на юго-восток (Бакка, Киселева, Новикова, 2004 и др.). Таким образом, на территории Ивановской области отмечаются на гнездовании три расселяющихся близкородственных вида, что создает вероятность гибридизации на ключевых для их расселения территориях. Это многократно усложняет изучение группы больших белоголовых чаек в Ивановской области. На территории Андрониховской поймы в настоящее время встречается несколько форм чаек из группы больших белоголовых: *Larus argentatus*, *L. cachinnans*, *L. fuscus*, *L. heuglini*, *L. barabensis*, отличающиеся между собой рядом морфологических признаков

Восточная клуша (*Larus heuglini*) – редкий вероятно гнездящийся вид. Ранее, как и другие крупные чайки из группы «серебристых», отмечалась на территории области только на пролете. В Андрониховской пойме Горьковском водохранилище в гнездовой период нами неоднократно отмечалась взрослые птицы в смешанных колониях хохотуний и серебристых чаек.

Хохотунья (*Larus cachinnans*) – немногочисленный гнездящийся вид. Ранее отмечался на территории Ивановской области как пролетный (Герасимов, Сальников, Буслаев, 2000), но в последнее десятилетие отмечено формирование гнездящейся популяции хохотуни и постепенное увеличение её численности, продолжающееся и в настоящее время. Довольно крупная колония, насчитывающая несколько десятков пар, располагается на побережье Андрониховской поймы Горьковского водохранилища, где хохотуни гнездятся совместно с серебристыми чайками и восточными клушами.

Серебристая чайка (*Larus argentatus*) – гнездящийся вид. Небольшие колонии и одиночные поселения обнаружены на исследуемой территории Горьковского водохранилища.

Клуша (*Larus fuscus*) – залетный вид. Небольшие стайки птиц отмечаются во время миграции на Волге (Герасимов, Саль-

ников, Буслаев, 2000). Неоднократно отмечался вид на островах Осаповы горы С.В. Баккой (личное сообщение).

Черноголовый хохотун (*Larus ichthyæetus*) – редкий летучий вид, занесенный в Красную книгу РФ (2001). Впервые на территории Ивановской области был отмечен в 2003 году (Баринов, Баринава, 2005) на Юрьевецких разливах Горьковского водохранилища. В летний период 2004, 2005 гг. на Юрьевецком море мы регулярно отмечали взрослых и неполовозрелых хохотунов, до 50 особей одновременно. Здесь, вместе с другими крупными чайками, черноголовый хохотун подбирает выбрасываемую испорченную рыбу, следуя за рыболовецкими артелями (Баринов, Баринава, 2005).

Сизая чайка (*Larus canus*) – обычный гнездящийся вид, на изучаемой территории сформировалась колония численностью 30-40 пар. Населяет топкие побережья и островки в пойме.

Озерная чайка (*Larus ridibundus*) – многочисленный гнездящийся вид. В Андрониховской пойме гнездится около 3500 пар. По-видимому, на настоящий момент это самая крупная колония чаек на территории Ивановской области. Численность данного вида на данной территории остается постоянной, хотя в последнее время происходит необъяснимое снижение численности озерных чаек на территории Европейской части России (Бакка, 2003 и др.). Подобное явление наблюдается и в Ивановской области. Нами была прослежена динамика озерной чайки на карьерах вблизи Рубского озера, хорошо изученных в фаунистическом плане исследователями разных лет. В 1977 году на карьерах гнездилось около 300 пар, и этот вид был ярко выраженным доминантом (Хелевина, 1977). В последующие годы численность колонии резко сократилась: в 1985 году здесь было учтено только 40 пар (Сальников, 1992), а в 1999 – 34 пары озерных чаек (В. Н. Мельников, личное сообщение). В 2003 году на Рубских карьерах гнездилось лишь 5 пар, а в 2004 году – 1 пара этого вида. В 2005-м году на территории карьерного комплекса регулярно отмечалось две летучие и кормящиеся птицы, но не было выявлено их гнездование.

Малая чайка (*Larus minutus*) – редкий гнездящийся вид. Более или менее постоянной является колония малых чаек на Юрь-

евецких разливах Горьковского водохранилища близ села Обжериха. Ежегодно здесь отмечается колония, насчитывающая 20–30 пар.

Черная крачка (*Chlidonias niger*) – немногочисленный гнездящийся вид. Для этого вида, так же, как для малой чайки характерна частая смена мест гнездования.

Белокрылая крачка (*Chlidonias leucopterus*) – редкий гнездящийся вид, образует небольшие смешанные колонии совместно с черной крачкой в приустьевом расширении ручья, впадающего в водохранилище по южной границе поймы.

Речная крачка (*Sterna hirundo*) – обычный гнездящийся вид. Образует плотные колонии на образованном из принесенного торфа берегу численностью 100–120 пар.

Малая крачка (*Sterna albifrons*) – очень редкий гнездящийся вид, занесенный в красную книгу РФ. Был более обычен до пуска Рыбинской и Горьковской ГЭС (Бубнов, 1958). Гнезился и позже на пльвунах Горьковского водохранилища (Воронцов, Хохлова, 1963). Позднее вид долго не отмечался на территории Ивановской области, несмотря на активные орнитологические исследования и проведение регулярных учетов в потенциальных местах обитания. Территориальная пара малых крачек отмечена на побережье Горьковского водохранилища близ с. Обжериха в 2004 году (Мельников, 2004).

На данный момент на территории Андрониховской поймы находится одна из крупнейших колоний озерных чаек. Эта колония нуждается в охране. Под прикрытием чайковых птиц гнездятся многие виды редких птиц. Исходя из всего выше сказанного, нами предлагается внести данную территорию в статус ООПТ.

Литература

1. Бакка С. В. Численность гнездящихся колониальных околоводных птиц Нижегородской области и тенденции ее изменения // Бутурлинский сборник : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти С. А. Бутурлина. Ульяновск, 2003. С. 122–136.

2. Бакка С. В., Киселева Н. Ю., Новикова Л. М. Портреты природы. Колониальные околородные птицы. Н. Новгород : Международный Социально-экологический Союз : Экоцентр «Дронт», 2004. 44 с.

3. Баринов С. Н., Барина М. О. Новый для фауны Ивановской области вид, включенный в Красную книгу России // Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Иваново, 2005. С. 15–16.

4. Бубнов М. А. Материалы к познанию птиц Костромской и Ивановской областей. Рукопись. 1958.

5. Воронцов Е. М., Хохлова Н. А. Формирование фауны Горьковского водохранилища // Орнитология. М., 1963. Вып. 6. С. 306–310.

6. Герасимов Ю. Н., Сальников Г. М., Буслаев С. В. Птицы Ивановской области. М., 2000. 125 с.

7. Мельников В. Н. Животные Красной книги России, обитающие в Ивановской области : учеб. пособие. Иваново, 2004. 40 с.

8. Сальников Г. М. Чайковые птицы Ивановской области // Вопросы инвентаризации фауны. Иваново, 1992. С. 108–116.

9. Хелевина С. А. Некоторые данные о гнездовании чаек на торфяных карьерах Рубского озера // Актуальные проблемы охраны природы (Зоологический выпуск) : межвуз. сб. Иваново, 1977. С. 69–71.

В. Н. Мельников, В. В. Гриднева

ПТИЦЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЁССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Орнитологические исследования в окрестностях г. Плёс ведутся с первой половины XX в. Они были начаты М. А. Бубновым, проводившим исследования авифауны в 1925–1936 и в 50-х гг. XX в. В 80-х изучение птиц Плёса и его ближайших окрестностей велись Г. М. Сальниковым. В заволжской части в этот же период проводил исследования Ю. Н. Герасимов. Наши исследования в окрестностях Плёса начаты в конце 80-х, и периодически продолжаются по настоящее время. Изучение птиц на территории Плёсского музея-заповедника в настоящее время ведётся В. В. Гридневой. Накопленные за это время материалы позволяют сделать аннотированный список охраняемых видов птиц, обитающих на территории Плёсского музея-заповедника.

На территории Плёсского музея-заповедника отмечен комплекс редких охраняемых видов птиц:

- 21 вид из Красной книги Ивановской области;
- 5 видов из Красной книги Российской Федерации.

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*. Редкий пролётный вид. Регулярно отмечается на весеннем и осеннем пролёте на р. Волга. Отдельные группы в несколько особей, как правило, молодые, неполовозрелые, могут задерживаться надолго и проводить на водохранилище значительную часть лета.

Лебедь-шипун *Cygnus olor*. Редкий пролётный вид. Изредка встречается на весеннем пролёте, осенью встречи более редки.

Скопа *Pandion haliaetus*. Очень редкий, вероятно гнездящийся вид. Встречи в гнездовой период приурочены к русловой части Горьковского вдхр. на участке от водозабора канала Волга-Уводь до пос. Каменка.

Обыкновенный осоед *Pernis arivorus*. Немногочисленный гнездящийся вид. Территориальные пары выявлены как на правобережной, так и на левобережной части ПМЗ.

Полевой лунь *Circus cyaneus*. Немногочисленный гнездящийся вид. Поселяется на зарастающих вырубках.

Дербник *Falco columbarius*. Очень редкий, вероятно гнездящийся вид. Вероятно, гнездование 1–2 пар.

Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus*. Редкий гнездящийся вид. В конце 80-х, начале 90-х произошло значительное снижение численности и лишь в последние годы отмечена некоторая стабилизация вида. Поддержка вида на территории ПМЗ, по-видимому, идёт за счёт гнездовой группировки, сформировавшейся на ЛЭП в Приволжском р-не (Калинин, 2007).

Малый зуёк *Charadrius dubius*. Редкий гнездящийся вид. Поселяется по берегам Горьковского вдхр. на песчаных и галечных отмелях.

Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*. Редкий гнездящийся вид. После создания Горьковского вдхр. численность значительно снизилась, и птицы стали поселяться на пашнях. Гнездование на пашне отмечалось в 60-х М. А. Бубновым, в 80-х Г. М. Сальниковым и в начале XXI в. В. В. Гридневой.

Большой кроншнеп *Numenius arquata*. Редкий гнездящийся вид. Гнездится на заброшенных сельхозугодьях на ранних этапах зарастания и на болоте Повёрстное.

Чёрная крачка *Chlidonias nigra*. Редкий гнездящийся вид. Поселяется на заболоченных заводях водохранилища, в частности в районе Кедровой рощи.

Мохноногий сыч *Aegolius funereus*. Очень редкий, вероятно гнездящийся вид. Брачная вокализация сыча не ежегодно регистрируется в лесном массиве между водозабором канала Волга-Уводь и д. Никулино.

Домовый сыч *Athene noctua*. Очень редкий, вероятно гнездящийся вид. Брачную вокализацию отмечали в районе ферм и технических зданий в с. Новлянское и в районе больницы в г. Плёс.

Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis*. Редкий гнездящийся вид. Брачная вокализация регистрировалась в лесах левобережья Горьковского вдхр.

Бородатая неясыть *Strix nebulosa*. Очень редкий, вероятно гнездящийся вид. Встречи бородатой неясыти регистрируются в районе канала Волга-Уводь у д. Пеньки.

Обыкновенная сизоворонка *Coracias garrulus*. Самка из пары была добыта 15.08.1931 М. А. Бубновым (1958) на р. Шача.

Обыкновенный зимородок *Alcedo atthis*. М. А. Бубнов (1958) отмечал, что зимородок обитает в Приволжском районе по рекам, изобилующим рыбой. До 1930 г. гнездился на р. Шача, но позднее, «вследствие отравления реки отходами с ткацкой фабрики» исчез.

Средний дятел *Dendrocopos medius*. М. А. Бубнов (1958) добыл среднего дятла, кормящегося под крышей амбара 19.11.1927. Его желудок был набит сухими комнатными мухами. Е. Л. Шор (1990) отмечал среднего дятла в г. Плёс зимой 1989 г.

Луговой конёк *Anthus pratensis*. Редкий гнездящийся вид. В середине XX в численность значительно снизилась, отдельные пары в настоящее время гнездятся на болоте Повёрстное и влажных лугах по берегам Волги.

Славка-завирушка *Sylvia curruca*. Редкий гнездящийся вид. Поселяется в смешанных лесах с еловым подлеском.

Белая лазоревка *Parus cyanus*. М. А. Бубновым (1958) приводятся три встречи: 15.12.1930, 15.12.1952 и пара птиц 19.03.1953. Последнее наблюдение позволило ему предположить вероятность гнездования этого вида.

Дубонос *Coccothraustes coccothraustes*. Малочисленный гнездящийся вид. Встречается в ольховниках и широколиственных лесах по берегам Волги.

Т. М. Никитина

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗИМНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПТИЦ ГОРОДА ШУИ

Территории больших городов служат местом обитания не только огромного количества людей и домашних животных, они являются местом обитания многочисленных диких животных. Птицы – один из самых заметных компонентов животного населения городов. К синантропным обычно относят таких птиц, которые обитают в близком соседстве с человеком и во многом зависят от проявлений его хозяйственной деятельности. Были проведены исследования с целью определения численности, видового состава и плотности птиц в различных секторах города и места их скопления. Наблюдения проводили в зимние месяцы 2012/13 года. В ходе работы было установлено, что в зимний период на территории города Шуя обитает 26 видов птиц: Сизый голубь (*Columba livia*); Зеленый дятел (*Picus viridis*); Большой пестрый дятел (*Dendrocopus major*); Белоспинный дятел (*Dendrocopus leucotos*); Малый пестрый дятел (*Dendrocopus minor*); Обыкновенный свиристель (*Bombucilla garrulus*); Сорока (*Pica pica*); Ворон (*Corvus corax*); Серая ворона (*Corvus cornix*); Грач (*Corvus frugilegus*); Галка (*Corvus monedula*); Дрозд-рябинник (*Turdus pilaris*); Большая синица (*Parus major*); Лазоревка (*Parus caeruleus*); Пухляк (*Parus montanus*); Обыкновенный поползень (*Sitta eurypaea*); Обыкновенная пищуха (*Certhia familiaris*); Полевой воробей (*Passer montanus*); Домовой воробей (*Passer domesticus*); Щегол (*Carduelis carduelis*); Чиж (*Spinus spinus*); Чечетка (*Acanthis flammea*); Коноплянка (*Acanthis cannabina*); Снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*); Овсянка (*Emberiza citrinella*); Ушастая сова (*Asio otus*). Разнообразие и доступность кормов, ослабление пресса хищников, наличие укрытий и мест для ночлега, более

© Никитина Т. М., 2014

ровный городской микроклимат создают благоприятные условия для зимовки, способствуют высокой концентрации в пределах жилых строений. С целью определения плотности птиц в различных секторах города были выделены 3 области наблюдения: городские застройки, центр города, частный сектор.

Численность и видовой состав птиц в различных секторах города, км²

	Городские застройки	Центр города	Частный сектор	Итого
Сизый голубь	50	375	5	430
Полевой воробей	30	40	63	133
Серая ворона	10	5	15	30
Большая синица	21	10	32	63
Снегирь	14	7	11	32
Обыкновенный свиристель	5	-	15	20
Обыкновенная галка	37	40	14	91
Грач	2	-	-	2
Сорока	-	-	9	9
Белоспинный дятел	-	-	1	1
Итого кол-во:	169	477	165	811

В городском и центральном секторе птицы держатся около остановок, ларьков, свалок, урн, где обычно много пищевых отходов. В частном секторе встречаются виды, которые стараются держаться подальше от человека или которые залетают из леса.

Исходя из таблицы, можно сделать вывод о доминирующих птицах в городе Шуя. Доминанты – виды, преобладающие количественно или по биомассе в сообществе, в группе себе подобных организмов. Доминирующие виды птиц в городе: сизый голубь, полевой воробей, обыкновенная галка, большая синица, серая ворона.

Степень доминирования – показатель, отражающий отношение числа особей данного вида к общему числу всех особей

рассматриваемой группировки. Степень доминирования видов в разных секторах города:

Городские застройки – сизый голубь 29,5 %, обыкновенная галка 21,8 %, полевой воробей 17,8 %;

Центр города – сизый голубь 78,6 %, полевой воробей 8,3 %, обыкновенная галка 8,3 %;

Частный сектор – полевой воробей 38 %, большая синица 19,5 %, серая ворона 9 %, обыкновенный свиристель 9 %.

Зимой птицам намного сложнее найти пищу, нежели в другие сезоны. Поэтому многие птицы и прилетают зимой в город, чтобы найти пищу. Кормовой базой и местами пропитания могут являться: свалки и мусорные контейнеры; отходы заводов и предприятий; большое количество корма птицы находят на рынках, около ларьков, на остановках; большое количество плодово-ягодных деревьев и кустарников; в городе население подкармливает птиц в осенне-зимний период; природоохранные мероприятия в школах и детских садах. Нами было замечено, что много людей подкармливают птиц на улице. Часто на Арбате можно встретить родителей с детьми кормящих голубей. В городских застройках на балконах пятиэтажек можно увидеть кормушки. Так же часто встречаются кормушки у подъездов.

Значение птиц в городе.

Отрицательные стороны: повреждающая деятельность в отношении архитектурно-исторических памятников, промышленных сооружений, воздушно-транспортных средств, обрывы ЛЭП, переносчики инфекций и паразитов.

Положительные стороны: птицы подбирают пищевые отбросы, тем самым очищая улицы от множества пищевого мусора, песни птиц улучшают звуковую среду и хорошо влияют на настроение людей, вызывают положительные эмоции, повышают их работоспособность. Птицы – удобный объект экологического воспитания и образования – их легко наблюдать даже на краткой экскурсии во время школьного урока биологии.

В. А. Пономарев, Г. М. Сальников, А. В. Рябов

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГРАЧЕЙ В ГОРОДАХ ПРИВОЛЖСКЕ И ПЛЕСЕ

Полные учеты численности колоний грачей в городах Приволжске и Плесе были проведены в 1983, 1984, 1993, 1995–2012 гг. (табл.).

В г. Приволжске наиболее крупные и стабильные колонии грачей существуют в городском парке (120–209 пар) и на ул. Революционной в направлении к Рогачевской фабрики (88–113 пар). Длительное время на территории Василевской фабрики была крупная колония грачей (от 100 до 160 пар в разные годы), которая полностью прекратила свое существование к 2012 году. До 2002 года крупная колония грача находилась на городском кладбище (127–189 пар). С 2003 года эта колония исчезла.

Из стабильных колоний среднего размера можно отметить следующие: колония около Рогачевской фабрики (66–19 пар), которая максимально достигала численности 121 пары в 1996 г., а также колония около хлебокомбината и школы № 7 (11–59 пар), у которой наблюдается тенденция роста.

В 2007 году в 5-этажной застройке на ул. Льяншиков д. 17 появилась колония в количестве 9 гнезд на молодых (40–50 летних) березах и иве ломкой. В 2009 году колония возросла до 18 гнезд и рядом с ней около школьной котельной по ул. Костромской появилась смежная колония в количестве 7 гнезд. В последующие годы (2010–2012 гг.) численность данной колонии стабилизировалась на уровне 15–18 гнезд.

В 2009 году на ул. Железнодорожная д. 20 (5-этажная застройка) появилась колония в количестве 10 гнезд на ясенях и березе. В следующем году колония была пуста. Таким образом, с 2007 года в г. Приволжске грачи стали делать попытки использо-

вать для гнездования молодые деревья в 5-этажной застройке 1970-х годов. Аналогичная тенденция имела место в гнездовании грачей в 5-этажной застройке г. Иванова с 2006–2007 гг.

В г. Приволжске грачи преимущественно устраивают гнезда на березе, липе и тополе. В городском парке в качестве гнездовых деревьев грачи используют березу, тополь, клен, ясень, сосну, ель. На улице Революционной можно отметить гнездование грача на вязах. Около Рогачевской фабрики грачи гнездятся преимущественно на березе, но есть отдельные гнезда на лиственнице и сосне.

Динамика численности грача в Приволжске и Плесе в гнездовой период в 1983–2012 гг. (количество пар)

год	г. Приволжск	г. Плес
1983	-	93
1984	384	-
1993	500	106
1995	635	94
1996	737	117
1997	623	64
1998	-	94
1999	625	85
2001	498	87
2002	656	93
2003	621	56
2004	517	77
2005	533	103
2006	490	92
2007	507	91
2008	430	42
2009	530	68
2010	515	68
2011	441	37
2012	377	35

За время наблюдений число гнездящихся грачей в г. Плесе редко превышало 100 пар. Основным местом размещения колонии был склон и мысы коренного берега между ул. Карла Маркса и ул. Ленина. С 1993 по 2007 годы здесь находилось около половины гнезд грачей в городе. Большая часть гнезд располагалась

на березах, соснах. С 2008 года колония на склоне прекратила свое существование.

Гнездование грача постоянно отмечали около здания "ВТО" (13–19 гнезд) и рядом на ул. Островского д. 10. Но с 2011 года жилых гнезд грача около "ВТО" уже не было отмечено. На ул. Островского в 2011 г. было 7 гнезд, а в 2012 г. только 4 гнезда.

В 2004 г. на ул. Советской д. 75 появились на гнездовании две пары грачей. В 2005–2008 гг. здесь было на гнездовании 5 пар, в 2009 г. – 9 пар, в 2010 г. – 16 пар, в 2011 г. – 11 пар, в 2012 г. жилых гнезд не отмечено.

В 2007 г. на ул. Советской д. 19 на березах было отмечено гнездование двух пар грачей. В последующие годы гнездования грачей здесь не было.

В настоящее время, в г. Плесе существует одна устойчивая колония грача, которая находится на ул. Ярославской д. 11 в сосновой посадке. Эта колония появилась в 2008 г. в количестве 13 пар. В 2009 г. число гнезд в этой колонии увеличилось до 31. В таком состоянии колония была в 2010–2012 гг.

Таким образом, в последние годы численность грача находится в депрессии. В г. Приволжске стабильно большая численность грачей, прежде всего из-за наличия в окрестностях города обработанных агроценозов, где грачи находят достаточное количество корма. Птицы в городских условиях имеют возможность собирать корм на свалках, около мусорных контейнеров, на кормовых площадках.

На сокращение численности или полное исчезновение колоний грачей влияют многие причины. Основными причинами исчезновения колоний грача в городах Приволжске и Плесе является фактор беспокойства (обрезка деревьев, уничтожение гнезд человеком), а также старение гнездовых деревьев, в результате чего тяжелые грачиные гнезда не имеют достаточной опоры. На снижение численности грачей может влиять улучшение санитарного состояния в населенном пункте, сокращение мест складирования мусора и пищевых отходов, уборка территории и т. д. Но главной причиной уменьшения численности грачей в населенных пунктах является сокращение или отсутствия агроценозов с посевными площадями.

В. А. Пономарев, Е. И. Бычкова

ОСОБЕННОСТИ ОКРАСКИ СИЗЫХ ГОЛУБЕЙ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сизый голубь (*Columba livia*) является одним из основных видов птиц в населенных пунктах. Распространение вида напрямую связано с хозяйственной деятельностью человека. Благодаря этому сизый голубь имеет обширный ареал обитания, который постоянно расширяется. Для голубей характерны значительные вариации окраски оперения как у «диких» популяций, так и у многочисленных домашних пород. По результатам проводимых наблюдений и на основании литературных данных было выделено пять основных крупных типа окраски у сизых голубей – черно-чеканные, меланисты, сизые, коричневые (красные) и гибридные. Первые четыре типа окрасок являются естественными окрасками у сизых голубей. Учеты птиц были проведены в 2000–2012 гг. в 9 городских и 8 поселковых населенных пунктах (табл. 1, 2). Во всех обследованных городских популяциях голубей отмечено явное преобладание птиц с темными (черно-чеканные и меланисты) морфами окраски. Второе место по доле преобладания занимают птицы с сизой окраской оперения. Большинство птиц имели белое надхвостье (95–97%). Птицы с коричневой окраской оперения малочисленны и в некоторых обследованных городах и поселках в учетах не отмечены. Среди гибридных форм преобладают черно-чеканные, меланисты и сизые особи, которые имеют только белые маховые перья на одном или двух крыльях, белый хвост и т. д. Единичные особи имели «лохмы» различной величины.

В г. Иванове и в крупных районных городах области численность сизых голубей наиболее высокая, что сказывается на

относительной стабильности в соотношении типов окраски оперения птиц. Так, доля особей имеющих черно-чеканную окраску составляет порядка 50–60%. Затем следуют голуби меланисты (25–30%) и сизые морфы (10–15%). С увеличением численности популяции сизых голубей в г. Иванове происходящем с 2000 по 2012 год в последних учетах были отмечены относительно редкие формы дикой окраски (коричневые) и гибридной окраски (белые, белые с темными пятнами, пегие, кремовые и т. д.).

Для небольших городов и поселков городского типа с низкой численностью голубей характерно наличие только трех типов окраски у птиц – черно-чеканные, меланисты и сизые. В этих населенных пунктах иногда можно отметить резкие колебания в соотношении морф окраски сизых голубей, что связано с небольшим материалом для статистической обработки. Так, доля особей имеющих черно-чеканную окраску колеблется от 40 до 80%. Затем следуют голуби меланисты (от 10 до 50%) и сизые морфы (от 5 до 20%). Птицы с коричневой окраской оперения и «гибридные» формы в поселковых населенных пунктах практически отсутствуют.

Таблица 1

Окраска сизых голубей в городских населенных пунктах
Ивановской области

Город год учета	Типы окраски оперения сизых голубей, %				
	Черно-чеканные	Меланисты	Сизые	Коричневые	«Гибридные»
Иваново					
2000	55,7	27,9	14,5	-	1,9
2003	54,7	27,4	15,1	0,8	2,0
2005	60,5	19,7	17,1	0,7	2,0
2006	52,1	26,0	19,2	0,5	2,2
2007	54,0	23,1	18,3	2,2	2,4
2008	61,0	23,6	12,4	1,1	1,9
2009	58,8	25,3	11,4	0,9	3,6
2010	57,8	23,8	15,6	0,9	1,9
2011	54,3	29,7	13,6	1,2	1,2
2012	56,5	25,9	14,7	1,1	1,8

Шуя					
2005	61,0	27,5	9,6	-	1,9
2006	57,2	26,5	15,2	-	1,1
2007	47,9	35,4	15,6	-	1,1
2008	54,2	27,1	16,0	-	2,6
2009	70,6	14,2	14,1	-	1,2
2010	55,7	24,8	16,8	0,7	2,0
2012	70,6	15,9	11,9	0,6	1,0
Фурманов					
2005	57,0	30,0	9,2	1,9	1,9
2006	52,9	29,5	16,3	-	1,3
2009	48,3	35,7	10,1	-	5,9
2012	60,9	30,4	7,2	-	1,5
Приволжск					
2005	57,3	29,7	8,5	-	4,3
2006	48,7	34,6	16,7	-	-
2007	45,5	50	4,5	-	-
2008	53,3	33,3	13,3	-	-
2009	63,3	23,3	10,1	-	3,3
2010	71,1	17,8	6,7	-	4,4
2011	60,5	26,0	10,3	-	3,2
2012	63,1	16,9	15,4	-	4,6
Тейково					
2005	55,9	28,3	14,2	1,6	-
2007	46,4	41,5	7,3	-	4,8
2008	53,5	28,4	17,3	-	0,8
2009	60,8	22,7	15,6	-	0,9
2010	63,4	24,7	10,9	0,9	-
2011	62,8	28,6	8,6	-	-
2012	70,5	24,6	4,9	-	-
Кохма					
2011	63,5	19,5	14,6	-	2,4
2012	59,1	23,2	13,4	1,7	2,6
Комсомольск 2012	61,4	22,9	15,7	-	-
Родники 2012	71,4	21,5	7,1	-	-
Кинешма 2012	40,6	36,6	20,0	1,0	1,8

Таблица 2

Окраска сизых голубей в поселковых населенных пунктах
Ивановской области

Город год учета	Типы окраски оперения сизых голубей, %				
	Черно- чеканные	Мелани- сты	Сизые	Корич- невые	«Гиб- ридные»
Лежнево					
2003	48,2	27,6	20,7	3,5	-
2006	39,8	49,1	11,1	-	-
2007	35,7	50	14,3	-	-
2008	37,5	35	27,5	-	-
2009	58,5	24,4	14,6	-	2,5
2011	61,8	23,5	14,7	-	-
Савино					
2007	77,7	16,7	5,6	-	-
2008	70	25	5	-	-
2009	77,7	17,1	5,2	-	-
2012	64,2	29,6	6,2	-	-
Палех					
2010	70,9	19,4	6,5	-	3,2
Пестяки					
2012	53,6	35,7	10,7	-	-
Мугреевский					
2012	66,7	22,2	11,1	-	-
Демидово					
2012	71,4	20,1	8,5	-	-
Ильинское					
2012	55,6	26,7	17,7	-	-
Зиново					
2007	80	10	10	-	-
2009	63,4	10	26,6	-	-

Г. П. Шмелёва

РЕДКИЕ ВИДЫ ПТИЦ НА ЁЛНАТЬСКОМ ОТРОГЕ ГОРЬКОВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА И В АНДРОНИХОВСКОЙ ПОЙМЕ

Горьковское водохранилище образовано в 1955 г. перекрытием русла р. Волга земляной плотиной выше г. Городца. При образовании водохранилища в ходе поднятия уровня воды была залита пойма и надпойменные террасы р. Волга и низовья притоков. Горьковское водохранилище имеет сложную структуру, в которой можно выделить Костромские разливы, русловую часть (от г. Кострома до г. Юрьеvec), Юрьеvecкие разливы и отроги водохранилища – приустьевые расширения рек.

В пределах Ивановской области на побережье водохранилища наиболее экологически ценной и очень своеобразной территорией является Андрониховская пойма – широкий мелководный залив между деревнями Андрониха и Обжериха Юрьеvecкого р-на, а также прилегающие луга и леса. Ландшафты этой территории характеризуются чередованием обширных тростниковых выделов, заболоченных и окультуренных лугов, старых торфопроизрабаток, сельхозугодий, ныне не возделываемых.

Изучение населения птиц ведется на этой территории с 2003 года (Киселев и др., 2007, Melnikov, 2006, Мельников, Киселев, 2012). Всего на данной территории выявлено 150 видов птиц, 146 гнездящиеся.

В 2012 г. стационарные полевые исследования проводились в следующих точках:

1) побережье приустьевого расширения р. Ёлнать – мозаика лесов и сельхозугодий, облесенные овраги с ручьями, широкое приустьевое расширение р. Ёлнать;

2) мелководная заводь Горьковского вдхр. и прилегающие заболоченные леса и луга в окрестностях д. Обжериха близ разливов Горьковского водохранилища (Андрониховская пойма).

На исследуемой территории за весь период исследования зарегистрировано 29 видов, внесенных в Красную книгу Ивановской области (на 2012 г.).

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Исчезнувший на гнездовании, редкий пролетный вид. На Горьковском водохранилище отмечается во время миграций. В июне-июле 2010 г. группы лебедей в 4 и 7 особей регулярно регистрировались как на русловой, так и на озерной части Горьковского водохранилища.

Скопа (*Pandion haliaetus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся вид. Неоднократно отмечалась на русловой части Горьковского водохранилища и его отрогах – в устье р. Ёлнать. Андрониховская пойма: гнездятся 2–3 пары. В апреле 2012 г. пара скоп отмечалась на побережье Горьковского водохранилища в районе д. Быстрица.

Осоed (*Pernis apivorus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Немногочисленный гнездящийся вид. Ежегодно отмечается 2–3 пары в пределах стационара Андрониховская пойма.

Полевой лунь (*Circus cyaneus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Немногочисленный гнездящийся вид. Все выявленные гнездовые территории полевого луня приходятся на вырубку разной степени зарастания в лесах коренного берега, и не приурочены собственно к водохранилищу. На территории Андрониховской поймы не ежегодно отмечается одна гнездовая пара.

Большой подорлик (*Aquila clanga*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся вид. Андрониховская пойма: ежегодно регистрируется одна гнездящаяся пара. В июне 2012 г. также зарегистрирован близ д. Обжериха.

Беркут (*Aquila chrysaetos*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий вероятно гнездящийся,

пролетный и зимующий вид. Выводок орлов с двумя молодыми наблюдал западнее г. Юрьеvec М. Ю. Торопов в конце июля – начале августа 2005 г. (личное сообщение). Он определил птиц как подорликов, но детальное описание птенцов с характерной поперечной белой полосой на хвосте и белыми пятнами на крыльях позволили идентифицировать их как беркутов. Вероятно, птицы прилетали с левобережья Волги, где в 3–5 км от водохранилища начинается крупный лесной массив.

Орел-карлик (*Hieraetus pennatus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий возможно гнездящийся вид. Андрониковская пойма: ранее (2003–2004) неоднократно отмечалась темная морфа. В последние годы не отмечен.

Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся, пролетный и зимующий вид. Молодые птицы отмечались в 2007 и 2009 годах в пределах стационара Андрониковская пойма. Регулярно отмечается в низовьях р. Нодога.

Сапсан (*Falco peregrinus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий возможно гнездящийся вид. Сапсан дважды отмечен на стационаре Обжериха – 19.06.2003 птицу наблюдали над заливом водохранилища, 11.07.2004, на переходном болоте в центральной части Андрониковской поймы. Новых встреч сапсана не зарегистрировано.

Кобчик (*Falco vespertinus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся вид. В 2009 г. в Андрониковской пойме выявлена одна гнездящаяся пара.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*). Категория 2 – вид с сокращающейся численностью. Немногочисленный гнездящийся вид. В конце XX в. плотность населения составляла в районе устья р. Елнать – 4,3 пары/км², в окрестностях д. Обжериха (Андрониковская пойма) – 2,9 пары/км². В настоящее время численность многократно снизилась. На полях, прилегающих к Андрониковской пойме не ежегодно отмечается одна пара, в окрестностях с. Елнать пустельга в последние годы не обнаружена. В 2012 г. было проведено широкое обследование заброшенных

сельхозугодий Юрьеvecкого р-на, но пустельга не была зарегистрирована.

Серый журавль (*Grus grus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. На территории стационара Андрониковская пойма регулярно отмечается гнездование 3 пар журавлей.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). Категория 3 – редкий вид, имеющий локальное распространение. Редкий гнездящийся вид. В пределах стационара Андрониковская пойма ежегодно гнездится 1–2 пары. 22 апреля 2012 г. отмечался на пролёте. 3 птицы кормились на вспаханном поле около д. Якимиха в устье р. Елнать.

Малый зуек (*Charadrius dubius*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. Андрониковская пойма: ежегодно гнездится 3–4 пары.

Травник (*Tringa totanus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. Андрониковская пойма: ежегодно гнездится 3–5 пар. Отмечался в июне 2012–г. близ д. Обжериха.

Поручейник (*Tringa stagnatilis*). Категория 2 – вид, сокращающий численность. Очень редкий гнездящийся вид. Андрониковская пойма: ежегодно гнездится 3–5 пар.

Большой улит (*Tringa nebularia*). Категория 3 – редкий вид, имеющий локальное распространение. Редкий гнездящийся вид. В пределах Андрониковской поймы отмечаются выводки на прибрежных отмелях в конце гнездового периода.

Большой кроншнеп (*Numenius arquata*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. На заброшенных сельхозугодьях Андрониковской поймы гнездятся 2–3 пары. Пара с беспокойным поведением отмечалась в июне 2012 г. около д. Обжериха на берегу Горьковского водохранилища.

Черноголовый хохотун (*Larus ichthyaetus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Редкий летующий

вид. Ежегодно отмечается на Юрьевецких разливах Горьковского водохранилища. В пределах Андрониховской поймы в летний период ежегодно держатся десятки птиц преимущественно 1–2-летнего возраста. В 2012 г. одна особь отмечена в тростниковых зарослях близ д. Обжериха в местах скопления сизых и озёрных чаек.

Малая чайка (*Larus minutus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. В пределах Андрониховской поймы не ежегодно гнездится 10–15 пар.

Малая крачка (*Sterna albifrons*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся вид. Ранее гнездилась на островах и полуостровах Горьковского водохранилища. В 2004 г. на отмелях в районе д. Обжериха отмечалась территориальная пара. В пределах Андрониховской поймы в последние годы не отмечена.

Черная крачка (*Chlidonias niger*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. В пределах Андрониховской поймы ежегодно гнездится 15–30 пар. В июне 2012 г. отмечено около 10 пар близ д. Обжериха, характеризовались беспокойным поведением.

Белокрылая крачка (*Chlidonias leucopterus*). Категория 3 – вид, имеющий низкую численность и спорадическое распространение на значительных территориях. Редкий гнездящийся вид. В пределах Андрониховской поймы не ежегодно 3–5 пар гнездится в поселении черной крачки. В июне 2012 г. отмечено несколько пар с беспокойным поведением на разливах Горьковского водохранилища близ д. Обжериха.

Клинтух (*Columbia oenas*). Категория 4 – редкий слабоизученный вид, недостаточно данных для отнесения к другой категории. Редкий гнездящийся вид. Токование клинтуха ежегодно отмечается в лесах Андрониховской поймы. В конце лета регулярно регистрируются пролетные стайки до 10–15 птиц.

Длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*). Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнез-

дящийся вид. Отмечена в старовозрастном ельнике Андрониховской поймы в гнездовой период в 2007 году.

Зеленый дятел (*Picus viridis*). Категория 5 – вид, восстанавливающий свою численность. Немногочисленный гнездящийся вид. В лесах Андрониховской поймы ежегодно отмечается 2–4 пары.

Тростниковая камышевка (*Acrocephalus scirpaceus*). Категория 4 – редкий слабоизученный вид, недостаточно данных для отнесения к другой категории. Очень редкий вероятно гнездящийся вид. Гнездовая группировка сложилась в обширных тростниковых зарослях Андрониховской поймы.

Белая лазоревка (*Parus cyanus*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий возможно гнездящийся вид. Единичные встречи зарегистрированы в Андрониховской пойме на побережье Горьковского водохранилища.

Дубровник (*Emberiza aureola*). Категория 1 – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Очень редкий гнездящийся вид. На влажных лугах перед д. Андрониха существовало устойчивое поселение дубровников (5–7 пар), однако с 2009 года вид здесь, не смотря на специальные поиски, не обнаружен.

В этой связи важно подчеркнуть, что рассматриваемый стационар входит в состав ключевой орнитологической территории (КОТР) международного ранга. Северная часть Горьковского водохранилища с отрогами и прибрежными биотопами является ценной территорией для многих редких видов птиц, местообитанием ряда краснокнижных видов. В качестве ООПТ предлагается выделить Андрониховскую пойму как памятник природы – от д. Андрониха до д. Обжериха, западная граница – трасса Юрьевец-Пучеж, восточная – по водохранилищу.

Литература

1. Киселев Р. Ю., Романова С. В., Чудненко Д. Е., Есерегенов А. А. Авифауна Андрониховской поймы Горьковского водохранилища // Экологический вестник Чувашской республики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Изучение птиц на территории Волжско-Камского края», 24–26 марта 2007 г., г. Чебоксары Чувашской республики. Чебоксары, 2007. Вып. 57. С. 172–175.

2. Мельников В. Н., Киселев Р. Ю. Редкие виды птиц Андрониховской поймы (Горьковское водохранилище) // Редкие животные и грибы: материалы по ведению Красной книги Ивановской области. Иваново, 2012. С. 74–76.

4. Melnikov V. N. Raptors in the Gorkovsky Reservoir area // Status of Raptor Populations in Eastern Fennoscandia. Proceedings of the Workshop, Kostomuksha, Karelia, Russia, November 8–10, 2005. Petrozavodsk : KarRC RAS, 2006. P. 101–104.

М. П. Шилов

ПЛЕС: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ

Вопрос о памятниках природы и других, особо охраняемых природных территориях (ООПТ) в городах весьма актуален. С осознанием их значимости, обострением экологических проблем, развитием туризма со второй половины XX в. все большее число ООПТ организуются в городах, как в зарубежных странах, так и в России. В 179 городах РФ насчитывается 1050 ООПТ, что составляет 8 % от их общего числа в стране [5]. В последних документах Международного союза охраны природы (МСОП) необходимость организации городских ООПТ выделена отдельным разделом. Лидером по формированию городских ООПТ в России является Москва. Здесь их более 180, в совокупности они занимают около 15 % территории столицы [5]. В Ивановской области по числу памятников природы лидирует г. Кинешма – 34, затем следуют Вичуга – 15, Иваново – 13, Шуя – 11, Палех – 8, Плес – 5. Учет памятников природы в городах Ивановской области поставлен неудовлетворительно. Принятые по ним ранее решения в некоторых городах области утеряны.

На вопрос, нужны ли ООПТ в городах, А. Н. Иванов и В. П. Чижова, специалисты МГУ, отвечают утвердительно: «ООПТ в городах, безусловно, нужны, прежде всего, как ключевые элементы экологического каркаса... Эти природные и природно-культурные объекты выполняют средообразующие, эколого-просветительские, рекреационные, эстетические функции, имеют большое значение при проведении научных исследований, экологического мониторинга. По сравнению с обычными парками и зелеными насаждениями правовой статус ООПТ обеспечивает лучшую сохранность этих природных объектов и в боль-

шинстве случаев – лучшее выполнение возложенных на них задач» [5, с. 96].

Городские ООПТ выполняют важные экологические, воспитательные, образовательные, рекреационные, научные, культурные и экономические функции. Привлекая туристов красотой облагороженной природы, они обеспечивают их устойчивый поток и динамичное развитие туризма, а, следовательно, и экономики. Сохранение участков естественного ландшафта на урбанизированных территориях не менее важно для самосознания жителей и устойчивого развития города, чем сохранение культурного наследия в городах [2]. При этом в городах ООПТ функционируют в особой среде (табл. 1).

Таблица 1

Особенности организации и функционирования городских ООПТ
[4, 5], с корректурой автора

Биолого-экологические	Социальные	Экономические	Территориальные
Отсутствие естественных, коренных экосистем. Обедненность естественной флоры и фауны. Высокое участие адвентов. Множество лимитирующих факторов. Специфический городской микро- и мезоклимат. Высокое загрязнение среды	Высокая численность и плотность населения. Разнообразие форм хозяйственной и иной деятельности человека. Интенсивная рекреация	Большая стоимость земельных участков для ООПТ. Высокие земельные налоги. Большие затраты на поддержание функционирования ООПТ	Ограниченность территории. «Расползание» различных форм хозяйственной деятельности, вытесняющих ООПТ. Конфликты в природопользовании

Особенности организации ООПТ в каждом городе проявляются специфически. В г. Плесе естественные уголки природы

наряду с традиционной застройкой создают тот неповторимый городской ландшафт, который в свое время привлек внимание И. И. Левитана и гениально был отражен им на выдающихся полотнах мастера. О необходимости охраны ландшафтов Плеса неоднократно писал академик Д. С. Лихачев: «Мы должны брать под охрану не только памятники истории и культуры, но и памятники природы – шедевры, созданные ее «кистью и резцом», ее великолепные пейзажи. Они тоже должны быть зарегистрированы, взяты на учет, и первый среди них – Плес. Там работал Левитан, там он открыл русскую природу. Кто-то подсчитал, что треть пейзажей Левитана – плесские. Плес беречь надо как национальное достояние. Хотя Волга очень испорчена, это место пока счастливо уцелело. Но и над ним нависла угроза» [6, с. 3]. К проблеме сохранения природного наследия Плеса и его окрестностей Д. С. Лихачев возвращался неоднократно. Он писал: «Надо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и целые пейзажи, так, как это делается, например, в Шотландии, где сохраняется весь «вид» до горизонта. Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохраняемы, как памятники культуры (человеческой и природной). Одной из первых должна быть взята на учет вся зона города Плес на Волге. Центром пейзажной зоны следовало бы в таком случае избрать либо дом, в котором жил И. Левитан, либо березовую рощу на горе» [7, с. 404]. Важность охраны ландшафтов Плеса Д. С. Лихачев сравнивал с актуальностью охраны озера Байкал. По авторитетному мнению краеведа и художника В. А. Беляева, в ландшафтах Плеса записана вся его история. Вопреки настойчивой позиции Д. С. Лихачева статус с самых знаменитых в Ивановской области памятников природы – с «Рощи Левитана», «Горы Левитана», «Кедровой рощи посадки 1883 года», «Территории дома отдыха Плес и тубсанатория Плес» и др., установленный решением Ивановского облисполкома от 22.02.1965 г. № 164, был снят указом губернатора Ивановской области от 11 ноября 2010 г. № 150-уг. Напомним, что «Территория тубсанатория Плес» – это знаменитая и любимая И. И. Левитаном долина р. Шохонки. Плес, в котором нет выдающихся памятников архитектуры, тем не менее, ставший всемирно известным городом

благодаря выдающейся красоте ландшафтов, лишился памятников природы. Парадоксально и досадно.

Чтобы еще раз обосновать значимость памятников природы для Плеса напомним всем известные его образы. Плес, по словам К. Г. Паустовского, отражает «сущность русской природы», является образцом красоты ландшафтов. Не случайно Плес называют «русским самоцветом», «изумрудом Севера», «золотым Плесом», «городом улыбкой», «жемчужиной Волги», «северной сказкой», «русской Швейцарией». Значительное число новых образов Плёса сформулировано А. В. Шевцовым в его талантливо написанной книге «Республика Плес»: «образцовый русский город», «идеальный русский город», «идеал настоящей России», «модное дачное место общероссийского значения», «город художников», «излюбленная Мекка художников», «символ России», «маленький русский рай» и т. д. [9]. Большинство этих образов и брендов создавались благодаря сохранявшимся в городе уголков естественной природы, которые пронизывали Плес или вплотную примыкали к нему. По живописности Плес и его окрестности отвечают самым изысканным требованиям. Живописные плесские ландшафты вдохновляют и возвышают, пробуждают лучшие человеческие чувства, приобщают к высшему и вечному, облагораживают, делают людей добрее и милосерднее. Стремление к красоте и совершенству – «вечный зов» человека, одна из его самых сильных духовных потребностей. Воздействие красоты столь сильно, что это дало основание Ф. М. Достоевскому заявить: «Красота спасет мир».

Необходимость сохранения памятников природы Плёса покажем на примере долины Шохонки. В границах водоохранной зоны в г. Плесе и в его ближайших окрестностях она имеет площадь 70 га, и была признана памятником природы решением малого Совета Ивановского областного Совета народных депутатов № 138 от 11.06.1993 г. По мнению геолога Г. В. Обидиентовой «Речка Шохонка коротка, всего несколько километров, но многоводна. Пересекая Плес, она увеличивает красоту живописных пейзажей города. Так, что тектоника, внутренние силы земли, способствуют возвеличанию Плёса, этого удивительно гармоничного сочетания природы и древнего города» [8, с. 7].

В США особенно ценится дикая природа, как якобы созданная божественными силами. В отечественной и западной традиции акцентируется внимание и на природу, облагороженную человеком. По авторитетному мнению А. М. Горького «Самая высшая красота там, где встречаются две природы – естественная и созданная человеком». Более 200 лет назад в своей знаменитой поэме «Сады» Жак Делиль отводил человеку великую творческую роль: «Мир создал бог, украсил – человек!» [3, с. 47]. Человек инстинктивно стремится соприкоснуться с миром дикой природы, как творением всевышнего. Однако, для удовлетворения своих жизненно важных потребностей, он неизбежно изменяет дикую природу. При разумном неспешном осмысленном подходе, изменяя дикую природу, человек создает потрясающей красоты ландшафты, не менее красивые, чем дикие, первородные, что мы и видим на примере долины р. Шохонки. Здесь в долине Шохонки в ограниченном пространстве гармонично сочетаются окультуренные антропогенные ландшафты – Заречная (Рыбная) и Троицкая слободы и дикая природа – местечко «Ключи». В долине Шохонки, на протяжении, по меньшей мере, шести столетий, человек, адаптируя природу к своим потребностям, застройкой ландшафта соразмерными человеку малоэтажными домами, создал картину, которая поражает жителей крупных городов и мегаполисов своей особой гуманной привлекательностью. Вот эта гармония природы и человека, эта поистине одухотворенная очеловеченная природа и является причиной особой красоты и притягательности Шохонки. В долине Шохонки в наличие и в гармоничном сочетании все основные стихии природы: богатейший рельеф, воды великой русской р. Волги, постоянно журчащая речка Шохонка, напоенный ароматами трав воздух, растения, птицы и архитектурные объекты, удачно вписанные в ландшафт. Все это в гармоничном сочетании и создает основу идеальных пейзажей. С эстетических позиций Шохонка и ее долина – это и эталон среднерусской природы, и одновременно ее величайшее творение.

Подчеркнем некоторые особенности речки Шохонки и ее долины. Безусловно, как и Плес, она является своеобразным природным и культурным феноменом.

1. Долина Шохонки – историческое место. Она сыграла очень важную роль в возникновении Плёса, и в его дальнейшем развитии.

2. Долина Шохонки – мемориальное пространство И. И. Левитана. На берегу Шохонки, в нынешнем здании музея его имени, он прожил в общей сложности три летних сезона (1888–1890 гг.). Он ежедневно наблюдал пейзажи Шохонки и талантливо отразил их на многочисленных этюдах и в своих знаменитых картинах.

3. Долина Шохонки – уникальный пленэр. Как и Плёс, долина Шохонки раскрыта на север и благодаря своеобразной светопластике создает необычайно сильное сказочное и иное впечатление. Пейзажи Шохонки, плёсские пейзажи, благодаря Волге, крупнейшей реки в Европе – это пейзажи европейского масштаба и уровня [1].

4. Долина Шохонки (вместе с Соборной горой) – священное место Плёса. Храмы венчают Петропавловскую и Соборную горы, Панкратку, создавая эффект их художественной завершенности.

5. Крутой коренной левый берег Шохонки не пригоден для застройки. Поэтому он был и остается покрытым лесом. Благодаря этому в непосредственной близости от города сохранились естественные леса (урочище «Ключи»), рефугиумы дикой природы.

6. При незначительных размерах долина Шохонки отличается разнообразием форм рельефа, горных пород, почв, видов флоры и фауны. Дали, поляны, кручи, спуски и подъемы – все это в совокупности создает необычайную красоту. Долина Шохонки ассиметрична, что также усиливает эстетический эффект. Выдающаяся красота долины, настолько впечатлительна, что заставила Левитана сойти здесь на берег. И этот эпизод был этапным не только в жизни великого художника, но и сыграл огромную роль в последующей и нынешней истории города Плёса. Не меньшую роль он сыграет и в его будущем.

Красивая природа является источником вдохновения и поэзии. Будущее Плёса нам видится в массовом приобщении населения к живописи. Для этого есть все предпосылки. Вслед за Ле-

витаном Плёс посетили и здесь писали свои картины многие известные художники: М. С. Агеев, М. Х. Аладжалов, В. Н. Бакшеев, В. А. Балдин, С. В. Виноградов, Е. А. Грибов, А. Ф. Каманин, А. М. Корин, А. М. Кузнецов, М. В. Куприянов, Б. Н. Лукин, А. В. Маковский, М. И. Малютин, И. Н. Нефедов, П. И. Петровичев, Б. И. Пророков, Я. Д. Ромас, В. В. и Н. Ф. Родионовы, Г. К. Савицкий, Г. Б. и Л. Ф. Смирновы, Н. А. Соколов, Г. А. Сотсков, А. С. Степанов, С. Н. Троицкий, В. А. Федоров, Е. М. Хруслов, Л. М. Чернов-Плёсский, Н. П. Шлеин и многие др. И в самом Плесе ныне уже прочно обосновались около 50 художников и ювелиров. Путем проведения мастер-классов, фестивалей по рисованию среди детей, школьников, студентов, туристов, художников, можно увлечь живописью в Плесе многие слои населения. Таким образом, город, в котором творил И. И. Левитан, можно сделать пленэром для всех желающих научиться рисовать или усовершенствоваться в живописи. Плес как академия живописи – дело вполне реальное.

Речка Шохонка и ее долина сыграли судьбоносную роль в основании Плёса. При умном подходе к ней она окажет не менее важное воздействие на дальнейшее развитие города. Плес ныне позиционируется как важнейший центр развития туризма [9]. Красивые пейзажи – один из главных рекреационных ресурсов Плёса. В поисках необычного, аттрактивного, красоты, в поездках «за туманом», туристы преодолевают тысячи километров. Между тем, все это можно найти не где-то в экзотических далеких странах и океанах, а здесь, в центре России, в Плесе, в долине Шохонки. Человек на инстинктивном уровне тянется к красоте. Американцы считают, что красота природы есть непрерывный источник обогащения для тех, кто сумел ее сберечь. Пример гостевого дома «Частный визит», где цены за сутки пребывания колеблются от 6 до 12 тысяч рублей (и все номера постоянно заняты, обеспечены заявками на месяц вперед.) подтверждают это мнение. «Частный визит» расположен в Горной слободе, на высоком левом коренном берегу р. Шохонки, с которой открывается потрясающий вид на Волгу и на г. Плес. Что предлагается туристам? Прежде всего, красота долины Шохонки и чистый воздух.

Этот утилитарный пример показывает, что важнейшие ценности речки Шохонки уже оценены и в сугубо предпринимательских целях. Не случайно Д. С. Лихачев писал, что «уничтожить красивые пейзажи убыточно не только с нравственной, но и с экономической точки зрения» [6, с. 3].

Таким образом, долина Шохонки имеет историческую, мемориальную, художественную, экономическую, рекреационную и иные ценности. Анализируя итоги творчества И. И. Левитана и пейзажи Плёса, В. А. Беляев убедительно показал, что художественные ценности Плёса имеют высочайшее качество и мировое значение [1]. Говоря прозаическим языком, Плёс славен и кормится красотой, естественной красотой природы. Отсюда понятно, что природно-культурное наследие Плёса, в частности, долину речки Шохонки надо восстанавливать от нанесенных ей ран и беречь как национальное достояние, о чем неоднократно писал академик Д. С. Лихачев [6, 7] и использовать, прежде всего, как уникальный пленэр в мемориальном пространстве И. И. Левитана. Умело используя красоту, практически неисчерпаемый ресурс (если ее не разрушать бездумными деяниями), Плёс может динамично развиваться долгие-долгие годы. В этом отношении Плёс вне конкуренции со всеми остальными городами Ивановской области, да и многими иными городами России. Однако большой бизнес делает из левитановского Плёса обычный гламурный туристский город с многочисленными магазинами, всевозможными развлечениями, невообразимой сутолокой. При этом неизбежно теряется многое из того, что сделало Плес знаменитым городом.

Большое значение имеют и другие плёские памятники природы, в том числе и те, с которых необоснованно снят охраняемый статус. За Плёс и его будущее обидно и тревожно.

Литература

1. Беляев В. А. Находка Левитана // Материалы научно-практической конференции. «XII Плёские чтения». Плёс, 2010. С. 3–5.
2. Борейко В. Е. Святые дикая природы. Киев, 1998.
3. Дельи Ж. Сады. Л. : АН СССР, 1988.

4. Дежкин В. В., Горелов Б. Охраняемые природные территории в городах России // Использование и охрана природных ресурсов России. 2007. № 3. С. 49–53.

5. Иванов А. Н., Чижова В. П. Охраняемые природные территории. М. : МГУ, 2010.

6. Лихачев Д. С. Беседы о близком и далеком // Известия. 1986. 23 авг. С. 3.

7. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л., 1989.

8. Обедиентова Г. В. Происхождение и развитие Плёского ландшафта // Материалы научной конференции «V Плёские чтения». Плёс, 1994. С. 3–9.

9. Шевцов А. В. Республика Плёс. Плёс, 2010.

М. П. Шилов, Т. Н. Шилова

МАТЕРИАЛЫ К ПОТАМОНИМИИ ЗАВОЛЖСКОГО РАЙОНА

Потамоним – собственное название реки, их совокупность на той или иной территории составляет потамонию. По территории Заволжского района Ивановской области протекает 43 реки и 22 ручья, в т. ч. 9 рек длиной более 10 км каждая (Волга, Мера, Кистега, Локша, Колдома, Порнышиха, Шохна, Мокша, Шача). Список их нами составлен на основе анализа картографических материалов, справочников по болотам [9, 10] и других источников. В жаркое засушливое лето русла некоторых мелких речек пересыхают, а зимой промерзают до дна. Притоки Волги – молодые реки, текущие часто в высоких берегах. Причем берега у них неодинаковые: один пологий, а другой обрывистый. Местами обрывы достигают высоты 25–40 м. Гармоничное сочетание лесов и рек формирует изумительные пейзажи, которые притягивают к себе внимание сотен и тысяч людей. Здесь приволье как для «диких», так и для организованных туристов. Судходными являются Волга, нижнее течение Меры, а также эстуарии Колдомы, Лохмы, Локши и Кистеги (расширенные и приподнятые водохранилищем воды в их устьях).

РЕКИ

Волга. Берет начало из ключа у д. Ключ, близ д. Волго-Верховье Тверской области. Протекает по южной границе района на протяжении 70 км. Вода в Волге поднята плотиной Горьковской ГЭС. Пойма реки затоплена на всем протяжении в пределах Заволжского района. Местность изрезана оврагами. Грунтовые воды иссушены. Левый коренной берег Волги покрыт хвойными, хвойно-мелколиственными и мелколиственными лесами с преобладанием ели, сосны, березы и осины с подлеском из рябины, че-

ремухи, шиповника и крушины. По склонам в долине р. Волги распространены сероольховники с рябиной, черемухой, смородиной и калиной в подлеске, а также вязовые рощи. В пределах района Волга подпитывается водами с нескольких болот: Борщевское (п; 9,9¹), Гавриловка (н, 2,6), Под Канавой (н, 3,5). Долина Волги очень живописна. Не случайно на берегах реки было построено несколько дворянских усадеб: Мысы, Студеные ключи, Яблонька, Соколово и др. [5]. На берегу Волги между д. Шерониha и Мартыниha строится база отдыха ЗАО «Холдинговая компания «Марк-Контракт»» «Белая дача» на 100 отдыхающих. Предложено много гипотез происхождения названия реки. В настоящее время ученые полагают, что название реки древнеславянское – от «влага», «волгнуть». Не случайно в верховьях реки распространены такие топонимы как Волого, Волога, Волгино-Верховье, Волго. В пользу этой гипотезы приводят названия таких рек Влтава в Чехословакии, Вильга в Польше [7].

Глиненка. Река названа по глинистому грунту русла, либо берегов.

Горшиха. Названа по несколько усеченной фамилии Горшихин (1)².

Гремячка. Весной река разливается, речной поток по камешкам издает характерные звуки, журчит, гремит.

Елеменка. На ее берегах в XIX в. располагались усадьбы Петровка и Елеменка [5].

Кистега – левый приток Волги. Исток находится в Костромской области, впадает в Волгу у д. Хмельво. Длина реки 45 км, площадь водосбора 507 км² (по другим данным, длина ее 41 км, площадь водосбора 206 км²). Протекает по территории с севера на юг. Верховья ее находятся в лесистой заболоченной местности, где река набирает много воды. Река подпитывается водами с болот: Калачево (н; 19), Чернижное (н; 87). Ширина русла реки здесь составляет 5–6 м, левый коренной берег высокий с покатыми склонами, местами луговой, местами порос сероольховыми перелесками. Глубина на плесах достигает 4 м. Долина реки ассиметрична: левых притоков гораздо больше и они длиннее, правые притоки короткие и немногочисленные. Слева в Кистегу впадают Русташка, справа – Пучка, Бабка, Сорож, Чер-

менка, Чёрная, Шарница. При заполнении Горьковского водохранилища в устье Кистеги образовался залив – эстуарий. На Кистеге много излюбленных мест для любительского рыболовства и хорошего отдыха. Долина реки очень живописна, славится уникальной красотой и множеством экологически чистых мест. Не случайно, здесь в д. Аверино располагалась дворянская усадьба Зюзиных, а ниже по течению реки в с. Корнилово – дворян Куломзиных [5]. Вода в Кистеге отличается чистотой. В реке обитают жерех, судак, лещ, щука, сом, сазан, налим. Установлены запретные сроки (периоды) лова рыбы: от устья вверх по течению до д. Милитино и акватория в устье в пределах 300 м от уреза воды. Широкий эстуарий реки – превосходное место для рекреации. В названии реки общеславянская основа – «кисть», – ответвление [7].

Клиновица – левый приток р. Мерь. В названии реки отражена извилистость русла, которое на местности сформировало характерную излучину в виде клина.

Колдома (Большая Колдома) – левый приток Волги. Исток ее находится в 8 км восточнее д. Кожуховская. Вытекает из юго-восточной части переходного болота Тазовского (п; 125), близ д. Апалихи. Впадает в Волгу, у с. Новлянское. Длина 22 км, площадь водосбора 106 км². Река подпитывается водами болот: Белое (п; 20), Черное (в, п; 38). Ширина русла колеблется от 1 – 2 м в верховьях, до 6 – 8 (10) м в низовьях. Прирусловый берег вблизи устья обрывистый, дно отлогое, песчаное. Долина реки очень живописная. На ее берегах в с. Надеждино располагалась усадьба дворян Безобразовых [5]. Пойма реки в низовьях луговая. В названии реки лежит праславянское «колд» – холодный источник [7].

Кукеша. Одноименная река протекает в Костромской области. Название реки производят от древнерусского слова «куяк» – панцирь, броня, одежда, куяжнице – ропот, шум. Шумная река (шум на перекатах [Казанский]).

Кузьминка (приток Нодоги). В основе названия реки русское имя Кузьма, или распространенная фамилия Кузьмин (92).

Курловка вытекает из юго-западной части низинного болота Курловское в окр. д. Гусиха. Названа по фамилии Курлов, известной в России с 1564 г. [1].

Куторка. Название реки, вероятно, произошло от распространенного у башкир тюркского мужского имени Кутыр – «костра», -ка – русский суффикс. Одноименные реки протекают в республике Башкортостан, в Свердловской и Челябинской областях [4].

Локша – левый приток Волги. Исток ее находится у д. Лентьево, устье у д. Ватаги. Длина реки 36 км, площадь водосбора 98 км². Ширина русла колеблется от 1–2 м в верховьях, до 5–6 м в низовьях. Средняя глубина максимальная 3 м. На протяжении примерно 2,5 км от устья лес по обоим берегам сведен. Выше берега покрыты густым смешанным лесом. Прирусловый берег в зоне подтопления пологий, местами заболочен, выше зоны подтопления и ближе к устью – обрывистый. Река подпитывается водами с болот: Лентоевское (в, 98), Голубишное II (п, н; 30), Еромково (н; 3,5), Яснишно (в; 7,5). Долина реки местами очень живописна. Здесь, на берегу реки в с. Есиплево располагалась усадьба дворян Калачовых, а ниже по течению, близ нынешней д. Челесниково в XIX в. была усадьба С. П. Дмитриева, автора книги и нескольких статей по сельскому хозяйству [3]. Здесь же в 1839 г. случилось редкое аномальное природное явление – выпал метеоритный дождь [5]. Название реки финно-угорское – речка с заливами, излучинами [7].

Лохма. В основе названия слова «лохмы», «лохмотья» в смысле клочья. Лохматить – драть, рвать на лохмотья [2]. В период весеннего половодья река видимо размывает берега, либо откладывает в пойме наносы мусора, травы в виде лохмотьев, лохматит наносами мусора её поверхность.

Меца – подпитывается водами с болот: Гарник (н; 17), Чувисовское (с, п; 115). Название – характеристика – маленькая [7].

Мера – левый приток р. Волги. Берет начало в Костромской области, впадает в Волгу близ п. Заречный. Общая длина реки 152 км, в границах района 15 км, средняя глубина 3,5 м, максимальная 8 м. Левый берег крутой, правый пологий. Выше зоны подтопления прирусловые берега обрывистые. По корен-

ным берегам растут ель, береза и сосна. На левом берегу близ д. Городище растет липовая роща. Река подпитывается водами с болот: Сухое I и II. Долина реки очень живописна. Здесь, в с. Долматовский располагалась усадьба фабрикантов Миндовских [5]. Близ устья реки расположена база отдыха «Заречье» ООО «Мера»; в сосновом бору на высоком берегу р. Меры расположена ООО «Дошат центр спорта и отдыха». Это постоянное место проведения первенства России среди школьников по спортивному ориентированию. Долина р. Меры – место массового обитания уток и других водоплавающих птиц. Свое название река получила по племени меря [7].

Мережка – на ней расположены д. Вершинино, д. Кирино и д. Михайловская.

Мокша – правый приток р. Шачи. Название финно-угорское. Значение неизвестно.

Одинчевка Первая – приток р. Шачи.

Одинчевка Вторая – приток р. Шачи. В основе названия Первой и Второй Одинченок – число «один». Возможно, они названы по несколько измененной фамилии Одинцов (9). Вероятно, человек с этой фамилией поселился на берегах данной реки по началу один и, таким образом, своим одиноким проживанием мог невольно дать реке такое название.

Перекол протекает близ низинного болота Малинное (н; 4,1) в окр. д. Пезлово. Река подпитывается водами с болота Малинное (н; 4,1). Вероятно, река названа по поперечной запруде в ее русле из кольев. Возможно в русле реки были перекаты, поперечные гряды, сужения, береговые выступы [2].

Пожма. Известна одноименная река – приток р. Лузы (Двинско-Печорский бассейновый округ, речной бассейн С. Двины). Возможно, данный потамоним является дериватом слова «пожня» – хороший пойменный луг [6].

Покша. Протекает близ болота Гарник. В пойме реки расположено низинное болото Поделово (н, 136). Река подпитывается водами с болот: Гарник (н, 17), Гарник I (Н; 8,1), Лобановское (н, 2,5), Чувисовское, Круглое (в; 4,4), Чернижное, Болотичка (н, 3,5). На живописном берегу р. Покши в сельце Измайлово (ныне с. Колшево) находилась дворянская усадьба, известная с XVII в.,

которой владели князь И. А. Голицын, братья Черторижские, Исаковы [5]. Название реки финно-угорское: мансийское «па» – лес [7].

Порныш. В живописной местности долины р. Порныш, у с. Комарово располагалась старинная дворянская усадьба Полозовых, известная с XIV в. [5]. Название реки финно-угорское. В основе его слово «порнов» – местность, расположенная напротив лощины [7].

Порнышиха – правый приток р. Меры. Берет начало в окр. д. Починок. Близ устья на левом берегу расположено с. Порныш. В основе названия финно-угорское «порнов» – местность, расположенная напротив лощины [7].

Прудовки – приток р. Хохломки. Вероятно, на реке были устроены пруды.

Пучка – правый приток р. Кистеги. Река подпитывается водами с болота Фофаныха (п; 9,7). Вероятно, в основе названия слово «пучок», отсюда фамилия Пучков (18).

Рогозиниха – приток р. Меры. На высоком берегу реки располагалась усадьба генерала Г. И. Невельского [Касаткина]. Названа по фамилии Рогозин (12).

Рустопка – правый приток р. Кистеги. Протекает близ низинного болота Никоновский дол в окр. д. Никоновка. Река подпитывается водами с болота Никоновский Дол (н; 7,9). Возможно данный потамоним является дериватом слова «растопка».

Рыбаловка. Вероятно, известна среди рыбаков как рыбная река.

Сендега.

Сороженка. Протекает вблизи болота Балакирево (н; 275), в окр. д. Ивашево. Вероятно, названа, как и следующая река, по народному названию рыбы плотва (сорожка), либо по несколько измененной фамилии Сорожкин.

Сорож – правый приток р. Кистеги. Подпитывается водами с болота Заднее (п,н; 56). Известна деревня Сорожино в Вологодской области.

Трошиха протекает близ низинного болота Становое в окр. д. Жилино. Река подпитывается водами с болота Становое

(н; 16,1). Один из возможных вариантов объяснения названия реки – оно дано по заросшим тростником берегам.

Хохломка (с притоком Прудовка). В основе названия реки слово «хохолица» – заросли кустарников по берегам реки, валежник, плавник в пойме реки [7].

Черная – правый приток р. Кистеги. Река подпитывается водами с болот: Горелое I (п; 6,3), Артюковское (п; 11), Черное (н; 6,4). Река протекает по болотистой местности, вода в ней темного цвета, отсюда и название – Черная.

Черменка – правый приток р. Кистеги.

Черновка – протекает по болотистой местности, вода в ней темного цвета, отсюда и название – Черновка. Суффикс «вк» подчеркивает незначительный размер реки. Скорее это всего лишь ручей.

Шарница (Шарня) – правый приток р. Кистеги. Названа по фамилии Шарнин (2).

Шача – подпитывается водами с болота Дичево (в; 53). Происхождение названия одни относят к финно-угорским гидронимам; другие – к древне-русским: шаять – оплывать, никнуть, удалять; шаять > шаячь + а (речн. суфф.), со значением «уносные берега» [4]. Третьи авторы относят данный потамоним к славянским со значением «красивое место, трава, луг» [7].

Шишкина – приток р. Шачи. Названа по фамилии Шишкин (38)

Шохна – левый приток р. Волги. Название этой и следующей реки, возможно, имеет связь со словом «шохра» – заболоченный, сырой, кочковатый, угнетенный ельник [6].

Шохма – правый приток р. Меры, подпитывается водами с болота Платковское (в, 4,6).

РУЧЬИ

Вербьш – протекает близ низинных болот Кузьминский луг (окр. д. Лопатино) и Буяковское (окр. д. Буяково). Вероятно, в основе название верба, известный вид ивы. Либо назван по усеченной фамилии Вербьшев (1).

Гришаниха. Назван по фамилии Гришанин (3), либо по разговорно-ласкательной форме имени Григорий (Гришаня).

Гудковский. Назван по фамилии Гудков (14).

Захаровский – вытекает из прудов, расположенных у южного края болота Чувисовского. Назван по широко распространенной фамилии Захаров (138).

Ильинка. Назван по разговорной форме мужского имени Илья (Ильинка), либо по фамилии Ильин (54).

Кафтаниха – приток р. Прудовки. Назван по фамилии Кафтанов.

Колупинский – протекает по болоту Черному (в, п; 38) в окр. б.д. Караево. В основе названия ручья прозвище Колупай, известное в России с 1495 г. [11], либо несколько измененная фамилия Колупаев.

Каторжа – подпитывается водами с болота Озеро (п; 34). Возможно, как-то связано со словом «каторжанин».

Локша – на нем расположена д. Белоногово.

Лыковка. Вероятно, в ручье мочили кору липы (лыко) для получения мочала.

Мишица. В основе названия ручья разговорно-ласкательная форма имени Михаил (Миша), либо ручей назван по фамилии Мишин (21).

Орша. Одноименная река протекает на Украине. В названии ручья балто-славянский корень со значением «вода», «река» [7].

Солдышка. В основе названия ручья финское слово «сало» – глухой безлюдный лес [7].

Татимец – приток р. Покши.

Черный – вытекает из северо-западного края болота Лентьевского, или Лентоевского, в окрестностях д. Лентьево. Вода в ручье темного цвета, отсюда и его название – Черный.

Чернявка вытекает из болота, вода в нем темного цвета, отсюда и название – Чернявка.

Безымянный ручей – на нем расположена д. Ямново.

Безымянный ручей – на нем расположена д. Ахлебинка.

Безымянный ручей протекает близ болота Поружкино (п; 4) в окр. д. Панафидина.

Безымянный ручей протекает по болоту: Грязовка (н; 10) в окр. д. Минино.

Безымянный ручей вытекает из болота Голубишное (п; 3,4) близ д. Кривцово.

Безымянный ручей вытекает из болота Моховое 1 (п; 2,8) в окр. д. Андрониха.

Вероятно, ручьев в районе гораздо больше.

П. П. Rogozin считал, что «гидронимов от личных имен почти не существует» [7, с. 39]. В отношении значительных и тем более, средних и крупных рек, это действительно так. Лишь 4 потамонима (или 9,5 % из числа рек) можно отнести к антропонимам. Анализ названий ручьев показывает, что 8 из них (или 36,3 %) относятся к антропонимам, т. е. получили свои названия от фамилий, прозвищ и имен лиц, так или иначе с ними связанных. И это не случайно. Во-первых, вряд ли в древние времена малым рекам и тем более ручьям давали названия; во-вторых, многие из них попали в сферу деятельности человека лишь при достаточно высокой заселенности и освоенности территории, что произошло исторически буквально за последние 2–3 столетия, в-третьих множество ручьев за последние столетия могло просто исчезнуть³, а другие появиться вновь, и, наконец, освоение ручьев могло быть связано с немногими лицами, по которым они и получали названия.

Любопытно, что 4 водотока, или 6,2 % от общего их числа в районе, названы по черному, темному, коричневатому цвету воды (реки Черная и Черновка, ручьи Черный и Чернявка), что объясняется высокой заболоченностью территории Заволжского района.

В низовьях перечисленных рек обитают плотва, лещ, щука, густера, окунь, уклея, судак, налим, линь, язь, красноперка, пескарь, ерш, жерех, вьюн, елец, берш, голавль, верховка, голянь, карп, чехонь, подкаменщик, речные раки. Из околводных и водных зверьков обычны норка, выдра и ондатра. Эстуарии рек (подтопленные и расширенные низовья) с прилегающими островами являются местом массового нереста, нагула и зимовки основных промысловых рыб и являются охраняемыми акваториями.

В конце XIX – начале XX в. на реках района было более 20 водяных мельниц: в селах Георгиевское, Корнилово, в деревнях Аверино, Земцово, Тарасиха и др.

Охрана рек Заволжского района.

Взятых под особую охрану в качестве водных заказников рек в области до сих пор нет. Желательно взять под охрану или особый контроль, следующие реки или их отдельные участки: 1) истоки большинства рек; 2) малые реки длиной до 10 км как важнейшую «капиллярную» систему ландшафта; их узкие и сырые поймы должны оставаться под лесом; 3) отдельные малые участки средних и крупных рек, отличающиеся наименее нарушенными природными условиями, богатым растительным и животным миром; 4) все устьевые части притоков и отдельные заводи, имеющие важное значение как места нереста и нагула рыб, важнейшие зимовальные ямы; важное рыбохозяйственное значение имеют и подлежат особой охране реки Локша, Кистега, Мера; 5) реки с обитанием в них речных раков: Кистега, Мера (среднее течение); 6) реки – важные источники снабжения населения питьевой водой; 7) реки, интенсивно используемые под рекреацию: Волга, Мера; 7) реки с особо живописным ландшафтом. Для охраны этих рек важно оставить в неприкосновенности прирусловые лесостариковые полосы (или восстановить их, если они нарушены), которые должны начинаться от истока и следовать на всем протяжении реки по обоим берегам до устья.

Примечания

¹ Здесь и далее в скобках после названия болот (при первом его упоминании) буквами обозначены их типы: «п» – переходные, «в» – верховые, «н» – низинные, «с» – смешанные, цифрами – площади болот в га.

² Здесь и далее после фамилии в круглых скобках цифрами отмечено количество абонентов с данной фамилией, указанное в «Телефонном справочнике г. Иванова» (1993). При этом подсчитывались фамилии как мужские, так и женские.

³ В 1964–1984 гг. при проведении мелиорации земель в некоторых местностях исчезало до 20–30 % малых рек.

Литература

1. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / под ред. В. И. Буганова и Б. В. Левшина. М. : Наука, 1974.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык Медиа, 2006.

3. Дмитриев С. П. Опыт практических замечаний Кинешемского землевладельца о сельском хозяйстве Костромской губернии. СПб., 1843.

4. Казанский В. Н. Имя твоей реки: как это по-русски? Челябинск, 2008.

5. Касаткина С. В. Усадьбы Заволжья. М. : ООО Изд-во «Планта», 2012.

6. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

7. Rogozin P. P. Язык земли Ивановской // Краеведческий вестник. 13. Научно-популярный журнал. Фурманово ; Акульцево : Изд. Дом Николаевых, 2010.

8. Телефонный справочник. Иваново, 1993.

9. Торфяные месторождения Ивановской области. М., 1972.

10. Торфяной фонд РСФСР. Торфяные болота Ивановской области. М., 1940.

11. Тушков Н. И. Словарь древнерусских личных собственных имен: с прил. / подг. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского. М. : Языки славянских культур, 2005.

М. А. Голубева, А. А. Калинин, А. И. Сорокин

РЕДКИЕ ОХРАНЯЕМЫЕ В РЕГИОНЕ ВИДЫ РАСТЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИВОЛЖСКОГО РАЙОНА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Приволжский район создан в 1983 году, занимает площадь 600 кв. км. Административный центр – город Приволжск. На территории района на берегу р. Волги расположен небольшой древний город Плес. Плес в настоящее время – туристический и культурный центр области и России. В зону охраняемого ландшафта Плесского музея-заповедника частично входит в том числе и часть Приволжского района. Флора Плесского музея-заповедника отличается высоким видовым богатством и насыщенностью редкими, внесенными в региональную Красную книгу (2010) видами растений. Всего их насчитывается 50. На участке музея-заповедника и его зон охраны, относящемуся к Приволжскому району, нами отмечено 44 охраняемых в регионе вида. В настоящей статье мы остановимся на описании местонахождений редких охраняемых видов, выявленных в Приволжском районе за пределами Плесского музея-заповедника и его зон охраны. Некоторые из них приводятся впервые. Собранные гербарные образцы хранятся в Гербарии Плесского музея-заповедника (PLES), в статье делаются ссылки на гербарий, хранящийся в Ивановском государственном историко-краеведческом музее (ОКМ).

Ужовник обыкновенный – *Ophioglossum vulgatum* L., семейство Ужовниковые (*Ophioglossaceae*), категория редкости – 3. Вид обнаружен между пос. Новое и пос. Поверстное, на сыром лугу правого берега р. Тезы, встречается изредка (18.06.1993, М. Голубева, О. Лобашова – PLES). Данное местонахождение вида не учтено в региональной Красной книге (2010).

Осока просяная – *Carex panicea* L., семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. В районе известно одно местонахождение вида: южная окраина г. Приволжска, со стороны д. Василево, пологий низкотравный луг на правом берегу р. Таха, плотная группа площадью 6 м² (27.05.1998, Голубева – PLES; Голубева, 2001).

Осока прямоколосая – *Carex atherodes* Spreng., семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Вид обнаружен в 0,7 км на юго-запад от пос. Поверстное, на разработанном торфяном болоте, поросшем высокотравьем (30.05.2005, Голубева, А. Сорокин – PLES).

Пушица стройная – *Eriophorum gracile* Koch, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Местонахождение вида обнаружено в 3 км восточнее пос. Поверстное, в районе истоков р. Тезы, на участке верхового болота «Озерок» (23.07.1991, Голубева, Сорокин – PLES).

Пушица широколистная – *Eriophorum latifolium* Норре, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено несколько местонахождений вида: 1) юго-восточная окраина д. Филисово, на лугу вдоль ручья, довольно часто, вместе с *E. angustifolium* (29.05.1993, Голубева, И. Енов, Н. Меер – PLES); 2) окрестности г. Приволжска, в 0,3 км на север от д. Трусиха, сыроватый луг на правом берегу р. Шача (4.06.1993, Голубева, С. Кабешова – PLES).

Гнездовка настоящая – *Neottia nidus-avis* (L.) Rich., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Вид найден в 1 км севернее д. Иголково, близ водоканала Волга-Увель, в смешанном лиственном лесу из осины и березы, встречен 1 экземпляр (наблюдения и фото А. Калинина, 2.07.2012). Вновь выявленное местонахождение вида, не учтено в Красной книге (2010).

Дремлик болотный – *Epipactis palustris* (Mill.) Crantz, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Местонахождение вида выявлено в 0,4 км восточнее д. Ширяиха, вдоль тропы на г. Приволжск, южнее железнодорожного пути ст. Красинское – г. Волгореченск, на сырой луговине, в месте выхода ключей. Обнаружена небольшая популяция на площади 6 кв. м,

состоящая из плодоносящих и вегетативных побегов (наблюдения и фото А. Калинина, 2.07.2012). Местонахождение не учтено в Красной книге Ивановской области (2010).

Живокость высокая – *Delphinium elatum* L., семейство Лютиковые (*Ranunculaceae*), категория редкости – 3. В начале XX века вид отмечался на территории г. Приволжска – он был собран вблизи парка, на крутом склоне оврага (16.07.1920, Н. Смирнова – гербарий ИОКМ). Вероятно, этот гербарный сбор был сделан на склоне правого берега р. Тахи, вблизи Василевского парка, т. к. в этот же день Н. Смирновой были сделаны сборы в Дородновском (Василевском) парке, в том числе другого редкого вида – горечавки крестовидной. Повторить данную находку *Delphinium elatum* в последние годы не удастся.

Астрагал сладколистный – *Astragalus glycyphyllos* L., семейство Бобовые (*Fabaceae*), категория редкости 3. Ранее в Приволжском районе вид был известен только по склонам правого берега р. Шача и впадающего в нее ручья Васькин Поток (ручей Безымянный) на участке д. Поддубново – д. Васькин Поток-граница с Костромской областью (Голубева, 2001, PLES). На этом участке р. Шача делает крутой петлевидный изгиб, склон правого берега реки крутой, близко подходит к руслу, в основном травянистый. Астрагал сладколистный встречается плотными группами (от 2 до 6 м²), на обрывистом склоне Шачи, среди травянистой растительности и только в 0,6 км выше д. Поддубново вид отмечен в разреженном сосняке, также на крутом склоне Шачи (2.08.1993, Голубева, Т. Захарова – PLES). Вместе с ним растут – девясил иволлистный (в массе), чернокорень лекарственный (изредка), клевер горный, колокольчик скученный, люцерна серповидная, земляника зеленая, молочай Бородина (довольно редко), марьянник гребенчатый, василистник простой, коровяк черный, репешок обыкновенный, ежевика и др., на сбитых слабозадерненных участках – ноней русская. По ручью Васькин поток *Astragalus glycyphyllos* встречается в 300 м выше места его впадения в р. Шачу – как по крутому правому берегу ручья (склон горы Великан), среди травянистой растительности, так и по пологому левому берегу, среди злаков и разнотравья, в т. ч. возле насосной станции дачного коллектива, в окружении обычных видов – ежи

сборной, тимофеевки луговой, овсяницы луговой, бедрениц камнеломки, герани луговой, подмаренника мягкого, тысячелистника обыкновенного, пырея ползучего (3.06.2012, Калинин, Голубева, Сорокин – PLES). Астргал, как правило, произрастает вместе с другим редким видом – горечавкой крестовидной.

Новое местонахождение *Astragalus glycyphyllos* обнаружено между г. Приволжском и д. Василево (у д. Василево), в 0,1 км восточнее моста через р. Таху. Вид произрастает близ насыпи бывшего железнодорожного пути Яковлевский льнокомбинат – ст. Красинское (сейчас – грунтовой дороги), на высокотравном лугу, среди самых обычных видов растений – ястребинки зонтичной, вейника наземного, василька лугового, пижмы обыкновенной и др. (3.06.2012, Калинин, Голубева, Сорокин – PLES). Встречено всего несколько экземпляров. Вид, вероятно, появился здесь недавно.

Гирчовник татарский – *Conioselinum tataricum* Hoffm., семейство Зонтичные (*Umbelliferae*), категория редкости – 3. Пока в районе известно одно местонахождение вида: южная окраина г. Приволжска, близ стадиона, в верхней части склона правого берега р. Тахи, по краю кустарниковых зарослей, изредка (28.07.1993, Голубева, Захарова – PLES; Голубева, 2001).

Горечавка крестовидная – *Gentiana cruciata* L., семейство Горечавковые (*Gentianaceae*), категория редкости – 3. Отмечено несколько местонахождений вида по склонам правого берега рек Шача и Таха (Голубева, 2001): 1) г. Приволжск, парк Дороднова (16.06.1920, Смирнова – ИОКМ); 2) в 0,6 км на север от д. Толпыгино, луговой склон правого берега р. Шачи, изгиб (4.06.1993, Голубева, Кабешова – PLES); 3) у д. Лещево, по берегу р. Шачи (наблюдение М. Голубевой, 4.06.1993); 4) южная окраина г. Приволжска, в сторону д. Василево, по берегу р. Тахи (наблюдение М. Голубевой); 5) между д. Васькин Поток и д. Пречистое Костромской области, крутой открытый склон правого берега р. Шачи, по ложбине, изредка (3.08.1993, Голубева, Захарова, – PLES). Устойчивые популяции *Gentiana cruciata* образует по склонам р. Шачи, где она встречается небольшими группами. По берегам р. Тахи вид редок, отмечены немногочис-

ленные одиночные экземпляры, повторить находку вида в парке Дороднова не удастся.

Воробейник лекарственный – *Lithospermum officinale* L., семейство Бурачниковые (*Boraginaceae*), категория редкости – 2. Вид обнаружен на территории г. Приволжска, на крутых травянистых и закустаренных склонах правого берега р. Тахи – близ автомобильного моста на г. Иваново, под стадионом и в парке Василевской фабрики (Голубева, 2001).

Колокольчик болонский – *Campanula bononiensis* L., сем. Колокольчиковые (*Campanulaceae*), категория редкости – 3. В Приволжском районе известно одно местонахождение вида, вероятнее всего, заносного характера. Колокольчик болонский обнаружен между г. Приволжск и д. Василево, в 60 м от моста через р. Таху, на травянистом склоне насыпи железнодорожного пути (Голубева, 2001). В последние годы популяция вида увеличивается в численности. Так, если в год обнаружения в 1993 году было найдено всего несколько экземпляров (28.07.1993, Голубева, Захарова – PLES), то в 2012 году нами отмечено несколько десятков цветущих особей, среди высокотравья, на склоне насыпи уже демонтированного ж.-д. пути (3.06.2012, Голубева, Калинин, Сорокин – PLES).

Литература

1. Голубева М. А. К флоре города Приволжска и его окрестностей // Краевед. Записки : материалы обл. краевед. конф. Иваново, 2001. Вып. 6. С. 167–172.
2. Красная книга Ивановской области. Т. 2 : Растения и грибы / под ред. В. А. Исаева. Иваново : ПресСто, 2010. 192 с.

М. А. Голубева, А. И. Сорокин

**НЕКОТОРЫЕ РЕДКИЕ ОХРАНЯЕМЫЕ
В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВИДЫ РАСТЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
И ЕГО ЗОН ОХРАНЫ**

В данной статье сообщается о редких видах флоры сосудистых растений, относящихся к отделам Папоротникообразные, Плаунообразные, Голосемянные и Покрывтосемянные (класс Однодольные). Указываются местонахождения видов, частота встречаемости, состояние популяций. Даются ссылки на гербарные коллекции Плесского музея-заповедника (PLES), Ивановского государственного историко-краеведческого музея (ИОКМ), Ивановского государственного университета (ИВГУ). Категории редкости видов указаны по региональной Красной книге (2010).

Голокучник Роберта – *Gymnocarpium robertianum* (Hoffm.) Newm., семейство Кочедыжниковые (*Athyriaceae*), категория редкости – 3. Вид отмечен только в Приволжском р-не – между г. Плесом (в 1,2 км восточнее) и д. Порошино, на склоне правого коренного берега Волги, поросшего еловым лесом, на участке длиной около 1 км и шириной до 70 м. Приурочен к днищам залесенных оврагов с отложениями извести, где произрастает по склонам и руслам ручьев на выступающих из воды корнях и валежнике (13.08.1998, М. Голубева; 25.06.2005; Голубева, А. Сорокин, Т. Варлыгина; – PLES). В области вид известен только с этой территории.

Диплазиум сибирский – *Diplazium sibiricum* (Turcz. ex G. Kunze) Kurata, семейство Кочедыжниковые (*Athyriaceae*), категория редкости – 1. Диплазиум отмечался только однажды в Приволжском р-не, в 1 км от г. Плеса ниже по течению, на известко-

вом склоне правого коренного берега реки Волги, в густом ельнике травянистом. Была обнаружена одна небольшая группа из 15 экземпляров, без сорусов (18.07.1986, Голубева, М. Шилов, Н. Холостова и др. – PLES, MW; Богданова, Шилов, 1990). Повторить находку не удается. Это единственное указание о произрастании вида в области.

Гроздовник полулунный, или ключ-трава – *Botrichium lunaria* (L.) Swatz, семейство Ужовниковые (*Ophioglossaceae*), категория редкости – 2. Вид обнаружен в одном местонахождении: Заволжский р-н, под д. Русиновка, на намывных песках левого берега р. Волги, в 20 м от русла, на опушке молодого березняка, в хвощево-вейниковой ассоциации, несколько экземпляров (25.06.2005, Сорокин, Голубева, Варлыгина – PLES). Возможно, вид исчез, в связи с активно продолжающейся в настоящее время деятельностью песчано-гравийного карьера на этом участке Горьковского водохранилища.

Ужовник обыкновенный – *Ophioglossum vulgatum* L., семейство Ужовниковые (*Ophioglossaceae*), категория редкости – 3. Вид отмечен в 2 местонахождениях в Заволжском р-не: 1) близ д. Сторожево, на суходольном лугу по опушке леса, sp (13.06.1921, Е. Васильева, З. Павлова – гербарий ИОКМ); 2) в 0,5 км к югу от бывшей д. Комарово, низинное ключевое болото хвощево-злаково-осоковое с *Herminium monorchis*, *Listera ovata*, *Epipactis palustris* (26.06.2005, Варлыгина, А. Шевцов, Голубева, С. Зырянова – PLES). У д. Сторожево повторить находку вида не удается, под бывшей д. Комарово популяция ужовника стабильная, в основном приурочена к луговине, примыкающей к болоту, и представлена многочисленными ежегодно спороносящими особями.

Баранец обыкновенный – *Huperzia selago* (L.) Bernh. ex Schrank. et Mart., семейство Плауновые (*Lycopodiaceae*), категория редкости – 3. Отмечен в 3 местонахождениях в Приволжском районе: 1), 2) в 1,7 и в 2,5 км ниже г. Плеса, на склоне правого берега р. Волги, в ельнике кислотно-разнотравно-зеленомоховом и в смешанном лесу в устье оврага (9.06.2009, Голубева, Сорокин; 06.2011, Голубева, Сорокин – PLES); 3) окрестности д. Левашиха, в елово-мелколиственном лесу (2008, Голубева – PLES). Все популяции вида малочисленны, встречено всего по

одной мелкой группе – 3–4 побега на берегу Волги и 15 побегов у д. Левашиха.

Пихта сибирская – *Abies sibirica* Ledeb., семейство Сосновые (*Pinaceae*), категория редкости – 3. Вид культивируется как декоративное растение в городе Плесе и в старых усадебных парках в Приволжском (Миловка, Ногино – ИОКМ, PLES) и Вичугском (Борщевка) районах. Массовый самосев и вегетативное возобновление вида отмечено на территории заросшего парка у ус. Ногино, 2 молодых экземпляра пихты, явно самосевого происхождения, обнаружены в г. Плесе на склоне оврага (Больничный спуск), густо поросшего молодым липняком, на большом удалении от маточных деревьев (сбор А. Сорокина – PLES).

Коротконожка лесная – *Brachypodium sylvaticum* (Huds.) P. Beauv., семейство Злаки (*Gramineae*), категория редкости – 3. Несколько местонахождений вида обнаружено на левом берегу Волги в Заволжском районе: 1) северо-западнее д. Сторожево, на облесенном склоне правого берега ручья Каторжа, среди лиственного леса из вяза гладкого и ольхи серой, изредка (26.07.1988, М. Богданова, Е. Тюленева – PLES); 2) у д. Сторожево, склон левого берега р. Волги, выше устья р. Каторжа, на свежем лугу у опушки сероольховника (21.07.1986, М. Шилов, Богданова – PLES); 3) в 1 км юго-восточнее д. Сторожево, в 0,2 км на северо-запад от гравийной установки гравкарьера «Ляпшовка», в разреженном ельнике с подлеском из лещины, на склоне левого берега р. Волги, небольшая группа площадью 2 кв. м (18.07.1990, Богданова – PLES); 4) в 0,3 км северо-западнее с. Новлянское, в лиственном лесу (ольха серая, вяз гладкий) по оврагу, в долине левого берега р. Колдомы, изредка (4.07.1997, Голубева, Д. Иванов – PLES).

Манник дубравный – *Glyceria nemoralis* (Uechtr.) Uechtr. et Koern., семейство Злаки (*Gramineae*), категория редкости – 3. Вид произрастает в Приволжском и Заволжском р-нах в долине Волги и ее притоков, в местах выхода ключей, вдоль ручьев и оврагов, на перегнойной, богатой известью почве, на осветленных местах и в редицах, в окружении лиственных, смешанных и еловых лесов (PLES). Вид имеет не столь широкое распространение на территории музея-заповедника, как представлялось ранее

(Красная книга, 2010). Так, пока не подтверждены гербарными материалами местонахождения в Вичугском р-не, доработки и специального изучения требует и распространение вида на левобережье Волги.

Овсяница высочайшая – *Festuca altissima* All., семейство Злаки (*Gramineae*), категория редкости – 4. Вид обнаружен по берегу Волги, в 12 км ниже г. Плеса, в районе Пеньковского городища и ниже его, на территории Приволжского и Вичугского р-нов, в смешанных лесах по склону Волги (12.06.1988, М. Богданова – PLES).

Цинна широколистная – *Cinna latifolia* (Trev.) Griseb., семейство Злаки (*Gramineae*), категория редкости – 4. Вид указан без конкретных местонахождений в долине Волги в Приволжском и Вичугском р-нах (Шилов, 1989: 25), отмечался вблизи восточной границы зоны охраняемого ландшафта музея-заповедника в Вичугском р-не, в окрестностях д. Клиновец, в нижней трети склона правого берега Волги (2.08.1979, М. Шилов, Карасева – ИвГУ, гербарный экземпляр утерян). Произрастание цинны широколистной на нашей территории требует подтверждения.

Осока прямоколосая – *Carex atherodes* Spreng., семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Вид обнаружен в Приволжском р-не, в 3–3,5 км вниз по Волге от г. Плеса, в средней части склона правого берега Волги, покрытого ельником с редкой березой, на оползневом участке склона, на ключевом травяном болоте (18.07.1986, Шилов, Богданова и др.; 9.06.2009, Голубева, Сорокин – PLES). Вид встречается одиночными экземплярами и небольшими рыхлыми группами, на площади около 200 кв. м, в популяции преобладают вегетативные побеги.

Пушица стройная – *Eriophorum gracile* Koch, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено 4 местонахождения вида в Приволжском р-не. Это небольшие низинные болота – вахтовое у д. Скородумка (20.07.1986, Шилов, Богданова – PLES), хвощевое в 0,4 км южнее д. Татищево – болото Барское (18.07.1986, Богданова, Шилов – PLES) и болото Долгое у д. Горшково (16.07.1988, Шилов, Богданова, Тюленева, И. Филиппова – PLES). На них вид встречается редко, в основном

одиночными экземплярами (Богданова, Шилов, 1991). В 0,8 км северо-западнее д. Выголово вид отмечен на осоково (*Carex lasiocarpa*)-сфагновом болоте, встречается изредка (28.07.1999, Голубева, Иванов – PLES).

Пушица широколистная – *Eriophorum latifolium* Норре, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Известно 3 местонахождения вида: 1) Заволжский р-н, в 0,5 км южнее бывшей д. Комарово Новлянского с/с, напротив водоканала, низинное болото на левом берегу р. Волги, поросшее березняком и сероольховником (24.07.1992, Голубева, Т. Захарова – PLES), закустаренное (3.06.1993, Голубева, А. Смолина – PLES), открытое травяное (июнь 2005 – наблюдения М. Голубевой); 2) Приволжский р-н, в 0,2 и в 0,4 км западнее пос. Поверстное, разработанное торфяное болото, на открытом торфе (23.06.1993, Голубева, Е. Филатова, О. Чижов – PLES); 3) Приволжский р-н, против имения Миловка, травное болото на правом берегу Волги, у ключа и в низине около оврага (25.06.1920, В. Смирнова; 21.06.1921, 23.06.1921, М. Свешникова, В. Пчелкин – ИОКМ; Богданова, 1988). Последнее местонахождение, по нашему мнению, затоплено водами Горьковского водохранилища (Голубева, Захарова, 1996), повторить находку *Eriophorum latifolium* у д. Миловка не удается.

Лук огородный – *Allium oleraceum* L., семейство Лилейные (*Liliaceae*), категория редкости – 3. Обнаружены местонахождения вида в долине Волги в Заволжском и Приволжском р-нах. В Заволжском р-не вид отмечен: 1) у д. Ведерново, за заборами, на травянистом южном склоне левого берега Волги (20.07.1986, Богданова, Шилов, Н. Холмова – PLES); 2) у д. Сторожево, на склоне берега речки Каторжа, у тропинки (23.07.1992, Голубева, Захарова – PLES); 3) в 0,5 км юго-западнее с. Новлянское, на склоне оврага левого берега р. Волги, у тропинки (23.07.1993, Голубева, Л. Спасова, И. Судакова – PLES). В Приволжском р-не вид известен только на территории г. Плеса (Голубева, Сорокин, 2009) – на открытых и закустаренных склонах Соборной горы (на склоне северной экспозиции) и горы Панкратки (в верхней части склона к р. Шохонке). В последние годы, в связи со строительст-

вом дачных отелей на склонах горы Панкратки, в последнем местонахождении вид находится под угрозой исчезновения.

Спаржа лекарственная – *Asparagus officinalis* L., семейство Лилейные (*Liliaceae*), категория редкости – 4. Вид культивируется как декоративное и пищевое растение и редко встречается одичавшим вдоль дорог, на пустырях, по склонам, в основном на территории и вблизи населенных пунктов на территории Приволжского р-на. Произрастает одиночными экземплярами.

Ирис сибирский – *Iris sibirica* L., семейство Ирисовые (*Iridaceae*), категория редкости – 3. Вид известен только из одного местонахождения из Вичугского района. Он был собран до создания Горьковского водохранилища у с. Стрелка, на заливном лугу р. Сунжи, sol.gr. (19.05.1921, В. Пчелкин – ИОКМ; Богданова, 1988). В настоящее время данное местонахождение, вероятно, затоплено водами водохранилища.

Башмачок настоящий – *Cypripedium calceolus* L., семейство (*Orchidaceae*), категория редкости – 2. Известно одно местонахождение вида в Приволжском районе, в окрестностях г. Плёс, на склоне правого коренного берега р. Волги, ниже по течению от города. Впервые башмачок настоящий здесь был обнаружен в конце 80-х годов XX века жителем города А. Румянцевым (1 цветущий экземпляр). Тщательные поиски растения в этом месте позднее не увенчались успехом. Однако, в июле 2005 года *C. calceolus* был обнаружен нами в окрестностях Плёса вновь, также на склоне правого берега Волги, но на участке более отдаленном от города – в 2,5 км ниже по течению. Первоначально было найдено лишь 2 вегетативных побега (25.06.2005, Голубева, Варлыгина). Специальные поиски в мае 2006 года позволили выявить популяцию башмачка общей площадью около 300 кв. м. Башмачок настоящий произрастает в редкостойном ельнике разнотравно-зеленомошном в возрасте около 80 лет, местами с поваленными стволами и густым молодым подростом в возрасте 15–20 лет, в угнетенном состоянии. Ельник расположен на рассеченном ручьями и оврагами склоне коренного берега р. Волги, с выходами известковых туфов, на влажной, рыхлой, перегнойной, сильно известковой почве. Вид встречается одиночными экземплярами и

небольшими группами, ежегодно цветет и плодоносит (Варлыгина, Голубева, Сорокин, 2011).

Бровник одноклубневый – *Herminium monorchis* (L.) R. Вр., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 2. Вид встречается в Заволжском и Приволжском районах. В Заволжском районе вид обнаружен: 1) в 0,5 км южнее бывшей д. Комарово Новлянского с/с, напротив водоканала, низинное болото на левом берегу р. Волги, поросшее ивами, мелким березняком и сероольховником на намывных песках от карьера (24.07.1992, Голубева, Т. Захарова – PLES); 2) в 0,5 км вниз по р. Волге от д. Русиновка, на суходольном лугу среди намывных песков на левом берегу р. Волги, в массе (23.07.1992, Голубева, Захарова – PLES). В Приволжском районе известно одно местонахождение вида – в 0,3 км на запад от пос. Поверстное, на выработанном торфянике (10.07.92, Захарова, Голубева; 18.06.1993, Голубева, О. Лобашова; 23.06.1993, Голубева, Н. Киселева – PLES).

Гнездовка настоящая – *Neottia nidus-avis* (L.) Rich., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. В Приволжском районе вид был собран 1) в местечке Зобово (между г. Плес и д. Миловка), в смешанном лиственном лесу, в тенистом месте (9.06.1920, Смирнова – ИОКМ; Богданова, 1988). 2) В 15 км ниже г. Плес по р. Волге, в р-не Пеньковского городища, в смешанном лесу (наблюдения М. Голубевой); 3) бывшая усадьба Ногино, в старом запущенном липовом парке с осиной и подлеском из лещины и черемухи, 1 цветущий экземпляр (наблюдения и фото А. Сорокина, Д. Носова, Д. Иванова, 12.06.2012). Последнее местонахождение вида не учтено в региональной Красной книге (2010).

Дремлик болотный – *Epipactis palustris* (Mill.) Crantz, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Известно три местонахождения вида. В Заволжском районе вид отмечен в 0,5 км на юг от д. Комарово, напротив водоканала, на низинном болоте, местами поросшем ивами, молодым березняком и ольшанником, встречается группами, довольно часто (24.07.1992, Голубева, Захарова) и между д. Комарово и д. Русиновка, на намывных песках на закустаренном лугу по берегу р. Волги, не-

большими группами (25.06.2005, Сорокин, Голубева, Варлыгина – PLES). В Приволжском районе дремлик болотный обнаружен в 0,1 км западнее пос. Поверстное на разработанном торфяном болоте (18.06.1993, Голубева, О. Чижов – PLES).

Кокушник длиннорогий – *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Вр., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Вид найден в Заволжском районе в 0,5 км к югу от д. Комарово, на сыром лугу и по опушке леса по краю низинного ключевого болота, встречается изредка (26.06.2005, Варлыгина, Голубева, А. Шевцов, С. Зырянова – PLES). В Приволжском р-не вид известен только по старым сборам начала XX века: 1) против Миловки, на берегу Волги, на болоте (28.07.1920, Смирнова – ИОКМ). Это местонахождение в настоящее время, вероятно затоплено Горьковским водохранилищем; 2) Ногинская волость на сыром лугу около болота «сп» (16.06.1920, Пчелкин – ИОКМ), без указания конкретного местонахождения.

Ладьян трехраздельный – *Corallorhiza trifida* Chatel., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено одно местонахождение вида на территории Приволжского р-на: – в 1 км юго-восточнее д. Левашиха, по окраине еловой посадки, среди зеленых мхов, несколько экземпляров (4.07.2001, Голубева, Д. Голубев – PLES).

Литература

Богданова М. А. Ботанические находки в окрестностях Плеса (по гербарным сборам 20-х годов) // Тезисы докл. обл. науч.-практ. конф. «Проблемы изучения и заповедования Плеса». Плес, 1988. С. 49–50.

Богданова М. А., Шилов М. П. Флористические находки в окрестностях города Плеса // Проблемы изучения Плеса : материалы 3-й науч.-практ. конф. Плес, 1990. С. 95–97.

Варлыгина Т. И., Голубева М. А., Сорокин А. И. О популяции башмачка настоящего в окрестностях города Плеса Ивановской области // Изучение и охрана флоры Средней России : материалы VII науч. совещания по флоре Средней России / под ред. В. С. Новикова и др. М. : Изд-во Ботанического сада МГУ, 2011. С. 41–44.

Голубева М. А. О новых и некоторых редких видах растений Плесского музея-заповедника // Живая природа Плесского заповедника : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1996. С. 168–186.

Голубева М. А., Захарова Т. Ю. О находке *Epipactis palustris* L. и *Nerminium monorchis* (L.) R. Br. (сем. Orchidaceae) на территории Плесского музея-заповедника // Живая природа Плесского заповедника: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1996. С. 186–190.

Голубева М. А., Сорокин А. И. Флора города Плеса. Плес: ОГУ «Плесский музей-заповедник», 2009. 112 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зайканова И. Н.</i> Опыт реконструкции формирования долины р. Волга в районе г. Плеса в четвертичном периоде	3
<i>Панченко Г. В.</i> Результаты радиоуглеродного датирования захоронений на ул. Урицкого в г. Плесе	22
<i>Аверин В. А., Аверина А. В.</i> Работы ивановской археологической экспедиции в Плесе в 2008–2012 гг.	31
<i>Аверин В. А.</i> К вопросу о хронологической позиции древнерусского некрополя на Соборной горе в Плесе	42
<i>Аверин В. А., Барышников В. Ю.</i> Об итогах охранных раскопок на территории Плесского городища в 2011 году	51
<i>Зырянова С. А.</i> Конструкция набережной и инженерные сооружения города Плеса. Проблемы охраны	75
<i>Николаев В. Е.</i> К истории зарождения и развития электросвязи в Плесе	81
<i>Панченко Г. В., Полоцкая Е. Н.</i> К истории бумаготкацкой фабрики Тихомирова – Грошева в Плесе	92
<i>Беляев В. А.</i> К вопросу об охране объемно-пространственной структуры исторического Плеса	102
<i>Лебедева Л. М.</i> «Жизнь, отданная людям» по материалам из архива плесского врача-хирурга Е. И. Лебедева	106
<i>Синявин К. Г.</i> О реставрации памятника основателю города Плеса – князю Василию Дмитриевичу	112
<i>Чурюканова О. В.</i> О месте создания картины «Экипаж. Дугино» А. М. Корина из собрания Плесского музея-заповедника	116
<i>Дьяков А. Б., Халтурин В. Ю.</i> Плес как реалия китежской легенды	124
<i>Касаткина С. В.</i> Дворяне Яковлевы (Из истории семьи)	130
<i>Балдин К. Е.</i> Элементы гражданского общества в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (На примере города Иваново-Вознесенска)	138
<i>Дьяков П. А., Козлов Ю. В.</i> Александр Невский и Ивановский край	147
<i>Орлов Д. Л.</i> К проблематике исследований событий периода смутного времени в полевых исследованиях экспедиций ИГИКМ имени Д. Г. Бурьлина	152
<i>Чернецова С. Б.</i> «Брынская леснина». Формы проявления культа камня пограничной территории Ивановского и Костромского Поволжья	158

Борисова Е. А., Шилов М. П., Курганов А. А., Мишагина Д. А. Горечавка крестовидная (<i>Gentiana cruciata</i> L.) в долине реки Елнать	166
Бычкова Е. И. Основные коллекционные материалы по отряду совообразные в Ивановской области	171
Есерепов А. А. Чайковые птицы Андрониховской поймы Горьковского водохранилища	174
Мельников В. Н., Гриднева В. В. Птицы из Красной книги Ивановской области на территории Плесского музея-заповедника	179
Никитина Т. М. Предварительная оценка зимнего населения птиц города Шуи	182
Пономарев В. А., Сальников Г. М., Рябов А. В. Динамика численности грачей в городах Приволжске и Плесе	185
Пономарев В. А., Бычкова Е. И. Особенности окраски сизых голубей в населенных пунктах Ивановской области	188
Шмелёва Г. П. Редкие виды птиц на Елнатьском отроге Горьковского водохранилища и в Андрониховской пойме	192
Шилов М. П. Плес: проблемы охраны памятников природы	199
Шилов М. П., Шилова Т. Н. Материалы к потамонимии За-волжского района	208
Голубева М. А., Калинин А. А., Сорокин А. И. Редкие охраняе-мые в регионе виды растений на территории Приволжского района Ивановской области	219
Голубева М. А., Сорокин А. И. Некоторые редкие охраняемые в Ивановской области виды растений на территории Плесско-го музея-заповедника и его зон охраны	224

ХІІІ ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
научно-практической конференции

Плес, 21–22 декабря 2012 г.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая.
Печать плоская. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 200 экз.
Заказ № 21. Цена свободная

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
153002 Иваново, пр. Ленина, 47